Γ 825

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ.

КОМ

ПОЛ

3217

~~136321~~ ~~1247~~

136321

5

Фундаментальная
Научная
библиотека
Ур ГУ
Фонд

Бвр 3217

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА

V

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ГРИБОѢДОВЪ

КОМЕДІЯ „ГОРЕ ОТЪ УМА“.
ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТРЪ. — СВОЯ СЕМЬЯ. — ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ.
ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМѢ. — ПЕРЕПИСКА.

Портретъ—Біографія—Изъ критики Бѣлинскаго.

Проверено 1936 г.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА.

Фундаментальная Научной библиотеки Ур. Г. У.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1875

2914 136321

Пр. 1940

(135).

Пр. 2010

Пятый томъ «Русской Библіотеки» заключаетъ собою первую ея серію, посвященную пяти первоклассным русскимъ писателямъ нашего времени, окончившимъ свою литературную дѣятельность. Къ Пушкину, Лермонтову, Гоголю и Жуковскому, теперь присоединяется Грибоѣдовъ.

Въ предыдущихъ томахъ дѣлался выборъ лучшаго изъ полнаго собранія сочиненій упомянутыхъ писателей. Но Грибоѣдовъ не имѣетъ для себя полнаго собранія, такъ какъ въ сборникъ, сдѣланный въ 1858 году Евгр. Серчевскимъ, не вошло многое, разсѣянное по журналамъ, и послѣ его выхода въ свѣтъ публиковано вновь не мало новыхъ документовъ. Вотъ почему пятый томъ «Русской Библіотеки» получилъ иное назначеніе, а именно — замѣнить собою отчасти недостающее полное собраніе сочиненій Грибоѣдова. Сюда вошли сколько нибудь замѣчательныя статьи и переписка, разсѣянныя въ журналахъ, а нѣкоторыя печатаются въ первый разъ. Кромѣ того, самая комедія «Горе отъ

ума» является вновь просмотрѣнною и дополненною не только изданными, но и до сихъ поръ неизданными варіантами. Текстъ комедіи снабженъ историческими примѣчаніями и объясненіями.

Редакцію всего текста, а также и составленіе біографіи по тѣмъ новымъ источникамъ, которые появились въ послѣднее время, взялъ на себя Алексѣй Николаевичъ Веселовскій.

По примѣру прежнихъ томовъ, кромѣ біографіи, помѣщено извлеченіе изъ критики Бѣлинскаго. Бѣлинскій, къ сожалѣнію, не останавливался долго надъ Грибоѣдовымъ; ему случалось говорить о «Горѣ отъ ума» между прочимъ,—и потому весьма мало. Кромѣ того, относительно Грибоѣдова, мысли Бѣлинскаго вырабатывались въ немъ самомъ мало по малу: упомянувъ въ первый разъ о Грибоѣдовѣ, въ 1840 г., Бѣлинскій, увлеченный тогда Гоголемъ, хотя и отдавалъ справедливость громадному таланту Грибоѣдова, высоко цѣнилъ его знаменитую комедію, но слишкомъ настаивалъ на ея формальныхъ эстетическихъ недостаткахъ; онъ не рѣшался никого поставить даже и близко къ Гоголю. Въ 1841 г., коснувшись Грибоѣдова, онъ уже болѣе говорилъ о достоинствахъ комедіи, только вскользь упомянувъ о томъ, что она не безъ недостатковъ; нако-

нецъ, въ 1844 г., заговоривъ опять о Грибоѣдовѣ, Бѣлинскій разсматриваетъ его комедію со стороны ея общественнаго значенія, и не находитъ уже словъ для выраженія своего восторга; онъ просто ставитъ «Горе отъ ума», какъ и «Ревизора», на недосягаемую высоту. Всѣ эти отрывки,—и едва ли это не все, что́ сказалъ Бѣлинскій о Грибоѣдовѣ,—какъ три степени сужденія критика, помѣщены другъ за другомъ.

Оригиналъ приложеннаго портрета Грибоѣдова написанъ при его жизни П. А. Каратыгинымъ: въ оригиналѣ Грибоѣдовъ изображенъ во весь ростъ, сидящимъ на креслѣ; съ правой руки столъ; на столѣ книги, листъ бумаги и чернильница.

Новую серію «Русской Библіотеки» предполагается посвятить выбору лучшаго изъ произведеній писателей, продолжающихъ свою дѣятельность; по полученіи ихъ согласія немедленно будетъ приступлено къ изданію первыхъ томовъ второй серіи.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ГРИБОѢДОВЪ

—родился въ Москвѣ 4-го января 1795 года. Съ ранняго дѣтства его окружала обстановка стараго русскаго барства. Семья его вела свой родъ отъ выѣзжаго изъ Польши дворянина; помнила, что еще въ до-петровскую пору многіе ея предки занимали важныя государственныя должности; гордилась заключенными впослѣдствіи связями со многими аристократическими родами, и вообще любила тянуться за старой знатью. Домъ, въ которомъ жили Грибоѣдовы, и который сохранился до сихъ поръ въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ при нихъ, находился въ той части Москвы, которая и теперь еще не совсѣмъ утратила характеръ барскаго квартала, и своими старинными фасадами, фронтонами и львами на воротахъ, домами-особняками, назначенными для одного лишь семейства и окруженными многочисленными службами, напоминаетъ о старомъ бытѣ богатаго помѣщичества. Въ этомъ московскомъ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ встарину сложились свои особые нравы и порядки: въ то время, какъ въ другихъ частяхъ города лишь изрѣдка виднѣлись дворцы магнатовъ, воздымав-

шіеся изъ нестройныхъ группъ болѣе мѣщанскихъ построекъ, здѣсь селились одни столбовые, составляя особый міръ, связанный неразрывными узами родства, свойства, дружбы и сплетенъ. Себя только и свою жизнь эти люди считали *свѣтомъ;* у нихъ были свои мудрецы, законодатели и законодательницы свѣтскихъ приличій, свои esprits forts. Родовыя и общественныя традиціи свято наблюдались, и самостоятельная мысль гасла и замирала въ этомъ заколдованномъ кругу.

Вотъ среда, въ которой очутился ребенкомъ Грибоѣдовъ, вотъ тѣ люди, съ которыми ему пришлось впослѣдствіи имѣть дѣло. Среда эта и мнѣніе этихъ людей оказывали обаятельное вліяніе на мать его, Настасью Оедоровну Грибоѣдову: родовитость, связи, приличія имѣли для нея громадное значеніе. Играя въ домѣ первенствующую роль вслѣдствіе безучастности ея мужа (секундъ-майора Сергѣя Ивановича) въ семейныхъ дѣлахъ, она старалась во всемъ не отставать отъ передовыхъ людей своего кружка, прислушивалась къ ихъ сужденіямъ объ ея семейныхъ отношеніяхъ, и свято слѣдовала ихъ совѣтамъ. Пока дѣти ея были еще малы, имъ повидимому давали полный просторъ рѣзвиться и шалить, сколько хотѣлось. Устами Чацкаго Грибоѣдовъ неразъ съ глубокимъ чувствомъ вспоминаетъ о «невинномъ возрастѣ» своемъ, проведенномъ хотя и въ мірѣ Фамусовыхъ, но привольно, безпечно и счастливо. Люди, впослѣдствіи ставшіе ему ненавистными, были имъ еще вовсе не разгаданы, и онъ, какъ Чацкій съ Софьей-ребенкомъ весело игрывалъ въ домѣ Фамусова, скакалъ и шумѣлъ съ друзьями и подругами дѣтства, «по стульямъ и столамъ, являясь, исчезая, то тутъ, то тамъ.» Лучшимъ другомъ его рано сдѣла-

лась его старшая сестра Марья Сергѣевна (впослѣдствіи г-жа Дурново), въ которой онъ всегда встрѣчалъ сочувствіе ко всѣмъ его замысламъ и къ его борьбѣ противъ свѣтскаго гнета. Мать по своему сильно любила его, но, одержимая сильнымъ честолюбіемъ, мысленно начертила ему карьеру по собственному ея вкусу, съ той же минуты, какъ въ состояніи была разгадать необыкновенныя способности въ своемъ сынѣ. Оракуломъ для нея былъ братъ ея, Алексѣй Осдоровичъ Грибоѣдовъ (родители писателя принадлежали къ двумъ различнымъ вѣтвямъ того же рода), являвшійся въ ея глазахъ образцомъ знатнаго барина, въ совершенствѣ обладающаго знаніемъ свѣта и людей. Ничего не дѣлала она, не спросивъ его совѣта,—и раннее деспотическое вмѣшательство этого человѣка во всѣ мелочи домашняго быта чужой семьи скоро возстановило противъ него Александра Сергѣевича. Дядя придумывалъ сестрѣ и ея дѣтямъ разные необходимые визиты къ сильнымъ людямъ, визиты, которые впослѣдствіи могли имъ пригодиться, и чѣмъ дальше, тѣмъ самовольнѣе складывалъ ту среду, въ которой они должны были вращаться. Чацкій, вспоминая дѣтство, говоритъ о «Несторѣ негодяевъ знатныхъ», къ которому Фамусовъ еще съ пеленъ, для замысловъ какихъ-то непонятныхъ, дитятею возилъ его на поклонъ: это—черта, взятая изъ жизни самого Грибоѣдова.

Впрочемъ, не въ одной этой наспльственной дрессировкѣ молодого барича для будущей свѣтской карьеры, основанной въ Фамусовскомъ духѣ на искательствѣ и низкопоклонствѣ, проходило все дѣтство Грибоѣдова. Мать его, хотя и тянулась за аристократіей, однако имѣла тѣмъ не менѣе нѣкоторыя

поползновенія къ своеобразному воспитательному плану, шедшему даже нѣсколько въ разрѣзъ съ принятыми взглядами. Она постаралась сдѣлать воспитаніе дѣтей по преимуществу домашнимъ, поручая главный надзоръ педагогамъ-иностранцамъ. Первый изъ нихъ былъ Петрозиліусъ, человѣкъ чрезвычайно ученый, впослѣдствіи извѣстный изданіемъ перваго обстоятельнаго каталога московской университетской библіотеки. Онъ готовъ былъ привить своему воспитаннику серьёзное отношеніе къ знанію и отнестись къ принятому на себя дѣлу добросовѣстно. Но насколько можно догадываться, онъ не могъ отрѣшиться отъ извѣстной доли педантизма, который отшатнулъ отъ него живой и пытливый умъ его молодого воспитанника.— Научныя занятія пошли еще болѣе систематическимъ путемъ съ тѣхъ поръ, какъ Петрозиліуса замѣнилъ случайно встрѣтившійся гувернеръ, Богданъ Ивановичъ Іонъ, которому суждено было сдѣлаться не только руководителемъ воспитанія Грибоѣдова, но и близкимъ другомъ и совѣтникомъ его. Когда судьба ни приводила Грибоѣдова снова въ родную обстановку, одною изъ первыхъ заботъ его бывало отыскать Іона; на предполагавшейся дуэли съ Якубовичемъ секундантомъ былъ тотъ же Іонъ; когда Грибоѣдова не стало, старикъ-гувернеръ любилъ сходиться съ другомъ покойнаго, Бѣгичевымъ, и вспоминать о Грибоѣдовѣ и добрыхъ старыхъ дняхъ, и тогда слезы видѣлись на глазахъ обоихъ собесѣдниковъ.

Грибоѣдову удалось получить основательное образованіе. Рано пріобрѣлъ онъ знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, открывшее ему богатыя литературы Запада, рано привыкъ къ усидчивому труду, къ изслѣдованію мельчайшихъ по-

дробностей чисто-научныхъ вопросовъ, поражающему впослѣдствіи въ его записныхъ и черновыхъ тетрадяхъ, рисующихъ его какъ человѣка, въ которомъ были задатки для замѣчательнаго ученаго. Іону, по спеціальности своей юристу, обладавшему основательнымъ знаніемъ классическихъ языковъ, содѣйствовали избранные преподаватели, дававшіе мальчику уроки на дому. Рядомъ съ научными занятіями рано началось изученіе музыки, вообще процвѣтавшей въ домѣ Грибоѣдовыхъ. Въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ домъ этотъ имѣлъ репутацію артистическаго центра, гдѣ можно услышать дѣйствительно хорошую музыку. По вечерамъ въ Подъ-Новинское съѣзжались иногда охотники помузицировать, и дѣти рано наслушались лучшихъ музыкальныхъ произведеній. Вскорѣ и Александръ Сергѣевичъ, и его сестра, были уже хорошими піанистами; для нихъ фортепіано было не орудіемъ пытки, а средствомъ достиженія поэтическихъ наслажденій, товарищемъ мечтательныхъ часовъ. Впослѣдствіи, войдя въ кружокъ молодыхъ русскихъ музыкантовъ, Алябьева, Верстовскаго и др., Грибоѣдовъ перешелъ отъ простой виртуозной ловкости къ изученію самыхъ законовъ музыки, и подъ вліяніемъ извѣстнаго петербургскаго профессора гармоніи, Іоганна Миллера, овладѣлъ ими въ такой степени, что могъ считаться даже опытнымъ теоретикомъ. Любовь къ музыкѣ сдѣлалась скоро неотъемлемой, жизненной чертой его характера; гдѣ бы онъ ни былъ, онъ остается ей вѣренъ; о своемъ фортепьяно вздыхаетъ онъ заброшенный въ Грузію, къ нему кидается, лишь только снова (хотя бы при тревожнѣйшихъ обстоятельствахъ) возвращается на родину. Увлекаясь въ безконечныя импровизаціи, прелести

которыхъ удивлялись всѣ слышавшіе ихъ, онъ забывалъ весь міръ и не отрывался отъ инструмента по цѣлымъ днямъ. Тонкая, впечатлительная, артистическая натура складывалась у молодого человѣка, и чѣмъ шире развивался полетъ его фантазіи и возрастали его научныя познанія, тѣмъ вѣрнѣе подготовлялся разладъ его съ окружающей средой, въ которой не было мѣста для человѣка съ такимъ направленіемъ.

Іону пришлось руководить воспитаніемъ Грибоѣдова уже съ опредѣленной цѣлью. Настасья Ѳедоровна рѣшила дать сыну университетское образованіе, которое, дополнивъ пріобрѣтенныя уже свѣдѣнія, должно было дать ему возможность получить степень кандидата, устроить ему положеніе въ свѣтѣ и облегчить первый шагъ на службѣ. Университетъ являлся въ глазахъ ея, какъ и вообще въ глазахъ ея общества, лишь средствомъ для устройства первоначальной судьбы молодого дворянскаго поколѣнія: все подгонялось къ кандидатскому экзамену, что́ сейчасъ давало классный чинъ и извѣстную рекомендацію. Изъ-за такихъ-то надеждъ на устройство карьеры Грибоѣдову дали возможность пройти въ университетъ (1810 г.), который долженъ былъ возымѣть на него сильное вліяніе. Для обереганія его отъ дурного общества приняты были предосторожности; его опредѣлили вольнымъ слушателемъ, продержали въ университетѣ менѣе обыкновеннаго и посылали въ университетъ въ сопровожденіи гувернера; несмотря на то, что онъ никакого особаго расположенія къ юридическимъ наукамъ не имѣлъ, выбрали для него такъ-называемое этико-политическое отдѣленіе, какъ наиболѣе пригодное для дальнѣйшей служебной карьеры. Но существовавшій тогда въ университетѣ по-

рядокъ дозволялъ студентамъ извѣстнаго факультета посѣщать въ свободное время лекціи, читаемыя на другимъ факультетахъ. Это дало Грибоѣдову возможность посѣщать лекціи лучшихъ тогдашнихъ представителей литературной и философской школы наравнѣ съ чтеніями теоретиковъ-юристовъ.

Хотя московскій университетъ находился въ то время въ состояніи переходномъ, и отголоски предшествовавшаго періода встрѣчались въ немъ съ стремленіемъ къ новымъ путямъ въ наукѣ, тѣмъ не менѣе въ немъ было нѣсколько достойныхъ спеціалистовъ, у которыхъ было чему поучиться. Это были въ особенности ветераны западной науки, вѣрные преданіямъ просвѣтительнаго вѣка, и продолжавшіе и въ Россіи свою энергическую пропаганду знаній. Имъ подражали молодые русскіе профессора. Общеніе преподавателей съ студентами было общимъ правиломъ. Дома многихъ профессоровъ были открыты для студентовъ, которыхъ они называли своими друзьями; они входили во всѣ мелочи ихъ быта и потребностей и помогали чѣмъ могли. Профессоръ Страховъ любилъ руководить обыкновенными студенческими спектаклями, наполнявшими собой зимнюю вакацію. Здѣсь въ Грибоѣдовѣ могла легко зародиться та, часто переходившая въ энтузіазмъ, любовь къ театру, которая служила характеристической чертой его вкусовъ, и рано направила его литературную дѣятельность на любимую форму комедіи.—Среди этого общенія студентовъ съ профессорами особенно выдавалась личность профессора исторіи и эстетики, Іоганна Теофила Буле, превосходившаго, вѣроятно, и познаніями своихъ товарищей. Онъ перенесъ въ Москву свою дѣятельность, имѣя уже за собою ученую репутацію на Западѣ

и профессорскій опытъ въ Гёттингенѣ. Въ Москвѣ онъ остался тѣмъ же неутомимо-дѣятельнымъ поклонникомъ и распространителемъ науки. Онъ читаетъ публичныя лекціи, издаетъ нѣсколько періодическихъ изданій, читаетъ курсы философіи, устраиваетъ на нѣмецкій ладъ у себя на дому частные курсы, гдѣ отдѣльные вопросы исторіи, эстетики и философіи подвергались подробному изученію.

Слѣды вліянія многихъ профессоровъ долго сказываются у Грибоѣдова. Любовь къ изученію русской исторіи пріобрѣтена имъ въ это время; знакомство съ молодой тогда статистикой и политической экономіей, которую читалъ Шлёцеръ-сынъ, отразилось даже въ позднѣйшіе годы на заботахъ Грибоѣдова о составленіи статистическихъ таблицъ и описанія Кавказа. Но всего болѣе вліянія возымѣлъ на него Буле, о которомъ онъ всегда вспоминалъ съ благодарностью. Есть основаніе думать, что и до университета онъ посѣщалъ частные его курсы, вслѣдствіе чего вліяніе его было еще продолжительнѣе. Буле былъ поклонникомъ Аристотеля, и любилъ въ своихъ разсужденіяхъ изучать сущность и основы драмы. Здѣсь Грибоѣдову представлялась возможность теоретическаго изученія любимаго рода поэзіи. Буле притомъ особенно предпочиталъ комедію, и цѣлое сочиненіе посвятилъ душевной веселости и средствамъ поддерживать и развивать ее. Образцовъ онъ искалъ въ классическихъ литературахъ, и Грибоѣдовъ слѣдомъ за нимъ вначалѣ съ особой любовью относился къ комическимъ писателямъ древности, предпочитая Плавта и Теренція. Буле, оцѣнивъ его способности, часто одному ему посвящалъ продолжительныя философскія и эстетическія бе-

сѣды, рано пріучившія его къ отвлеченному мышленію. Грибоѣдовъ не остановился на псевдо-классицизмѣ своего учителя; мысли про себя, наблюденія и разностороннее чтеніе скоро побудили его пойти неизмѣримо дальше ученія, принятаго вначалѣ на вѣру, и дойти до отрицанія обязательности всякой незыблемой теоріи драмы. Тѣмъ не менѣе онъ многимъ обязанъ Буле, давшему прочную подкладку его литературному образованію. Къ общему обаянію атмосферы науки присоединялся и увлекательный примѣръ нравственной силы и самостоятельности. Сравненіе этой среды, гдѣ возможны такіе люди, съ тою, въ которой придется вращаться молодому человѣку, напрашивалось само собою. Поднимались отовсюду вопросы, догадки, сомнѣнія, начинался роковой анализъ.

Онъ долженъ былъ прятать въ себѣ начинавшуюся мучительную работу сомнѣвающагося ума. Ни въ комъ онъ не могъ встрѣтить сочувствія своимъ стремленіямъ. Сестра, раздѣлявшая съ нимъ любовь къ музыкѣ, и поддерживавшая его въ научныхъ занятіяхъ, не шла въ уровень съ нимъ въ критическомъ отношеніи къ дѣйствительности. Въ матери онъ встрѣчалъ постоянно хотя и дружелюбное, но неумолимо-сдерживающее начало. Она составила себѣ опредѣленный планъ его карьеры, въ который, разумѣется, отнюдь не входила дѣятельность ученаго или литератора. Первые литературные опыты сына она встрѣтила съ презрѣніемъ, которое однажды выразила публично въ кругу товарищей Александра Сергѣевича. Еще строже относилась она къ юношеской вѣтрености и шаловливости сына, не подходившей къ сложившемуся у нея идеалу образцоваго молодого человѣка. А въ юношѣ кипѣли

силы, которыя, слишкомъ долго сдерживаемыя и подавляемыя, впослѣдствіи не скоро улеглись и перебродили, вовлекая его въ различныя излишества, пока раздумье и нравственная реакція не переродили его окончательно.—Чѣмъ сознательнѣе становился молодой студентъ, тѣмъ для него тяжелѣе казался семейный гнетъ, которому долго не было конца. Въ письмахъ его разсѣяны протесты противъ этого нестерпимаго гнета, противъ непрестанныхъ заботъ о порядочности сына, противъ посягательствъ на его свободу. Въ одномъ письмѣ къ Бѣгичеву онъ завидуетъ другу въ томъ, что у него нѣтъ матери, которой онъ обязанъ казаться основательнымъ. Въ письмѣ же къ Одоевскому доходитъ до печальнаго убѣжденія, «что истиннымъ художникомъ можетъ быть только человѣкъ безродный».—Поэтому позднѣйшія выходки противъ неограниченнаго господства родственной клики, разсѣянныя въ «Горѣ отъ ума», были дѣйствительно выстраданы авторомъ. Онъ терпѣлъ не только отъ вмѣшательства матери, но и отъ вставшей за нею грозной силы родни и великосвѣтскихъ знакомыхъ съ ихъ установившимися навсегда воззрѣніями и дружной круговой порукой. Борьба его одного противъ этой сплошной стѣны противниковъ была слишкомъ неровна, и онъ въ душѣ затаивалъ мщеніе. Тотъ деспотъ-дядя, который, какъ мы видѣли, съ ранняго дѣтства Грибоѣдова считалъ нужнымъ заботиться о направленіи его воспитанія, сдѣлался еще попечительнѣе относительно молодого человѣка, готоваго вступить въ свѣтъ. Постепенно разгадывая характеры и нравственное значеніе окружающихъ его людей, Грибоѣдовъ скоро научился презирать Алексѣя Оедоровича, характеръ котораго впослѣдствіи

воплотилъ въ своемъ безсмертномъ Фамусовѣ. Вотъ какимъ онъ изобразилъ его въ одномъ недавно открытомъ черновомъ наброскѣ, могущемъ служить матеріаломъ для пониманія характера Фамусова. «Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ, характеръ моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ правахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэллировались, но всякій имѣлъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты или иначе; по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости обѣщаніями, которыхъ не могъ исполнить, покровительствомъ, не основанномъ ни на какой истинѣ; но за то какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы-спутники до перваго затмѣнія! Объяснимся круглѣе: у всякаго была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ. Кажется, нынче этого нѣтъ, а можетъ быть и есть, но дядя мой принадлежитъ къ той эпохѣ. Онъ какъ левъ дрался съ турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ передпихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его правоученій: *я*, братъ!»

Такимъ образомъ, окружавшая среда разоблачалась передъ юношей во всей своей наготѣ. Онъ узнавалъ закулисную исторію передовыхъ людей своего общества и чувство нравственной брезгливости овладѣвало имъ. Подъ вліяніемъ этого возрастающаго недовольства жизнью первыя же произведенія носятъ на себѣ характеръ сатирическій, обличительный. Послѣ шуточной

пародіи на Дмитрія Донского, названной имъ «Дмитрій Дрянской» и осмѣивавшей напыщенный патріотизмъ Озерова, и наброска плана трагедіи «Родамистъ и Зенобія» на сюжетъ, уже обработанный Кребильономъ, онъ переходитъ къ комедіи, набрасывая еще въ студенческіе годы оконченную впослѣдствіи комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Студентъ», къ сожалѣнію, не дошедшую до насъ; она представляетъ уже серьёзную попытку сатирической общественной картины и служитъ близкимъ предвѣстіемъ «Горя отъ ума». Она сохранилась лишь въ одной рукописи и извѣстна только по пересказу ея содержанія Л. Н. Майковымъ. Вотъ оно въ краткихъ словахъ: богатый и вліятельный человѣкъ Звѣздовъ въ Казани познакомился съ стряпчимъ Беневолепскимъ, и въ благодарность за веденіе его дѣлъ обѣщаетъ выдать за его сына, казанскаго студента, свою воспитанницу Вареньку. Она любитъ другого и, когда Беневолепскій-сынъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ за исполненіемъ обѣщанія, она составляетъ вмѣстѣ съ женой Звѣздова и ея братомъ заговоръ, который рядомъ различныхъ хитростей сламываетъ упрямство Звѣздова, и Беневоленскій удаляется ни съ чѣмъ. Въ комедіи есть удачныя сатирическія черты: таково изображеніе молодого студента поклонникомъ сентиментальной литературы и чувствительнымъ поэтомъ; Звѣздовъ напоминаетъ отчасти Фамусова, и крѣпостничество оттѣнено въ немъ довольно рѣзкими чертами, тогда какъ въ обрисовкѣ характера Саблина, брата Звѣздовой, есть нѣкоторое сходство съ Скалозубомъ, впрочемъ безъ его ограниченности и злобы. — Напечатанный въ настоящей книжкѣ планъ пьесы изъ эпохи 1812 года относится къ той же категоріи произведеній. Въ

немъ въ каждой строкѣ сказывается молодое, честное негодованіе при видѣ безнравственности и отсутствія истиннаго патріотизма, которое онъ замѣчаетъ вокругъ себя въ минуту, роковую для отечества. Патріотизмъ у Грибоѣдова никогда не былъ пустымъ звукомъ или показнымъ, натянутымъ чувствомъ; онъ горячо стоялъ всегда за все, что́ могло содѣйствовать благу Россіи, и какимъ былъ въ студенческіе годы, такимъ остался среди дипломатической карьеры. Подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго въ пору погрома 1812 года онъ набрасываетъ свой планъ. Заставивъ въ прологѣ, исполненномъ патріотическаго мистицизма, ночью слетѣться въ Архангельской соборъ тѣни древнихъ героевъ, Святослава, Мономаха, Петра, онъ въ самой пьесѣ желалъ указать на ужасающій контрастъ прежняго геройства съ нравственнымъ растлѣніемъ своихъ современниковъ...

Въ одинъ изъ наиболѣе тяжкихъ параксизмовъ этого недовольства жизнью Грибоѣдову могла сама собой придти мысль о сатирѣ на все московское великосвѣтское общество или, выражаясь вѣрнѣе, на рядъ личностей, наиболѣе ему ненавистныхъ. Пока, онъ въ состояніи осмѣять только закулисную сторону жизни этихъ людей, хлестнуть ихъ бичемъ сатиры, не разгадавъ еще вполнѣ весь складъ ихъ ограниченнаго міросозерцанія и не умѣя возсоздать живыми ихъ характеры. Таковъ долженъ былъ быть первоначальный планъ «Горя отъ ума», который, по драгоцѣнному показанію одного университетскаго товарища Грибоѣдова, онъ сообщилъ ему и Іону, прочтя при этомъ нѣсколько отрывковъ. Это было въ 1812 году, въ годъ выступленія Александра Сергѣевича изъ университета.

Такимъ образомъ, еще семнадцатилѣтнемъ юношей онъ задумалъ произведеніе, которое должно было на вѣки сохранить объ немъ память въ потомствѣ.

Грибоѣдовъ не могъ остаться безучастнымъ свидѣтелемъ борьбы, разгоравшейся передъ нимъ. Патріотическое возбужденіе указывало ему необходимость протестовать личнымъ примѣромъ противъ общей пассивности. Въ своей юношеской драмѣ онъ громитъ ополченіе безъ дворянъ;—а онъ самъ выступитъ съ наиболѣе выразительнымъ протестомъ, записавшись въ это ополченіе! Обстоятельства виною тому, что искренній порывъ его далеко не осуществился вполнѣ. Не въ рядахъ простого, сѣраго ополченія очутился онъ, а въ одномъ изъ полковъ, формировавшихся въ то время различными аристократами, именно въ гусарскій полкъ графа Салтыкова. Быть можетъ, и тутъ вліяли домашніе предразсудки. Но это и погубило все дѣло. Полкъ сбирался туго, снаряжался еще туже, и за смертью Салтыкова былъ распущенъ въ то время, когда еще могъ быть полезенъ при преслѣдованіи отступавшаго непріятеля.

Неудача не охладила Грибоѣдова; безплодно прождавъ такъ долго, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало, хоть поздно, принять дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Подъ вліяніемъ этой настойчивости въ жизни Грибоѣдова происходитъ крутой поворотъ. Изъ волонтера, оставлявшаго лишь на время науку, и думы, и первыя молодыя грёзы, для патріотическаго подвига, онъ превращается въ военнаго по профессіи, и въ концѣ 1812 года мы застаемъ его уже среди невылазной грязи литовскихъ мѣстечекъ, въ стоянкѣ Иркутскаго гусарскаго полка. Стóитъ припомнить его прежнюю обстановку, чтобъ понять, почему

онъ примирялся и съ бѣлорусскимъ захолустьемъ, и съ разгульной компаніей сослуживцевъ-собутыльниковъ. Онъ вырвался на свободу изъ-подъ домашней и свѣтской опеки; и степенное семейство, и наставникъ были далеко; никто не обязывалъ его казаться основательнымъ. Онъ явился въ среду людей, не привыкшихъ встрѣчать препятствій своимъ разгульнымъ затѣямъ, съ запасомъ непочатыхъ страстей, съ жаждой жизни на распашку,—и онъ бросается очертя голову въ эту новую жизнь, исполненную удовольствій и развлеченій довольно пошлаго характера. Не было конца его дурачествамъ, которыя сдѣлали бы честь любому шалуну-гусару изъ опытныхъ: то онъ въѣзжалъ съ товарищемъ на лошадяхъ на балъ, то, прогнавъ органиста въ брестскомъ монастырѣ и занявъ его мѣсто, игралъ, послѣ превосходныхъ импровизированныхъ прелюдій, изумившихъ всю церковь, мотивъ *Камаринской* въ самой серединѣ католической литургіи и т. д. То была пора кризиса, когда молодой человѣкъ легко могъ навѣки разстаться съ прежними великодушными мечтами. Но кризисъ этотъ не былъ продолжителенъ; перекочевавъ вначалѣ изъ Могилева въ Слонимъ, Грибоѣдовъ очутился наконецъ въ Брестѣ, назначенный состоять при командирѣ кавалерійскихъ резервовъ, генералѣ Кологривовѣ. Вспоминая впослѣдствіи о Брестѣ, онъ признается, что хотя это чуть ли не худшее мѣсто на всемъ свѣтѣ, но что и тамъ хорошо пожилось. Кологривовъ, принадлежавшій къ новой школѣ гуманныхъ начальниковъ, пользовался большою популярностью между молодымъ офицерскимъ поколѣніемъ. Его домъ былъ всегда открытъ для него; при его штабѣ находилось нѣсколько лицъ, отличавшихся значительнымъ ум-

ственнымъ развитіемъ; Грибоѣдову, состоявшему при Кологривовѣ почти въ адъютантской должности, дѣла было немного, и поэтому онъ могъ снова отдаться своимъ покинутымъ-было литературнымъ занятіямъ. Изъ Бреста онъ посылаетъ въ редакцію «Вѣстника Европы» одно за другимъ два письма,—одно, знакомящее съ организаціей кавалерійскихъ резервовъ и съ ихъ исторіею, начиная съ ихъ учрежденія въ концѣ 1812 года, другое, пространно описывающее праздникъ, устроенный офицерами въ честь Кологривова, и приводящее рядъ стихотвореній, написанныхъ по этому поводу (одно изъ нихъ, вѣроятно, принадлежало Грибоѣдову). Это — первыя печатныя произведенія нашего писателя. Но тогда же возрождается у него и страсть къ драматическимъ опытамъ. Въ этомъ его поддерживалъ извѣстный впослѣдствіи водевилистъ и директоръ театра, князь А. Шаховской, познакомившійся съ нимъ именно въ эту пору и также служившій въ военной службѣ. На первый разъ Грибоѣдовъ довольствуется переводами или передѣлками французскихъ драматическихъ бездѣлокъ. Такъ, первая пьеса Грибоѣдова, представленная на петербургской сценѣ 29-го сентября 1815 года — «Молодые супруги», была переводомъ правившейся тогда французской пьесы «Le secret du menage», и написана была еще въ Брестѣ. Стихи ея, очень тяжелые и шероховатые, вызвали вскорѣ строгія указанія критики; въ нихъ, какъ и въ слогѣ многихъ раннихъ произведеній Грибоѣдова, невозможно еще искать переходной ступени къ разговорному языку «Горя отъ ума». Но уже много значитъ самое оживленіе литературной дѣятельности, какъ признакъ начинающагося поворота.

Рядомъ съ этимъ внѣшнимъ измѣненіемъ строя жизни Грибоѣдова шло еще важнѣйшее, внутреннее. Въ одномъ изъ своихъ товарищей, вначалѣ неразлучномъ съ нимъ въ прокази, но вскорѣ одумавшемся, именно Бѣгичевѣ, Грибоѣдовъ, къ счастію, встрѣтилъ человѣка, котораго нельзя не считать виновникомъ нравственнаго его перерожденія. Многія мѣста задушевныхъ писемъ къ Бѣгичеву (изъ которыхъ лучшія напечатаны ниже) показываютъ, что именно такимъ-то строгимъ и въ то же время искренно его любящимъ наставникомъ считалъ друга своего Грибоѣдовъ, никогда не забывшій великой пользы его ранняго вліянія. Обмѣнъ мыслей и взглядовъ между друзьями скоро повелъ къ тому, что вся окружающая дѣйствительность освѣтилась совершенно инымъ свѣтомъ; незабытыя еще серьёзныя требованія отъ жизни, которыя привела ему школа, столь же мало удовлетворялись міромъ Скалозубовъ, какъ и міромъ Фамусовыхъ. Своихъ недавнихъ собутыльниковъ прозрѣвшій скоро называетъ уже «казарменными готтентотами»; жизнь среди нихъ становится для него все невыносимѣе, жажда перемѣны и обновленія усиливается. Десадуя на «участь умныхъ людей большую часть жизни проводить съ дураками», онъ порывается вонъ изъ своей среды. Знакомство съ нею ему пригодилось. Не разъ оно сказалось въ «Горѣ отъ ума». Не говоря уже о томъ, что многія черты собирательнаго типа служаки Скалозуба впервые срисованы съ натуры именно въ эту пору,—много мелкихъ чертъ характеризующихъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, Горичева, Репетилова и т. д., подмѣчены у прежнихъ сослуживцевъ гусара Грибоѣдова, который даже Чацкаго заставилъ быть товарищемъ

добродушнаго Платона Михайловича по кавалерійской службѣ. Всего важнѣе, разумѣется, безпощадный протестъ противъ стараго военнаго поколѣнія, воплощеннаго въ лицѣ Скалозуба, чья ненависть ко всему новому и просвѣщающему становится иногда жестокою, мстительною. Стремленія Грибоѣдова на волю изъ этой среды наконецъ увѣнчались успѣхомъ. Въ 1815 году мы его видимъ уже въ Петербургѣ.

Здѣсь его охватилъ, конечно, и водоворотъ большого города, увлекла и веселая толпа молодежи, и романическія приключенія, въ которыхъ онъ всегда былъ такъ счастливъ, и театръ, надолго привязавшій къ себѣ его, подобно многимъ его сверстникамъ, будущимъ свѣтиламъ русской литературы. Попавъ, благодаря посредничеству князя Шаховского, въ кружокъ записныхъ театраловъ и писателей для сцены, въ которомъ онъ всего болѣе сблизился съ Катенинымъ и Жандромъ, Грибоѣдовъ вначалѣ съ жаромъ отдался мелкимъ работамъ для театра. Судить строго ихъ нельзя, такъ какъ онѣ по большей части писаны были къ бенефису того или другого знакомаго артиста, и потому носятъ на себѣ слѣды поспѣшной работы. Такъ, въ 1815 году поставлена была комедія «Молодые супруги», въ концѣ 1817 года оконченъ переводъ комедіи Барта «Les fausses infidélités» подъ названіемъ «Притворная невѣрность»; въ 1818 году Грибоѣдовъ принялъ участіе въ написанной Шаховскимъ вмѣстѣ съ нимъ и даровитымъ водевилистомъ Хмѣльницкимъ оригинальной комедіи «Своя семья, или замужняя невѣста»; наконецъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга Грибоѣдовъ написалъ для бенефиса актера Брянскаго небольшую сцену подъ названіемъ «Проба

интермедіи» (исполнена 10 ноября 1819 г.). Обѣ переводныя пьесы не возвышаются надъ уровнемъ обыкновенной салонной французской комедіи того времени; въ «Молодыхъ супругахъ» дѣйствующія лица еще носятъ имена: Аристъ, Сафиръ, Эльмира; въ «Притворной невѣрности» являются уже неизбѣжные Лепскій, Блестовъ, Рославлевъ. Позднѣе, недруги Грибоѣдова любили ставить ему въ укоръ неправильность его переводовъ; въ пародіи, написанной А. Писаревымъ, упрекали Грибоѣдова за то, что онъ «преневѣрно» перевелъ «Притворную невѣрность». Это слѣдуетъ понять въ томъ смыслѣ, что Грибоѣдовъ на этотъ разъ не столько переводилъ, сколько передѣлывалъ французскій оригиналъ; благодаря этому, и кромѣ того, благодаря сравнительно большей легкости стиха и живости дѣйствія, «Притворная невѣрность» имѣла нѣкоторый успѣхъ. «Проба интермедіи» есть не что иное, какъ рамка, придуманная для того, чтобы въ концѣ бенефиса дать дивертисментъ, въ которомъ декламація, пѣніе и танцы слѣдуютъ другъ за другомъ. Дѣйствіе происходитъ въ провинціальномъ театрѣ, на сценѣ, гдѣ для репетиціи сошлись актеры и актрисы, Алегринъ, Рѣзвушкинъ, Припрыжкинъ, Бемольская и др.; къ нимъ обращается актеръ Осколковъ, заклиная пособить ему въ выборѣ пьесы для бенефиса; послѣ долгихъ колебаній рѣшаются спросить мнѣнія у старика суфлера, который тутъ же и придумываетъ свой дивертисментъ, импровизируемый затѣмъ актерами; начинается пѣніе и танцы. Пьеса написана въ стихахъ, не щеголяющихъ богатствомъ риѳмъ; нѣсколько діалоговъ ведены прозой, и все заканчивается куплетами, обращаемыми суфлеромъ къ публикѣ.—Изъ всѣхъ перечисленныхъ пьесъ без-

спорно первое мѣсто занимаетъ отрывокъ изъ «Своей семьи». Если сравнить бойкое и удачное остроуміе этого отрывка, легкость и естественность стиха съ характеромъ предшествовавшихъ работъ, то можетъ показаться, что отрывокъ этотъ принадлежитъ совершенно другому перу. Стихъ «Своей семьи» уже находится въ прямомъ соотношеніи со стихомъ «Горя отъ ума». То же значеніе имѣетъ небольшая стихотворная пародія, принадлежащая къ тому же періоду дѣятельности Грибоѣдова и имѣющая связь съ появленіемъ «Молодыхъ супруговъ»;—это «Лубочный театръ». Злою шуткой мстилъ оскорбленный переводчикъ Загоскину, который въ своемъ Сѣверномъ Наблюдателѣ указалъ на недостатки его стиха, повторяя вмѣстѣ съ дѣйствующимъ лицомъ одной Мольеровской комедіи:

Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи.

Въ отвѣтѣ на этотъ справедливый упрекъ, Грибоѣдовъ покидаетъ псевдоклассическую монотонность стиха своего перевода и выступаетъ во всеоружіи своей бойкой риѳмы. «Лубочный театръ» не единственное произведеніе, показывающее, сколько интереса выказывалъ Грибоѣдовъ къ текущей литературѣ. Въ современныхъ журналахъ встрѣчаемъ постоянно мелкія его замѣтки, письма, критическія статьи. По поводу толковъ, возбужденныхъ комедіей Шаховскаго «Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды», онъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» 1815 г. эпиграмму въ видѣ манифеста отъ Аполлона, отвергающаго всякую солидарность съ критическими

нападками на эту пьесу. Въ слѣдующемъ году въ томъ же журналѣ онъ защищаетъ отъ нападокъ Гнѣдича переводъ «Леноры» Бюргера, исполненный Катенинымъ, передѣлавшимъ балладу на русскій ладъ и придавшимъ ей другое названіе («Ольга»). Въ своей критикѣ на разборъ этой баллады онъ сначала отражаетъ упреки въ нарушеніи правилъ грамматики и логики, а затѣмъ, принимая на себя роль рецензента, начинаетъ, въ подражаніе Гнѣдичу, придираться къ различнымъ мелочамъ въ Катенинскомъ переводѣ; пародія выходитъ часто довольно удачная.—Въ 1817 г. онъ заботится о помѣщеніи въ «Сынѣ Отечества» *вольнаго* перевода начала Шиллеровой «Семелы», сдѣланнаго Жандромъ и сопровождаетъ этотъ переводъ краткимъ предисловіемъ, гдѣ заявляетъ, что переводъ сдѣланъ по усиленнымъ просьбамъ его, что Жандръ «согласился добавить отъ себя, чего недостаетъ въ подлинникѣ», и «обогатилъ цѣлое новыми, оригинальными красотами». Въ дѣйствительности похвала эта преувеличена, и можетъ быть объяснена лишь дружескимъ ослѣпленіемъ,—но во всякомъ случаѣ и это предисловіе, и всѣ только-что исчисленные отзывы Грибоѣдова на современное литературное движеніе показываютъ несомнѣнное перерожденіе всѣхъ привычекъ, вкусовъ и стремленій недавняго гусарскаго корнета.

Грибоѣдовъ никогда не принадлежалъ къ какому-либо опредѣленному литературному приходу. Его симпатіи какъ-будто особенно лежали къ молодой группѣ романтиковъ, но наряду съ этимъ пристрастіемъ онъ поддерживаетъ тѣсныя сношенія и съ нѣкоторыми представителями противоположнаго лагеря: вмѣстѣ съ тѣмъ, его расположеніемъ пользуются из-

датели «Сына Отечества» и «Сѣверной Пчелы», Гречъ и особенно Булгаринъ, въ то время еще не опустившійся такъ низко, какъ въ позднѣйшей своей журнальной дѣятельности, ухаживавшій за Грибоѣдовымъ и цѣнимый послѣднимъ за его готовность исполнять всевозможныя порученія. Среди такой разнохарактерной среды знакомыхъ и пріятелей Грибоѣдовъ умѣлъ сберечь полную независимость своихъ взглядовъ и убѣжденій; съ годами онъ привыкъ чаще уходить въ себя, надъ собою работать, охраняя сурово неприкосновенность своего міросозерцанія; онъ много читалъ, много думалъ,—и его умная рѣчь, смѣнявшаяся бойкой и остроумной выходкой, невольно обращала на него общее вниманіе. Какъ образованный и умный собесѣдникъ, онъ вскорѣ уже имѣлъ блестящую репутацію въ обществѣ. Но его бесѣда не всегда гармонировала съ обычнымъ равнодушнымъ, вялымъ и осторожнымъ тономъ свѣтской болтовни. Отъ природы онъ былъ тѣмъ, что обыкновенно называется правдивой натурой; «кровь сердца всегда говорила у него въ лицѣ», замѣчаетъ Бестужевъ (Марлинскій) въ своемъ воспоминаніи о немъ; «никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ—никогда. Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки лица, несмотря на знатность особы, показалась бы инымъ Катоновской суровостью, даже дерзостью». «Нѣсколько друзей знали ему цѣну», говорилъ впослѣдствіи Пушкинъ, «и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ». Суровость обличенія не исходила у Гри-

боѣдова изъ самомнѣнія, потому что никто не былъ такъ строгъ къ самому себѣ, какъ Грибоѣдовъ. Сохранилось письмо его къ Булгарину, гдѣ онъ порываетъ съ нимъ связи за то, что тотъ выставилъ его подъ вымышленнымъ именемъ Талàнтина въ одномъ произведеніи и засыпалъ похвалами. Эта подслуживающаяся лесть подѣйствовала на Грибоѣдова отталкивающимъ образомъ; онъ отвергаетъ ее отъ себя, говоря, что «его правила, правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не дозволяютъ ему быть предметомъ похвалы незаслуженной»; «вы меня хвалили, какъ автора», продолжаетъ онъ, «а я именно, какъ авторъ, ничего еще не произвелъ истинно изящнаго».—Новыя, энергическія ноты слышатся въ этомъ едва возмужавшемъ голосѣ; духомъ суровой гражданственности вѣетъ отъ человѣка, еще не вполнѣ простившагося съ увлеченіями молодости. Это перерожденіе, составляющее слѣдующую ступень въ развитіи его нравственной личности, поражало тѣхъ немногихъ, которые въ состояніи были разгадать его. Они первые почуяли въ немъ богатыя силы, и на этого странна о молодого человѣка, пока еще только автора двухъ-трехъ пьесокъ и журнальныхъ статей, смотрѣли уже какъ на будущую надежду Россіи. Такимъ его узналъ и оцѣнилъ Пушкинъ, посвятившій впослѣдствіи въ своемъ путешествіи въ Эрзерумъ нѣсколько прочувствованныхъ, задушевныхъ страницъ воспоминанію о своемъ знакомствѣ съ нимъ.

Задатки серьёзныхъ стремленій, заронешные еще въ университетѣ, спасительпая реакція послѣ кавалерійскихъ оргій, сближеніе съ Вѣгичевымъ, переселеніе въ Петербургъ и об-

щеніе съ міромъ литературы и искусства, конечно, способствовали отрезвленію взглядовъ Грибоѣдова на жизнь. Но было и другое обстоятельство, которое не могло не отразиться на нихъ дѣйствительнѣе другихъ вліяній. Его коснулось вліяніе кружка, задававшагося серьёзными мыслями о несовершенствѣ существующаго порядка вещей и грезившаго уже необходимыми преобразованіями. Чуть ли не прежде всего встрѣчается онъ съ этими людьми на почвѣ масонства, котораго и онъ, по тогдашнему обычаю, не могъ избѣжать. Въ числѣ членовъ ложи «*Des amis réunis*» его имя значится еще въ 1816 году наряду съ именами Чаадаева, Норова, Пестеля. Новые друзья, образовывавшіе собою среду, независимую отъ обычныхъ литературныхъ и свѣтскихъ кружковъ, должны были въ сильной степени поддержать въ немъ и духъ отрицанія, и жажду обновленія жизни, и сильнѣйшее презрѣніе къ дѣятелямъ реакціи, грозно поднимавшей въ то время голову. Знакомство съ Пушкинымъ, жившимъ тогда одною жизнью со всей либеральной фалангой, не могло не укрѣпить въ немъ серьёзнаго взгляда на призваніе литературы въ смутную эпоху. Въ его глазахъ всѣ недавніе его интересы стали казаться мелкими; театральныя бездѣлки, журнальная полемика, все это уже не удовлетворяло болѣе человѣка, понявшаго, что настало время энергическаго противодѣйствія коснѣнію, противодѣйствія, вызываемаго лже-патріотизмомъ. Все, что́ было честнаго, прямодушнаго въ характерѣ Грибоѣдова, побудило его примкнуть къ движенію, распространявшемуся по всѣмъ концамъ Россіи. Въ эту пору онъ сближается съ Александромъ Одоевскимъ, которому онъ и посвятилъ впослѣдствіи трогательное

стихотвореніе. Одоевскій былъ провидѣніемъ Грибоѣдова; онъ охранялъ его отъ всякихъ уклоненій въ сторону. Въ этой заботливой ролѣ, столь необходимой возлѣ страстнаго и порывистаго Грибоѣдова, онъ замѣнялъ ему Бѣгичева.

Въ этотъ-то періодъ коренного перелома, Грибоѣдовъ снова возвратился къ задуманному еще въ ранней молодости плану комедіи-сатиры на руководящія общественныя сферы. При его новомъ настроеніи осуществленіе этого плана являлось у него не ребяческой местью, но гражданскимъ подвигомъ. По показанію Бѣгичева, онъ въ 1816 году приступаетъ къ обдѣлкѣ своей комедіи,—будущаго «Горя отъ ума», набрасываетъ нѣсколько сценъ и показываетъ ихъ друзьямъ. Отъ этихъ набросковъ ничего не сохранилось; въ общихъ чертахъ планъ пьесы былъ сходенъ съ планомъ ея по позднѣйшей редакціи, но роль Чацкаго была еще далеко не выяснена; Репетилова не было въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, взамѣнъ чего было нѣсколько лишнихъ лицъ, (наприм., жена Фамусова), которыя впослѣдствіи были вовсе исключены изъ комедіи. Понятно, что при оживленіи прежняго юношескаго замысла снова всплыло воспоминаніе о той средѣ, которая такъ недавно еще терзала юношу, и которая теперь давала ему иногда чувствовать свой гнётъ. Весь московскій кружокъ отразился въ набрасываемой имъ сатирической картинѣ,—и прежде другихъ тѣ лица, которыя были ближе другихъ къ сатирику: дядя Алексѣй Оедоровичъ сталъ Фамусовымъ, дочь его—Софьей; другія лица, указанныя ниже въ примѣчаніяхъ къ комедіи, послужили оригиналами для главнѣйшихъ сатирическихъ портретовъ, собранныхъ въ ней. Но на эту рисовку съ натуры авторъ

смотрѣлъ какъ истинный художникъ. Копировка не шла далѣе первоначальнаго контура, общаго облика, оживить который и сдѣлать цѣльнымъ, своеобразнымъ типомъ, вполнѣ отвѣчающимъ замыслу автора, было неотъемлемымъ дѣломъ его таланта. Такъ, реальная личность дяди являлась какъ бы только *поводомъ* къ созданію Фамусова, дала для этого характера нѣсколько своихъ чертъ, художественно затѣмъ дорисованныхъ. Она важна гораздо болѣе потому, что направила сатиру Грибоѣдова въ данномъ случаѣ именно на надменныхъ московскихъ тузовъ, которымъ служила вѣрной представительницей. Доводить параллель подробностей сюжета комедіи съ фактами дѣйствительной жизни, изображенныхъ въ ней реальныхъ личностей, до мелочей было бы не только натяжкой, но и привело бы къ ложнымъ заключеніямъ. Такъ, несмотря на совпаденіе обстановки Чацкаго съ средой, окружавшей самого автора, совершенно ошибочно мнѣніе, будтобы въ жизни Грибоѣдова было что-нибудь похожее на отношенія Софьи къ Чацкому. Никогда ничего подобнаго не было, и объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ Бѣгичевъ въ біографической запискѣ.

Наброски сценъ, съ которыми Грибоѣдовъ познакомилъ своихъ друзей, были такъ удачны, что вызвали ихъ сочувствіе и одобреніе. Онъ принялся за дальнѣйшее осуществленіе своего плана; то особое, *гражданское* настроеніе, которое тогда его охватывало, побуждало его, въ пламенномъ увлеченіи молодости, сказать современному обществу нѣсколько суровыхъ, безпощадныхъ истинъ. Къ этой цѣли вовсе не подходила, по его мнѣнію, обычная форма театральной пьесы,

разбитой на акты и явленія, съ неизбѣжными антрактами, ослабляющими впечатлѣніе, съ необходимостью соблюдать извѣстныя условія сцены. Эти соображенія, мѣтко выраженныя въ напечатанномъ ниже впервые отрывкѣ объ отношеніяхъ драматическаго писателя къ публикѣ, побудили его избрать сначала иную форму для своего произведенія; была ли то поэма или то, что́ принято было называть комедіей для чтенія, въ точности неизвѣстно; вѣрно только то, что, по мнѣнію автора, «первоначальное начертаніе было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія», чѣмъ позднѣйшій «суетный нарядъ», на который онъ рѣшился, подпавъ искушенію слышать свои стихи въ театрѣ.

Занятія этой первостепенной для него работой, общеніе съ новыми друзьями и преобразовательныя мечтанія, участіе въ повседневныхъ мелочахъ текущей литературы и театра, свѣтскіе успѣхи еще не вполнѣ уходившагося молодого человѣка,—все это наполняло собой ранніе годы его петербургской жизни. Ея теченіе внезапно прерывается переворотомъ въ судьбѣ Грибоѣдова, сразу порывающимъ всѣ его отношенія, привязанности и занятія. Зачисленный еще въ 1817 г. на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, онъ въ слѣдующемъ году назначается секретаремъ посольства въ Персію, и изъ Петербурга переносится въ далекое персидское захолустье, Тавризъ. Письмо къ Бѣгичеву, отъ 15-го апрѣля 1818 г., не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что на этотъ важный шагъ въ жизни Грибоѣдовъ былъ вынужденъ обстоятельствами, и что онъ уступилъ только послѣ долгой борьбы и колебаній. На первомъ планѣ и здѣсь, разумѣется, отчаянный напоръ

семьи, желавшей отдалить его отъ петербургскихъ соблазновъ и непріятно поражавшейся слухами о проказахъ и шалостяхъ его; кромѣ того, расшатанность состоянія той же семьи, жившей не по средствамъ, побуждала принести себя въ жертву ради *своихъ*; наконецъ, и кровавая исторія, разыгравшаяся въ средѣ близкихъ знакомыхъ Александра Сергѣевича, исторія, въ которой онъ принялъ случайное участіе, какъ будто указывала также на необходимость хотя временной отлучки изъ Петербурга. Это была исторія дуэли Шереметева съ Завадовскимъ, заставившая долгое время говорить о себѣ весь Петербургъ. Поводомъ было соперничество въ любви въ танцовщицѣ Истоминой; ревнивый Шереметевъ къ числу своихъ соперниковъ безъ всякаго основанія причислилъ и Грибоѣдова,— и благодаря вмѣшательству его секунданта Якубовича, извѣстнаго бреттёра, составилась двойная дуэль, Шереметева съ Завадовскимъ, Якубовича съ Грибоѣдовымъ. Смерть Шереметева, убитаго почти наповалъ, не дала исполниться второй дуэли, которая и была отложена до болѣе благопріятнаго времени. Лишь участію отца Шереметева всѣ содѣйствовавшіе дуэли были обязаны тѣмъ, что отдѣлались сравнительно легко; Грибоѣдовъ же не понесъ никакого наказанія. Тѣмъ не менѣе исторія огласилась, и, быть можетъ, иногда оказывалось неудобно оставаться на глазахъ у столичнаго свѣта; семья, скандализованная всѣмъ происшедшимъ, настаивала сильнѣе. Мазаровичъ, повѣренный въ дѣлахъ въ Персіи, убѣждалъ принять мѣсто; молодого чиновника потребовали къ министру, который прельщалъ его даже несомнѣнностью развитія его дарованій въ уединеніи. Грибоѣдовъ отнѣкивался какъ умѣлъ,

даже притворился дорожащимъ служебными выгодами и требовалъ себѣ сразу двухъ чиновъ, зная, что на это не согласятся. Но ничто не помогло; пришлось покориться, и въ послѣднихъ числахъ августа 1818 г. онъ выѣхалъ изъ Петербурга.

Новыя воззрѣнія, привитыя ему въ послѣднее время и укрѣпившія свойственную ему правдивость и честность отношенія ко всякому дѣлу, принимаемому имъ на себя, побудили его отнестись и къ навязанной ему дипломатической службѣ добросовѣстно. Онъ долго отстранялъ отъ себя предложеніе, но, разъ принявъ его, отдался ему всей душой. Это опять было проявленіе того же далеко не оффиціальнаго, но искренняго, убѣжденнаго патріотизма. Гдѣ можетъ, онъ охраняетъ интересы Россіи, заступается за русскихъ подданныхъ, выдерживаетъ сильный натискъ враждебно настроенныхъ персидскихъ властей и вопреки имъ добивается возврата въ Россію большого числа плѣнныхъ, насильно удерживаемыхъ въ Персіи, и различныхъ кавказскихъ жителей, бѣжавшихъ во время войны въ эту страну. Повѣренный въ дѣлахъ часто отлучался изъ Тавриса, и Грибоѣдовъ, какъ разсказываютъ его сослуживцы, оставался тогда одинъ противъ враждебной коалиціи сановниковъ, во главѣ которыхъ былъ сынъ шаха, извѣстный Аббасъ-мирза. Тяжело приходилось ему порой, когда вмѣстѣ съ отпоромъ притязаніямъ мѣстныхъ властей онъ долженъ былъ постоянно быть настороже относительно интригъ другихъ европейскихъ дипломатовъ, старавшихся разжечь непріязненныя отношенія между Россіей и Персіей. Въ дневникѣ и письмахъ къ друзьямъ онъ немало жалуется на двуличность

и коварство людей, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Новая среда, къ которой впослѣдствіи онъ присмотрѣлся и которую прилежно изучалъ, на первое время подѣйствовала на него отталкивающимъ образомъ. Деспотизмъ, надменность, роскошь, и рядомъ рабство, уничиженіе,—все это, опутанное лестью и кудрявыми фигурами восточной риторики, возмущало его на каждомъ шагу. «Нѣтъ, я не путешественникъ!» говоритъ онъ, описывая свои первыя персидскія впечатлѣнія. «Судьба, нужда, необходимость можетъ меня со временемъ преобразить въ исправники, въ таможенные смотрители, она рукою желѣзною закинула меня сюда и гонитъ далѣе, но по доброй волѣ, изъ одного любопытства, никогда бы я не разстался съ домашними пенатами, чтобы блуждать въ варварской землѣ въ самое злое время года». Неисходная тоска долго заѣдала его; по дорогѣ онъ школьничалъ, въ горахъ напѣвалъ французскіе куплеты, училъ горное эхо повторять свое имя и т. д.; пріѣхавъ на мѣсто, онъ принялся за перо и въ занятіяхъ литературой искалъ утѣшенія. «Таковъ я во всемъ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: «въ Петербургѣ, гдѣ всякій приглашалъ, поощрялъ меня писать, и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ; а здѣсь, когда некому ничего и прочесть, потому что не знаютъ по-русски, я не выпускаю пера изъ рукъ».

Это-то невольное возвращеніе къ литературѣ и составляетъ главную заслугу трехлѣтняго пребыванія Грибоѣдова въ его «дипломатическомъ монастырѣ», какъ онъ называлъ посольство. Перерожденіе, начавшееся въ послѣдніе годы въ Петербургѣ, довершилось здѣсь. «Сильная воля его укрѣпи-

лась», говоритъ Бѣгичевъ, «всегдашнее его любознаніе не имѣло уже преграды и разсѣянія. Онъ много читалъ по всѣмъ предметамъ, по всѣмъ отраслямъ наукъ, и много учился». Къ знанію четырехъ языковъ, которымъ онъ уже обладалъ, онъ присоединилъ совѣстливое изученіе персидскаго и арабскаго языковъ, которое если не привело его, по строгому мнѣнію спеціалистовъ, къ полному обладанію ими, то во всякомъ случаѣ дало ему возможность пріобрѣсти то знаніе быта и людей востока, которое его вскорѣ выдвинуло изъ ряда нашихъ дипломатовъ.—Но помимо этихъ усиленныхъ стремленій дообразоваться, пора пребыванія его въ Персіи важна и по отношенію къ успѣхамъ обработки главнаго его произведенія. Съ комедіею «Горе отъ ума» онъ уже не разставался, куда ни заносила его судьба; онъ пользовался первой спокойной минутой для работъ надъ нею. Такъ, въ одну изъ своихъ частыхъ поѣздокъ въ Тифлисъ, познакомившись на дорогѣ съ извѣстнымъ впослѣдствіи княземъ Вебутовымъ, онъ читалъ уже ему отрывки изъ «Горя отъ ума». Отдаленіе отъ изображаемой среды, частое раздумье въ одиночествѣ, начинавшійся уже перевѣсъ серьёзнаго, почти угрюмаго настроенія («веселость утрачена», самъ признается онъ въ одномъ письмѣ), должны были положить свою печать на характеръ сатиры. Издалека Грибоѣдовъ вѣрнѣе распозналъ основныя черты оставленнаго имъ быта; изъ-за отрицательныхъ характеровъ, собранныхъ имъ въ комедію, выступали для него важнѣйшіе вопросы русской жизни. Изъ Россіи приходили только вѣсти о новыхъ успѣхахъ реакціи. Взглядъ его становится мрачнѣе, сатира безпощаднѣе. Подобно тому, какъ это сказалось еще въ его

юношеской пьесѣ,—его возмущаетъ контрастъ настоящаго съ прошедшимъ, въ которомъ ему грезился рядъ эпизодовъ величія и славы; онъ хочетъ выступить не только съ сатирой на лица и нравы, но съ прямымъ воззваніемъ къ обществу, заклинающимъ его остановиться на гибельномъ пути къ застою и безличности. Тутъ-то характеръ Чацкаго, дотолѣ неясный, получаетъ вполнѣ опредѣленную физіономію: чѣмъ болѣе развивается самостоятельный, энергическій, благородный складъ воззрѣній Грибоѣдова, тѣмъ совершеннѣе становится художественное воспроизведеніе его въ Чацкомъ.

Чацкому суждено было стать предметомъ самыхъ разнообразныхъ комментаріевъ; его пріурочивали къ невозможнымъ оригиналамъ. Думали, напр., что въ своемъ героѣ авторъ хотѣлъ изобразить своего близкаго друга, всегда глубоко имъ, цѣнимаго, Чаадаева (при этомъ даже видѣли въ первоначальномъ правописаніи слова Чадскій указаніе на это соотношеніе, упуская изъ виду, что всѣ дѣйствующія лица, по обычаю старой комедіи, самыми прозвищами указываютъ на свой характеръ,—Репетиловъ повторяетъ чужое, Молчалинъ молчитъ, голова Чадскаго наполнена чадомъ либеральныхъ идей и т. д.). Толковали также, что въ Чацкомъ авторъ изобразилъ Катенина съ которымъ герой «Горя отъ ума» иногда дѣйствительно имѣетъ нѣкоторое сходство. Наконецъ, по появленіи отрывковъ изъ пьесы въ печати противники Грибоѣдова назвали Чацкаго простою копіею съ героя одного сатирическаго разсказа Виланда, между тѣмъ, какъ одного сличенія достаточно, чтобъ увидать, что сходство не идетъ далѣе общаго мотива,—желанія, обуревающаго молодого и образованнаго человѣка, наста-

вить свое общество на путь истинный и осмѣять его застарѣлые предразсудки, а во всемъ остальномъ рѣчи Чацкаго являются неподдѣльно-трагическимъ воплемъ, вырвавшимся изъ груди *русскаго* умнаго человѣка. Всѣ подобныя толкованія, сколько бы ихъ ни появлялось, несостоятельны. Чацкій, по толкованію Пушкина, — самъ Грибоѣдовъ. Его рѣчей, его стремленій и понять нельзя безъ помощи постояннаго сличенія съ оригиналомъ. Грибоѣдовъ тутъ весь, съ своими завѣтными убѣжденіями и симпатіями. Рѣзкое и неодолимое влеченіе говорить истину въ глаза, такъ поражающее въ Чацкомъ, есть прямое отраженіе того же чувства въ Грибоѣдовѣ, который, какъ свидѣтельствуютъ друзья его, доходилъ въ этомъ отношеніи до крайностей, безбоязненно изливая свое негодованіе на людей, въ которыхъ чуялъ недоброе, засыпалъ ихъ сарказмами, не давалъ имъ пощады. Грибоѣдову поэтому было вполнѣ естественно заставить Чацкаго раздѣлить съ нимъ недостатокъ благонамѣренной воздержности въ обличеніяхъ, не подумавъ иной разъ въ комедіи, какъ и въ жизни, къ какимъ промахамъ это можетъ привести. Письмо къ Катенину въ защиту «Горя отъ ума» показываетъ, что авторъ смотрѣлъ на Чацкаго, какъ на характеръ вполнѣ цѣльный и послѣдовательный, а не какъ на автомата, при помощи котораго удобно высказывать рѣзкія обличенія. Въ нападкахъ Чацкаго можно уловить извѣстную предвзятую систему,—и эта система опять всецѣло свойственна Грибоѣдову. То же исканіе опоры въ прошедшемъ, но не съ тѣмъ, чтобъ повернуть жизнь назадъ, а съ тѣмъ, чтобъ расшевелить самосознаніе въ массѣ, отучить ее отъ

слѣпой подражательности и униженія своей личности; это, разумѣется, свойственно идеализму патріотовъ того времени, но этотъ идеализмъ честный, искренній и не напускной. Обращеніе Чацкаго къ старинѣ нельзя притомъ истолковывать въ славянофильскомъ духѣ,—самъ Грибоѣдовъ никогда славянофиломъ не былъ. Въ его комедіи разсѣяно столько горячихъ выходокъ противъ враговъ новой образованности, противъ аракчеевщины, противъ строгостей цензуры: то защищаетъ онъ гонимыхъ новаторовъ-профессоровъ, обвиняемыхъ въ расколахъ и безвѣрьѣ, то систему Ланкастерскихъ школъ, обѣщавшую поднять народное образованіе и т. д.; а потому невозможно серьёзно отрицать, что Чацкій-Грибоѣдовъ сочувствовалъ всѣмъ новымъ стремленіямъ, которыя въ ту пору именно и неслись къ намъ съ Запада. Въ одномъ письмѣ къ князю В. Одоевскому Грибоѣдовъ возстаетъ прямо «противъ людей, которые отъ души желаютъ, чтобъ отечество наше осталось въ вѣчномъ младенчествѣ»; въ письмѣ, которымъ онъ намѣревался-было въ 1820 году просить отставки, онъ проводитъ ту мысль, что чѣмъ просвѣщеннѣе человѣкъ, тѣмъ больше онъ можетъ принести пользы своему отечеству.—Чацкій возстаетъ, правда, противъ нечистаго духа «пустого, рабскаго, слѣпого подражанья»,—но возстаетъ на него именно за то, что это не сознательное подражаніе, а поверхностное слѣдованіе модѣ,—и эту мысль мы постоянно встрѣчаемъ у Грибоѣдова. Добровольное отреченіе отъ своей національности его глубоко возмущало, и онъ заставляетъ своего героя путешествовать по всей Европѣ и придти къ заключенію, что «тамъ лучше, гдѣ насъ, т.-е. русскихъ, нѣтъ». Болѣе рази-

тельнаго указанія на превосходство Запада, кажется, и ожидать нельзя.

Такова въ существенныхъ чертахъ постоянная связь мыслей и стремленій Чацкаго, этого лучшаго выразителя надеждъ либерализма двадцатыхъ годовъ, съ складомъ воззрѣній самого Грибоѣдова. Нечего говорить о мелкихъ точкахъ соприкосновенія, которымъ нѣтъ числа; авторъ, какъ-бы вызываемый тѣмъ или другимъ совпаденіемъ частностей, безпрестанно уклоняется въ чисто-автобіографическія подробности. Помимо романической стороны въ характерѣ Чацкаго, все имъ исповѣдуемое и открыто высказываемое передумано и выстрадано самимъ авторомъ, и рѣчи, которыми этотъ непрошеный обличитель московскаго свѣта клеймитъ позоромъ всеобщія заблужденія и недуги, подсказаны ему невольнымъ отшельникомъ Тавризскаго «дипломатическаго монастыря».

Давно уже рвался онъ изъ своей почетной ссылки на волю и всегда оживалъ, когда какое-нибудь дѣло заставляло его хотя на время пріѣзжать въ Тифлисъ, гдѣ онъ снова видѣлъ образованныхъ людей и гдѣ его особенно радушно пригрѣвалъ А. П. Ермоловъ (вначалѣ сердившійся на него за дуэль въ первый же проѣздъ черезъ Тифлисъ съ Якубовичемъ за невыполненный вызовъ по дѣлу Шереметева), который потомъ научился цѣнить его по достоинству и былъ всегда предстателемъ его передъ министерствомъ, выставляя на видъ умныя и полезныя служебныя его дѣйствія. Особенно его поразила энергія, выказанная Грибоѣдовымъ при возвращеніи въ Россію изъ плѣна нашихъ солдатъ: это дѣйствительно было храброе дѣйствіе, шедшее подстать къ отличавшему и впослѣдствіи

Грибоѣдова спокойному и холодному мужеству: онъ самъ сталъ во главѣ колонны измученныхъ плѣнниковъ и бѣглецовъ и, не боясь нападеній и преслѣдованій, велъ ее по Персіи до русскихъ владѣній, прислушивался къ заунывнымъ народнымъ пѣснямъ, которыя затягивали путники, и тутъ еще сильнѣе тосковалъ по родинѣ. Наконецъ, когда въ концѣ 1821 года онъ посланъ былъ снова въ Тифлисъ для сообщенія о войнѣ, вспыхнувшей между Персіей и Турціей, онъ рѣшилъ уже не возвращаться болѣе въ Тавризъ. Ермоловъ, давно желавшій удержать его при себѣ, принялъ на себя ходатайство передъ графомъ Нессельроде о назначеніи Грибоѣдова секретаремъ по иностранной части при Ермоловѣ, какъ главнокомандующемъ въ Грузіи и на Кавказѣ. Онъ выставлялъ причиной тому необходимость долгаго леченія Грибоѣдова (на пути изъ Тавриза онъ переломилъ въ двухъ мѣстахъ руку, принужденъ былъ обратиться за помощью къ первому встрѣчному, а этотъ исполнилъ свое дѣло такъ, что по пріѣздѣ въ Тифлисъ пришлось справленную руку переломить еще разъ), и, кромѣ того, указывалъ на Грибоѣдова какъ на достойнаго кандидата въ директоры школы восточныхъ языковъ, которая въ то время проектировалась министерствомъ. Просьба Ермолова была уважена, и въ 1822 году онъ уже выселился изъ Персіи въ Тифлисъ.

Здѣсь жизнь его значительно измѣнилась къ лучшему: были люди, съ которыми можно было бесѣдовать о занимавшихъ его вопросахъ, и въ томъ числѣ искренне расположенный къ нему покровитель, Ермоловъ, уму, независимости характера и храбрости котораго онъ удивлялся; было нѣсколько семейныхъ

кружковъ, которые онъ охотно посѣщалъ и гдѣ впервые встрѣчался съ будущей своей женой; наконецъ, у него снова было фортепьяно, въ такой степени ему недостававшее. Жилъ онъ очень скромно, въ двухъ небольшихъ комнатахъ, изъ которыхъ за то открывался превосходный видъ на кавказскій хребетъ, много бродилъ по городу, предпочитая особенно гору св. Давида, у подошвы которой разстилается весь оригинальный полу-восточный городъ. На этой горѣ находится теперь его могила.

Въ Тифлисѣ были окончены первыя два дѣйствія «Горя отъ ума»; но Грибоѣдовъ видѣлъ, что для окончанія комедіи, для тѣхъ двухъ послѣднихъ дѣйствій, въ которыхъ въ особенности должна была обрисоваться среда, окружавшая Чацкаго, у него недостаетъ красокъ, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ вдали, затуманили нѣсколько передъ нимъ воспоминанія о людяхъ и нравахъ сѣвера. Кавказская жизнь порой тяготила его. Онъ сквозь слезы шутитъ, говоря въ позднѣйшемъ письмѣ къ Бѣгичеву, что «его замучаетъ борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ», и обѣщаетъ, «что мы будемъ вѣшать и прощать, и плюемъ на исторію», и т. д. Часто сопровождая Ермолова въ разныя экспедиціи, прислушиваясь къ тому, что́ говорилось вокругъ, онъ могъ только укрѣпить въ себѣ подобное настроеніе. Какъ изъ Персіи его манило въ Тифлисъ, такъ теперь всѣ его помыслы обращены къ задуманной имъ поѣздкѣ въ Москву и Петербургъ. Добившись въ 1823 году кратковременнаго отпуска, онъ въ слѣдующемъ году снова выѣзжаетъ на сѣверъ и

остается тамъ болѣе года. Наступаетъ самое блестящее время въ его жизни.

Повидавшись послѣ долгой разлуки съ Бѣгичевымъ, Александръ Сергѣевичъ, прочелъ ему написанное изъ комедіи, при чемъ, какъ показалось другу, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ выслушалъ сдѣланныя имъ замѣчанія относительно перваго акта. На другой день Бѣгичевъ засталъ его рано утромъ неодѣтаго, у печки, въ которую онъ бросалъ, листъ за листомъ, написанный первый актъ. «Я обдумалъ», отвѣчалъ онъ изумленному Бѣгичеву; «ты вчера говорилъ мнѣ правду, но не безпокойся: все готово въ головѣ моей». И дѣйствительно, черезъ недѣлю актъ былъ написанъ вновь. Москва возбуждающимъ образомъ дѣйствовала на сатирика: онъ съ жаромъ принялся за новыя наблюденія. Его не узнавали; прежде не любившій показываться въ шумныхъ свѣтскихъ собраніяхъ, онъ теперь, къ удивленію друзей, сталъ являться всюду, сталъ присяжнымъ посѣтителемъ гостиныхъ, баловъ, пикниковъ. Матеріалу для сатирической общественной картины набиралось вдоволь; тѣ живыя въ ней краски, поражающія въ послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ и свидѣтельствующія о рисовкѣ съ натуры, наложены именно въ это время непосредственныхъ наблюденій. Въ особенности сюда относится созданіе мѣтко обрисованнаго типа Репетилова, оригиналомъ для котораго послужила опредѣленная личность, но который воспринялъ въ себя, по общей участи дѣйствующихъ лицъ въ настоящей комедіи, цѣлый рядъ собирательныхъ чертъ. Грибоѣдовъ по пріѣздѣ на родину былъ вполнѣ въ положеніи Чацкаго, который послѣ долгихъ странствій, заставая много неожиданнаго на родинѣ, признает-

ся, что «есть на землѣ такія превращенія правленій, климатовъ, и нравовъ и умовъ», что нынѣшніе «люди важные слыли за дураковъ», что «въ послѣдніе года всѣ стали умны хоть куда». Дѣйствительно, отставъ въ теченіи четырехъ лѣтъ отъ новыхъ порядковъ сѣвера и помня тамъ тотъ сравнительно сносный духъ, который господствовалъ въ оффиціальныхъ сферахъ и обществѣ, еще не забывшемъ обновляющихъ традицій, завѣщанныхъ ему наполеоновскимъ погромомъ, — онъ перенесенъ былъ точно въ переродившуюся среду. Реакція была въ полномъ ходу; Магницкіе и Аракчеевы процвѣтали, а на встрѣчу имъ росло и развивалось тайное движеніе, въ умахъ. Относясь съ обычной безпощадной суровостью къ первымъ, Грибоѣдовъ съумѣлъ понять и слабыя стороны дѣла ихъ противниковъ. Онъ былъ близокъ ко многимъ будущимъ дѣятелямъ переворота, — въ особенности же сблизился съ ними въ пребываніе въ Петербургѣ въ 1824—25 годахъ, не былъ вполнѣ посвященъ въ дѣло, но зналъ многое и, какъ свидѣтельствуетъ Бѣгичевъ, «сочувствовалъ желанію нѣкоторыхъ перемѣнъ». Нигдѣ поэтому не встрѣтимъ нападокъ на главныя личности союза, — за то вся роль Репетилова насыщена колкими остротами насчетъ хористовъ движенія, въ которыхъ онъ чуялъ неподготовленность, поверхностность и въ своемъ родѣ такое же слѣдованіе модѣ, скуки ради. Впослѣдствіи однако этимъ острымъ выходкамъ довелось сослужить автору великую службу: онѣ сняли съ него подозрѣніе въ солидарности со всѣмъ движеніемъ.

Когда наконецъ Грибоѣдовъ почувствовалъ, что идея вполнѣ созрѣла и пора творчества настала для него, онъ поспѣшилъ

удалиться отъ городского шума. Послѣднія дѣйствія написаны въ деревнѣ, именно въ имѣніи Бѣгичева, селѣ Дмитріевскомъ, Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, куда Грибоѣдовъ, въ концѣ мая или началѣ іюня 1824 года, пріѣхалъ вслѣдъ за своимъ другомъ. Здѣсь онъ уединялся для работы, избравъ для этого бесѣдку въ саду; вставалъ рано, днемъ сходился съ домашними только во время обѣда, но за то вечеромъ читалъ имъ написанное въ тотъ день. Онъ до того сжился со своими героями, до того ясно видѣлъ ихъ передъ собой, что смѣло давалъ волю своей кисти, не опасаясь ошибокъ. Онъ давно уже отбросилъ отъ себя всю старую рутину теоріи драмы и, направляя творческую силу на новые пути, шелъ въ разрѣзъ со всѣми литературными пріемами окружавшей его среды. Когда онъ пишетъ Катенину: «я какъ живу, такъ и пишу свободно», то онъ говоритъ вполнѣ искренно. Пушкинъ одинъ изъ первыхъ понялъ своеобразность направленія Грибоѣдова, говоря: «драматическаго писателя должно судить по закопамъ, имъ самимъ надъ собою поставленнымъ, — слѣдственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова». — За то, какъ свидѣтельствуютъ лица, имѣвшія подъ руками первоначальный текстъ комедіи, Грибоѣдовъ чрезвычайно тщательно, съ чисто Пушкинской добросовѣстностью работалъ надъ своимъ слогомъ, десятки разъ мѣняя фразу, пока она не удовлетворяла наконецъ вполнѣ его требованіямъ. Такъ, напр., стиху: «а надъ собой гроза не безполезна», предшествовали стихи: «а строгость къ самому себѣ не безполезна» и «Поправка вамъ не безполезна» и т. д. Иначе и невозможно было-бы перейти отъ обычнаго водевиль-

наго слога его прежнихъ драматическихъ бездѣлокъ къ гибкому и живому разговорному языку его комедіи, возмутившему своей непринужденностью и часто неправильностью современныхъ пуристовъ.

Грибоѣдовъ вначалѣ какъ будто не намѣренъ былъ подѣлиться ни съ кѣмъ своимъ произведеніемъ, которое, какъ уже извѣстно, не назначалось для сцены. Случай рѣшилъ иначе. Одинъ изъ знакомыхъ его сестры, графъ Віельгорскій, нашелъ на ея фортепьяно отдѣльные листки комедіи, пришелъ въ восторгъ, настойчиво добился выдачи остальнаго, показывалъ пьесу всѣмъ, и молва о ней мигомъ разнеслась. Въ виду сильнаго впечатлѣнія, которое она произвела сразу, Грибоѣдовъ могъ легко подпасть тому искушенію видѣть свое произведеніе на сценѣ, о которомъ онъ говоритъ въ упомянутомъ выше отрывкѣ. Восторженные крики сочувствія придаютъ ему рѣшимости. Онъ спѣшитъ въ Петербургъ, и еще лѣтомъ 1824 года принимается хлопотать о принятіи комедіи на сцену. При столкновеніи съ дѣйствительностью оказывается необходимость сильныхъ измѣненій; ради цензурныхъ соображеній приходится ослабить слишкомъ рѣзкія мѣста или вовсе исключить ихъ. Это его сердитъ до-нельзя; ему досадно на себя за эту податливость на уродованіе своего дѣтища. Отдѣльныя выраженія и слова, казавшіяся опасными, наскоро замѣнялись другими, значительно ослаблявшими впечатлѣніе. Исторія постепенной эмансипаціи печатнаго текста «Горя отъ ума» отъ этихъ сокращеній, завершившаяся только въ настоящее время, спустя полъ-вѣка, весьма любопытна;—еще плачевнѣе была судьба театральной редакціи.

Измѣненія, предпринятыя авторомъ въ виду постановки пьесы на сцену, имѣли однако и хорошую сторону: нѣкоторые стихи, по его мнѣнію, недодѣланные, принимаютъ окончательную отдѣлку, и такимъ образомъ перемѣнено восемьдесятъ стиховъ, «пока сдѣлалось гладко, какъ стекло». Разговоры, казавшіеся растянутыми, сжаты въ видахъ усиленія эффекта; наконецъ, прибавлена вновь сцена запгрыванья Молчалина съ Лизой въ послѣднемъ актѣ, задуманная на дорогѣ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ комедія возбудила общій восторгъ; Грибоѣдова носили на рукахъ; по нѣскольку разъ въ день приходилось ему читать пьесу въ различныхъ домахъ, при чемъ часто, какъ самъ кается, онъ, увлекаясь, импровизировалъ во время чтенія многія мѣста. Недовольство и даже открытое негодованіе, возбужденное комедіей, проявлявшееся кое-гдѣ и въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ, сосредоточилось главнымъ образомъ въ Москвѣ, гдѣ поднялась глухая, но яростная агитація противъ комедіи и ея автора. Многіе поспѣшили узнать себя или своихъ въ дѣйствующихъ лицахъ комедіи, другіе вступились за честь порядочнаго общества, Москвы, русскаго имени, за нравственность и т. д. Одни подзадоривали къ дуэли «американца» Толстого, котораго всѣ узнали въ «ночномъ разбойникѣ и дуэлистѣ, вернувшемся изъ Камчатки алеутомъ»; а директоръ театровъ Кокошкинъ представлялъ генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну, что «Горе отъ ума» —прямой пасквиль на Москву. Агитація имѣла своихъ агентовъ и въ Петербургѣ, гдѣ уже выдвигались соображенія высшей политики, предрекалось возбужденіе недовольства дворянскаго со-

словія и т. п. При такихъ обстоятельствахъ нельзя удивляться что старанія о принятіи пьесы на сцену, поддержанныя многими вліятельными людьми, въ томъ числѣ Паскевичемъ, остались безуспѣшными. Грибоѣдовъ долго надѣялся на успѣхъ, а на талантливую актрису Дюрову разсчитывалъ какъ на прекрасную исполнительницу роли Софьи, Сосницкому и Щепкину давалъ совѣты, какъ передавать характеры Репетилова и Фамусова. Но пришлось наконецъ убѣдиться въ тщетности надеждъ, тѣмъ болѣе несомнѣнной, что даже устроенное-было тайкомъ учениками театральной школы представленіе «Горя отъ ума» (при чемъ репетиціями руководилъ самъ авторъ) было разстроено по приказанію генералъ-губернатора Милорадовича, имѣвшаго свои счеты съ Грибоѣдовымъ. Этотъ рядъ неудачъ сильно огорчилъ Александра Сергѣевича; онъ видимо пріунылъ и возвратившаяся-было къ нему искрометная веселость прежнихъ лѣтъ стала увядать. Лишь спустя три года ему удалось увидать въ первый и единственный разъ въ жизни свою комедію на сценѣ. Это было въ 1827 году въ Эриванѣ, гдѣ по мысли дивизіоннаго генерала Красовскаго былъ устроенъ весьма порядочный офицерскій театръ въ прежнемъ дворцѣ персидскихъ сердарей. Впервые «Горе отъ ума» было сыграно вполнѣ (до этого давались нѣкоторые акты порознь) уже послѣ смерти автора, и именно въ Петербургѣ 26 января 1831 года, а въ Москвѣ 27-го ноября того же года. Грибоѣдову точно также не удалось при жизни добиться полнаго изданія своей пьесы, изъ которой только нѣсколько отрывковъ появилось въ альманахѣ «Русская Талія», изданномъ въ 1825 г. Булгаринымъ; всѣ же четыре акта появи-

лись въ печати, хотя также съ пропусками, только въ 1833 г. Комедіи пришлось такимъ образомъ распространяться въ массѣ посредствомъ списковъ, которыхъ по приблизительному разсчету насчитывали къ пятидесятымъ годамъ до сорока тысячъ.

Враги литературные также не бездѣйствовали. Многіе сторонники старой школы нападали на комедію преимущественно съ теоретической точки зрѣнія, и во главѣ ихъ Карамзинъ; находились также люди, которые предпочитали дѣйствовать изъ-за угла, осыпая автора и комедію голословной бранью, пуская въ ходъ эпиграммы и пасквили. Когда въ «Талiи» появились первые отрывки, натискъ сталъ еще яростнѣе. Статьи «Московскаго Телеграфа» и «Сына Отечества», выставившія достоинства новаго произведенія и проникнутыя искреннимъ удивленіемъ таланту автора, вызвали грубыя нападки, арепой которыхъ сталъ «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго, гдѣ отличался своими привязчивыми рецензіями М. А. Дмитріевъ, видимо не столько ратовавшій противъ чисто-литературныхъ погрѣшностей, сколько противъ попранія приличій и оскорбленія свѣтскаго общества, къ которому самъ себя приписывалъ. Грибоѣдовъ не принималъ въ спорѣ никакого участія, удерживая отъ того и друзей своихъ и называя эту борьбу ребяческой, школьной; такимъ образомъ, застрѣльщиками грибоѣдовскаго лагеря являлись по собственному влеченію молодые, начинавшіе писатели, кн. В. Одоевскій, Сомовъ и др., сознательно примкнувшіе къ новому направленію, водворяемому комедіей и считавшіе своимъ долгомъ выступить на ея защиту. Грибоѣдову были еще тягостнѣе униженныя и корыстныя хвалы, которыми въ виду

его успѣховъ стали его осыпать недавніе завистники и враги; письма за это время дышатъ негодованіемъ на эту притворную лесть, въ особенности со стороны московскихъ литераторовъ, которымъ достаются на долю незавидные эпитеты.

Пребываніе Грибоѣдова въ Петербургѣ въ 1823—26 гг., вызванное послѣдними работами надъ «Горемъ отъ ума,» въ то же время оказало весьма сильное вліяніе на развитіе литературной его дѣятельности вообще. Очутившись снова въ интеллигентномъ кружкѣ, значительно измѣнившемся и обновленномъ за время его отсутствія, онъ живетъ одною съ нимъ жизнью. Прежнія связи съ представителями партіи дѣйствія скрѣпляются и расширяются, хотя въ отношеніи Грибоѣдова, какъ и въ отношеніи Пушкина, эти люди не говорили ему *всего*, заявивъ на слѣдствіи, что берегли «талантъ такого человѣка, который можетъ прославить Россію, и находили, что его слѣдуетъ уберечь отъ всякихъ невзгодъ и случайностей».—Въ эту пору особенно развивается стихотворная дѣятельность Грибоѣдова; въ Сѣверной Пчелѣ», которой, наравнѣ съ «Сыномъ Отечества», онъ иногда присылалъ небольшія корреспонденціи съ Востока, помѣщались его стихотворенія, навѣянныя восточной жизнью, вліяніе которой отразилось, кромѣ удачной пьесы «Хищники на Чегемѣ», написанной во время экспедиціи на Кавказѣ, также и на нѣсколькихъ произведеніяхъ, несомнѣнно принадлежащихъ къ описываемому времени, но появившихся въ печати по смерти автора,—напр., на стихотвореніи «Востокъ», отрывкѣ изъ поэмы «Кальянчи», и наброскѣ стихотворенія, найденномъ между черновыми бумагами. На открытіе новаго театра въ Москвѣ онъ на-

ряду съ другими пишетъ торжественный прологъ, оставшійся неоконченнымъ; въ «Полярной звѣздѣ» 1825 г. переводитъ прологъ къ Гётевскому «Фаусту» (діалогъ поэта, весельчака и директора театра); вѣроятно, въ ту же пору начато было стихотвореніе «Домовой» на какой-то сюжетъ изъ міра русскихъ народныхъ сказокъ,—отъ этого стихотворенія уцѣлѣло только начало, которое однако невольно обращаетъ на себя вниманіе, какъ единственная попытка автора усвоить себѣ своеобразный складъ народнаго разсказа, попытка повидимому обѣщавшая быть очень удачною. Вотъ шесть первыхъ стиховъ:

Дѣтушки матушкѣ жаловались,
Спать ложиться закаялись:
Больно тревожитъ насъ дѣдъ-непосѣдъ,
Зла творитъ много и множество бѣдъ,
Ступней топочетъ, столами ворочитъ,
Душитъ, навалится, щиплетъ, щекочитъ...

Къ тому же времени относится и небольшая опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи—«Кто братъ? Кто сестра? или За обманомъ обманъ», написанная Грибоѣдовымъ вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ. По словамъ послѣдняго, къ сочиненію этой пьесы его склонилъ Кокошкинъ, нуждавшійся въ новой комедіи для бенефиса актрисы Львовой-Синецкой, состоявшей подъ его особеннымъ покровительствомъ. Кн. Вяземскій, не чувствуя въ себѣ способности къ работамъ для театра, склонилъ Грибоѣдова раздѣлить съ нимъ трудъ, принимая на себя охотно всю стихотворную часть и куплеты; Грибоѣдову же досталась проза и небольшой, довольно слабый куплетъ: «Любитъ обновы мальчикъ Эротъ». Остается неизвѣстнымъ, кому

изъ двухъ принадлежитъ весь замыселъ и планъ пьесы, такъ что невозможно рѣшить, былъ ли Грибоѣдовъ въ отмежеванной ему части самостоятеленъ, или роль его ограничивалась выполненіемъ обдуманнаго вдвоемъ плана. Пьеса эта, наполненная довольно удачными куплетами, музыку къ которымъ (какъ значится на рукописномъ экземплярѣ въ библіотекѣ дирекціи театровъ) написалъ Верстовскій, выполнена занимательно и живо. По настоянію кн. Вяземскаго, только-что вернувшагося тогда изъ Варшавы, дѣйствіе перенесено въ Польшу и лицамъ и содержанію данъ вообще «польскій колоритъ». На почтовой станціи случайно встрѣчаются два брата Рославлевы; одинъ изъ нихъ недавно женился на полькѣ, другой, старшій, противившійся этому браку, ѣдетъ въ Варшаву, чтобы воспрепятствовать этому. Жена младшаго Рославлева, Юлія, замышляетъ сыграть съ своимъ противникомъ злую шутку. Она переодѣвается, придѣлываетъ себѣ бакенбарды, надѣваетъ сапоги со шпорами и, когда по предварительному уговору станціонный смотритель задерживаетъ старшаго Рославлева на станціи, увѣряя, что всѣ лошади въ разгонѣ, она является къ пріѣзжему, выдавая себя за товарища его брата, поддѣлывается подъ тонъ своего собесѣдника, великаго ненавистника женщинъ, но во время разговора ловко умѣетъ заинтересовать его похвалами красотѣ и кротости своей сестры. Она же, разумѣется, играетъ и роль этой вымышленной сестры, кокетничаетъ съ закоснѣлымъ ненавистникомъ женщинъ, и наконецъ влюбляетъ его въ себя. Снова переодѣвшись на мгновеніе въ мужское платье, она изъ устъ его слышитъ признаніе въ любви къ *сестрѣ*, вырвавшееся у него при извѣстьи, что

сестра эта съ своимъ братомъ уже собираются въ путь. Она импровизируетъ какую-то фантастическую исторію, показывающую, что сестра давно уже любитъ Рославлева, котораго она видала еще въ Варшавѣ; натѣшившись вдоволь его волненіемъ, она сбрасываетъ съ себя шинель и конфедератку, выслушиваетъ новыя признанія его, ставшаго уже передъ ней на колѣни. Младшій Рославлевъ застаетъ его въ этомъ положеніи: все объясняется, и старшій братъ принужденъ уступить.— Пьеса (единственная рукопись которой, хранящаяся въ упомянутой театральной библіотекѣ, поражаетъ удивительной безграмотностью переписчика) имѣла всѣ вѣроятія успѣха, но, какъ говоритъ кн. Вяземскій, вялая игра актеровъ и интриги театральнаго начальства, неблагопріятно настроеннаго противъ обоихъ авторовъ, едва не довели пьесу до паденія. Изъ Москвы она вскорѣ была перенесена на петербургскую сцену, гдѣ въ первый разъ была дана 1-го сентября 1824 года, вызвавъ нѣсколько болѣе сочувствія.

Долгая жизнь въ Петербургѣ сдѣлалась возможной для Грибоѣдова лишь вслѣдствіе того, что онъ почему-то не воспользовался даннымъ ему отпускомъ за границу. Наконецъ, срокъ отпуска истекъ и необходимо было возвращаться въ Грузію; но на этотъ разъ Грибоѣдовъ предпочелъ избрать новый путь, объѣздомъ, черезъ мѣста, которыя давно порывался посѣтить. Въ іюнѣ 1825 года онъ былъ ужъ въ Кіевѣ и затѣмъ все лѣто пространствовалъ по Крыму, посѣтивъ мельчайшіе уголки южнаго берега. Онъ видимо искалъ новыхъ вдохновеній, хотѣлъ снова оживиться для творческой дѣятельности, но съ отчаяніемъ убѣждался въ тщетности этихъ

ожиданій. «Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую?» пишетъ онъ изъ Симферополя: «умѣю ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется что́ сказать—за это ручаюсь; отъ чего же я нѣмъ? Грибоѣдовъ обѣщалъ-было своимъ петербургскимъ друзьямъ сообщить имъ свои путевыя впечатлѣнія, но и этого не исполнилъ. Отголоскомъ этихъ впечатлѣній остались е о краткія путевыя записки или дневникъ, уцѣлѣвшія случайно въ массѣ черновыхъ бумагъ. Эти записки на первый взглядъ чрезвычайно лаконичны, и являются какъ бы только сжатой программой того, что́ должно было быть развито впослѣдствіи въ иной формѣ,—но при ближайшемъ изученіи и онѣ представляютъ цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ складомъ ума и вкусомъ автора. Не изъ одного любопытства или для разсѣянія посѣщаетъ онъ Таврическій полуостровъ; онъ пріѣзжаетъ туда основательно подготовленный, съ обширными свѣдѣніями по исторіи и археологіи Крыма. Сверхъ правописательныхъ замѣтокъ, описаній природы, мы постоянно встрѣчаемъ научныя указанія, догадки и соображенія. Въ Херсонесѣ его занимаетъ вопросъ о крещеніи Руси Владиміромъ; на еврейскомъ кладбищѣ онъ желалъ бы разобрать старыя надгробныя надписи; слѣды греческихъ и генуэзскихъ поселеній возбуждаютъ въ немъ рядъ остроумныхъ соображеній,—и все это записано только для себя, безъ желанія щеголять ученостью передъ кѣмъ бы то ни было. Таковъ былъ всегда характеръ келейныхъ, кабинетныхъ занятій Грибоѣдова, который, не выступая передъ свѣтомъ въ качествѣ ученаго спеціалиста, неутомимо работалъ по тѣмъ отраслямъ, которыя

были ему наиболѣе симпатичны. Крымскія записки—живой тому примѣръ; но, кромѣ нихъ, сбережена цѣлая тетрадь прямо уже научныхъ *Desiderata* (какъ она и озаглавлена), гдѣ записанъ для памяти и рядъ новыхъ разысканій вопросовъ, преимущественно изъ русской исторіи, возбужденныхъ въ авторѣ чтеніемъ той или другой книги. Весь тогда еще небогатый матеріалъ для пониманія русской исторіи старательно исчерпывался имъ; тутъ видимъ ссылки на различныя лѣтописи, «Вивліоѳику» Новикова, на Герберштейна, Палласа, Боплана и т. п. Чѣмъ старше становится Александръ Сергѣевичъ, тѣмъ любовь его къ такого рода занятіямъ усиливается. Этой любви, какъ и вообще подошедшаго съ годами поворота къ серьёзной вдумчивости почти никто не подозрѣвалъ,—и Грибоѣдовъ комически жалуется, что даже въ Крыму ему не давали покоя поклонники его комедіи, ожидая отъ него непремѣнно веселыхъ выходокъ. «Сочинитель Фамусова и Скалозуба, думали они,—стало быть, человѣкъ веселый».

Когда наконецъ пришлось разстаться съ жизнью туриста и направиться въ главную квартиру кавказскаго корпуса, Грибоѣдовъ настигъ Ермолова въ Екатериноградской станицѣ, откуда снаряжалась экспедиція. Здѣсь онъ пораженъ былъ вѣстью о событіяхъ 14-го декабря. Вскорѣ однако очередь быть привлеченнымъ къ начатому обширному слѣдствію дошла и до него. Къ Ермолову былъ посланъ фельдъ-егерь съ приказаніемъ немедленно арестовать Грибоѣдова, захватить всѣ его бумаги и выслать его въ Петербургъ. Ермоловъ (какъ свидѣтельствуютъ нѣсколько различныхъ показаній), шепнулъ Грибоѣдову о грозящей ему опасности, затѣмъ исполнилъ форма́ль-

ность, донеся военному министру, что «взялъ Грибоѣдова такъ, что онъ не успѣлъ истребить своихъ бумагъ», что все найденное посылаетъ при донесеніи, но пришлетъ и больше, если что́ найдется; при этомъ онъ рѣшился замолвить даже доброе слово, отозвавшись съ большими похвалами о служебныхъ и дѣловыхъ способностяхъ арестованнаго во всѣ предшествовавшіе годы.—Несясь по Россіи вмѣстѣ съ своимъ невольнымъ спутникомъ, Грибоѣдовъ умѣлъ приручить его. «Я сказалъ этому господину», разсказывалъ онъ потомъ, «что если онъ хочетъ довезти меня живого, такъ пусть дѣлаетъ то, что́ мнѣ угодно. Не радость же мнѣ въ тюрьму ѣхать!»—Онъ шутилъ и смѣялся надъ нимъ съ такой непринужденностью, которая удивила Бѣгичева, приѣдшаго въ Москвѣ повидаться съ другомъ; съ первыхъ же словъ онъ представилъ ему своего безволосаго курьера какъ испанскаго гранда донъ-Лыско-Плѣшивосъ-ди-Париченца. Въ Москвѣ онъ даже не повидался съ матерью, которая при первомъ же извѣстіи объ его задержаніи разразилась бранью, укорами въ вольнодумствѣ и т. д.—По пріѣздѣ въ Петербургъ Грибоѣдова посадили въ особомъ помѣщеніи при главномъ штабѣ, откуда водили для допросовъ въ крѣпость. Сохранившіяся записочки, писанныя имъ на лоскуткахъ бумаги къ друзьямъ, живо отражаютъ его настроеніе, становившееся постепенно раздраженнѣе. По собственному выраженію, онъ погибалъ отъ скуки и невинности, но томился, тосковалъ, ссорился съ надсмотрщиками. Своей участи онъ не страшился, не зная за собой ничего серьёзнаго; онъ думалъ, что его вышлютъ съ фельдъегеремъ: «бояться людей, значитъ баловать ихъ», пишетъ онъ.

Такъ онъ поступалъ и на допросахъ; прямо написалъ онъ въ отвѣтѣ, что́ зналъ о томъ, что́ дѣлалось, знакомъ былъ съ тѣми или другими лицами. Въ его судьбѣ принимали участіе многія изъ лицъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ слѣдствію. Въ главномъ штабѣ заключеніе его облегчалъ различными послабленіями капитанъ Жуковскій, на которомъ повидимому лежалъ надзоръ за заключенными. Одинъ изъ слѣдователей, Иваповскій, самъ ревностный поклонникъ литературы, старался выгородить Грибоѣдова всѣми возможными средствами. Наконецъ, по разсказу Вѣтичева, «одно очень вліятельное лицо», подойдя къ Грибоѣдову въ то время какъ онъ писалъ отвѣтъ на вопросные пункты, сказало ему, взглянувъ на бумагу: «Александръ Сергѣевичъ! Что́ вы пишете! Пишите: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю». Грибоѣдовъ такъ и сдѣлалъ. — Въ числѣ облегчающихъ обстоятельствъ были выставлены и Репетиловскія выходки по поводу «секретнѣйшаго союза князь-Григорія», какъ прямое доказательство насмѣшливаго отношенія автора къ цѣлямъ заговорщиковъ. Несмотря на это доброжелательное вмѣшательство, Грибоѣдовъ провелъ въ заключеніи четыре мѣсяца, находя утѣшеніе только въ чтеніи и занятіяхъ (записочки полны просьбъ прислать Чайльдъ-Гарольда, стихотворенія Пушкина, даже дифференціальное исчисленіе Франкёра). Въ эти-то дни томленія и взволнованнаго ожиданія онъ набросалъ извѣстную эпиграмму:

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово рабъ...
Меня и взяли въ главный штабъ,
И потянули къ Іисусу.

Наконецъ, въ іюнѣ 1826 года его освободили и даже дали ему слѣдующій чинъ. Остальные два лѣтнихъ мѣсяца онъ прожилъ на Выборгской сторонѣ на уединенной дачѣ, дѣлая оттуда частыя экскурсіи по окрестностямъ, «странствуя по берегу морскому, переносясь то на верхъ Дудеровой горы, то въ пески Ораніенбаума». Въ этомъ уединеніи Грибоѣдовъ искалъ забвенія недавнихъ тяжелыхъ ощущеній. Онъ поддался унынію и неохотно думалъ о возвращеніи на Кавказъ, гдѣ ждала его прежняя безцѣльная дѣятельность, проходившая въ сопутствіи Ермолову въ мелкихъ экспедиціяхъ, которыя его вовсе не интересовали. Онъ серьёзно сталъ помышлять объ удаленіи отъ всѣхъ дѣлъ, и мечталъ предаться тихой кабинетной жизни. Честолюбіе матери и здѣсь стало поперекъ его стремленій. Находясь въ то время въ критическомъ денежномъ положеніи и не видя изъ него исхода, кромѣ возобновленія служебной карьеры сына, она въ то же время находила необходимою полную реабилитацію его послѣ недавнихъ подозрѣній. Для достиженія обѣихъ цѣлей представлялся въ ту минуту удобный случай. Вслѣдствіе неудовольствій на Ермолова задумана была посылка на Кавказъ Паскевича, сначала въ качествѣ лица второстепеннаго, но которое, какъ всѣ знали впередъ, должно было скоро замѣнить стараго главнокомандующаго. Паскевичъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Грибоѣдова, и по разсчетамъ Настасьи Ѳедоровны, долженъ былъ оказать дѣятельное содѣйствіе служебной карьерѣ родственника. Зная, что опредѣленіе на службу къ Паскевичу противно желанію сына, она употребила хитрость, еще болѣе характеризующую ея изобрѣтательность въ насиль-

ственномъ достиженіи своихъ цѣлей. Она пригласила однажды въ Москвѣ Александра Сергѣевича поѣхать въ часовню Иверской Божіей Матери, послѣ молебна стала передъ сыномъ на колѣни, вырвала у него обѣщаніе исполнить то, о чемъ она будетъ просить его, — и затѣмъ объявила о своемъ планѣ. Грибоѣдовъ, связанный только-что даннымъ обѣщаніемъ и всегда доводившій до крайности сыновнюю преданность и уваженіе, не рѣшился отклонить предложеніе, тягостное для него и потому, что, принимая службу у Паскевича, онъ невольно становился какъ-бы во враждебное отношеніе къ Ермолову, которому такъ много былъ обязанъ.

Недолго пришлось ему выдерживать это томительно неловкое положеніе между двумя огнями. Въ напечатанномъ ниже письмѣ, отъ 9-го декабря 1826 г., онъ въ досадѣ характеризуетъ это положеніе, называя его своего рода войной: «два старшихъ генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ». Отношенія его къ Ермолову становились все холоднѣе, и онъ разгадывалъ уже въ этомъ предметѣ недавнихъ его похвалъ сильный эгоизмъ и подверженность страстямъ. Скоро, однако, это ненормальное положеніе дѣлъ прекратилось, и Паскевичъ сталъ нераздѣльнымъ главой края. Грибоѣдовъ занялъ при немъ то же мѣсто, которое имѣлъ при его предшественникѣ. Персидская война, начавшаяся еще при Ермоловѣ неожиданнымъ нападеніемъ отряда Аббаса-мирзы на русскія владѣнія, разгоралась все сильнѣе, и присутствіе Паскевича въ дѣйствующей арміи стало необходимымъ. Грибоѣдовъ послѣдовалъ за нимъ, и былъ во всѣхъ важнѣйшихъ битвахъ, поражая своей неустрашимостью даже бывалыхъ воиновъ. За-

мѣтивъ однажды въ себѣ волненіе при паденіи рядомъ съ нимъ раненаго ядромъ офицера, онъ съ рѣдкимъ фатализмомъ сталъ пріучать себя переносить опасность и, назначивъ себѣ впередъ извѣстное число выстрѣловъ, разъѣзжалъ спокойно въ открытыхъ мѣстахъ, считая выстрѣлы. Присутствіе его при войскахъ было очень полезно вслѣдствіе пріобрѣтеннаго имъ знанія жизни и людей въ Персіи. Когда, разбитый на голову подъ Нахичеванью, Аббасъ-мирза просилъ о мирѣ, Грибоѣдовъ былъ посланъ въ персидскій лагерь для переговоровъ, которые подробно и мѣтко охарактеризовалъ въ своемъ донесеніи, предрекая по всѣмъ признакамъ возобновленіе военныхъ дѣйствій, несмотря на выказанную податливость и льстивыя рѣчи. Эти осторожные совѣты были вполнѣ своевременны, такъ какъ принятіе мѣръ предосторожности отразило новое нападеніе и ускорило развязку долгой войны. По этой развязкѣ Грибоѣдову суждено было снова играть выдающуюся роль: онъ былъ главнымъ дѣятелемъ при заключеніи Туркманчайскаго договора, присоединившаго къ Россіи Эриванскую область и обязавшаго Персію выплатить большую контрибуцію. Паскевичъ поэтому выбралъ его для доставленія въ Петербургъ оффиціальнаго донесенія о заключеніи договора.

Такимъ образомъ, въ 1828 году Грибоѣдову пришлось въ послѣдній разъ быть на сѣверѣ. Пребываніе его здѣсь было недолго, и во всемъ образѣ жизни его замѣтна была какая-то сдержанность. Казалось, онъ предчувствовалъ, что на различныхъ почестяхъ, которыми осыпали его, какъ вѣстника о мирѣ, дѣло не остановится, и что дипломатическая его карьера

на Востокѣ грозитъ затянуться до безконечности. Потребность въ отдыхѣ, стремленіе принадлежать, наконецъ, себѣ все возростали въ немъ. «Все, чѣмъ я до сихъ поръ занимался», пишетъ онъ Вѣтичеву, «для меня дѣла постороннія. Призваніе мое—кабинетная жизнь. Голова моя полна, и я чувствую необходимую потребность писать». Эта потребность не была однимъ смутнымъ предчувствіемъ; повое пребываніе на Кавказѣ пробудило наконецъ въ Грибоѣдовѣ творческую дѣятельность. Въ эту пору онъ задумалъ свое послѣднее произведеніе,—трагедію «Грузинская ночь», единственные уцѣлѣвшіе отрывки которой напечатаны въ настоящей книжкѣ вмѣстѣ съ разсказомъ содержанія всей трагедіи, насколько могъ его припомнить Булгаринъ. Сколько можно теперь судить, это произведеніе открывало собою совершенно новый періодъ въ творчествѣ Грибоѣдова, пролагая неизвѣданный еще путь. Отъ легкихъ бездѣлокъ перешелъ онъ сразу къ комедіи-сатирѣ; теперь онъ переходитъ къ трагедіи, но не въ томъ смыслѣ, какъ понимали ее его друзья въ родѣ классика Катенина, а въ смыслѣ «романтической трагедіи», какъ говорили тогда, т.-е. онъ пробуетъ свои силы въ созданіи произведенія въ Шекспировскомъ родѣ, смѣшивающаго съ изображеніемъ дѣйствительности цѣлый рой фантастическихъ образовъ. На сцену выступаетъ грузинская демонологія, народныя повѣрья и сказанья; изображаются чисто-восточные характеры, подавляемые сильными страстями; месть и ненасытная кровожадность служатъ ихъ выдающимися чертами. На эту трагическую картину чуждыхъ нравовъ могъ отважиться только человѣкъ, столь близко изучившій восточную жизнь, что такое положительное

знаніе ея могло уберечь его отъ крайностей въ изображеніи полу-дикаго быта и удержать отъ мелодрамы. Какъ видно, содержаніе пьесы было не очень сложно и замысловато, но, судя по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ, Грибоѣдовъ умѣлъ воспользоваться тѣмъ, что̀ давали ему различныя душевныя состоянія его героевъ, подмѣтить въ нихъ психическіе переходы и отразить ихъ въ своемъ произведеніи рукою мастера. Полнаго сужденія о пьесѣ въ настоящее время нельзя сдѣлать, такъ какъ до 1859 года она считалась погибшей. Немногіе друзья, которымъ авторъ читалъ въ Петербургѣ всю пьесу, отзывались восторженно о ней; Гречъ объявилъ даже, что «Грибоѣдовъ только попробовалъ свое перо на Горѣ отъ ума, которое останется далеко позади «Грузинской ночи». Вѣроятно, сложныя обязанности по возобновившейся снова дипломатической дѣятельности, болѣзнь и наконецъ женитьба не дали Грибоѣдову возможности окончательно обдѣлать свою трагедію, которая вчернѣ была вся готова еще во время его пріѣзда въ Петербургъ.

Не даромъ боялся онъ, что его службѣ не прекратиться такъ скоро, какъ бы онъ этого желалъ. Не думая домогаться новыхъ назначеній, онъ случайно самъ навлекъ на себя напасть. Въ разговорѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ онъ однажды горячо и убѣдительно доказывалъ необходимость уравненія представителя Россіи въ Тегеранѣ съ правами представителя Англіи, пользующагося особенно виднымъ положеніемъ въ силу уже своего титула полномочнаго министра. Грибоѣдовъ доказывалъ это изъ общихъ соображеній выгодъ для русской политики; но, соглашаясь съ его доводами, поду-

мали, что эти соображенія были намекомъ и полу-просьбой,— и черезъ нѣсколько дней онъ совершенно неожиданно для себя узналъ о послѣдовавшемъ уже высочайшемъ назначеніи его полномочнымъ министромъ въ Тегеранъ. Еще разъ противъ воли судьба забрасывала его въ страну, съ которою, казалось, онъ простился навѣки. Отказываться было поздно, но тяжелыя предчувствія не покидали его. Онъ зналъ, что ѣдетъ во враждебный лагерь, зналъ, что при дворѣ Фетхъ-Али-шаха чрезвычайно сильна партія ненавистниковъ Россіи, что самъ Грибоѣдовъ за его участіе въ заключеніи Туркманчайскаго договора, унизительнаго для Персіи, сталъ предметомъ особой ненависти; зная мстительный характеръ персіянъ, онъ могъ легко предвидѣть кровавую расплату. Съ грустью прощался онъ со всѣми петербургскими друзьями, постоянно говоря о предстоящей ему смерти. Проводы, устроенные ему друзьями, походили почти на похороны; два друга, проводившіе его далѣе другихъ, до Царскаго Села, во всю дорогу не могли произнести ни одного слова. До завтрака никто не дотронулся, вина никто не пилъ и разстались молча. Это мрачное настроеніе сопровождало его въ теченіи всего пути по Россіи. Но въ глубинѣ души уже въ эту пору затаено было новое, свѣжее чувство, въ которомъ онъ признался нѣкоторымъ изъ близкихъ въ Петербургѣ, и которое должно было вскорѣ освѣтить послѣднимъ радостнымъ свѣтомъ немногіе дни, остававшіеся этому измученному человѣку, чувствовавшему, что идетъ уже подъ гору. Давно уже нравилась ему княжна Нина Чавчавадзе, которую онъ встрѣчалъ въ домѣ старой пріятельницы своей, генеральши Ахвердовой, гдѣ княжна

воспитывалась. Съ годами сочувствіе къ красивому, граціозному ребенку, который напоминалъ ему любимую картину Мурильо, перешло въ сильную любовь, послѣднюю любовь, скоро охватившую все его существованіе. Побывавъ по пріѣздѣ на Кавказъ въ главной квартирѣ Паскевича, ведшаго въ то время съ успѣхомъ турецкую войну и только-что взявшаго Карсъ, Грибоѣдовъ прямо оттуда проѣхалъ въ Тифлисъ, и тамъ снова свидѣлся съ любимой дѣвушкой. Предоставимъ ему разсказать своимъ порывистымъ слогомъ, что́ произошло въ это свиданіе. Дѣло происходило за обѣдомъ у Ахвердовой. «Я сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевой, все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось, не знаю, безпокойство ли другого рода, по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что́ другое придало мнѣ рѣшительность необычайную: выходя изъ стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire». Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно думала, что я ее усажу за фортепіано; вышло не то; домъ ея матери возлѣ, мы туда уклонились, взошли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханіе занялось, я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери, насъ благословили, я повисъ у нея на губахъ во всю ночь, и весь день; отправилъ курьера къ ея отцу въ Эривань съ письмами. Во вторую ночь я безъ памяти отъ всего, что́ со мною случилось, пустился опять въ отрядъ, не оглядываясь назадъ».—Послѣ окончанія компаніи, опъ вернулся въ Тифлисъ совсѣмъ изну-

ренный лихорадкой; невѣста все время ходила за больнымъ. Когда ему стало легче, онъ поспѣшилъ свадьбой, но и подъ вѣнцомъ его посѣтилъ неотвязный пароксизмъ.

Съ этихъ поръ тонъ его писемъ становится совершенно иной. Прелестное его письмо, начатое въ Эчміадзинѣ и оконченное въ Тавризѣ (оно заключаетъ собой настоящую книгу), живо отражаетъ то отрадное ощущеніе счастья, снова его посѣтившаго, которое подняло и освѣжило его духъ. Нѣжностью и любовью дышетъ здѣсь каждая строка. Съ женой Грибоѣдовъ молодѣлъ, самый тяжелый путь его въ Персію въ сопровожденіи громаднаго каравана казался ему занимательнымъ и несравненно болѣе прежняго легкимъ; собственное романическое приключеніе его удивляло и занимало,—такъ все сложилось неожиданно для него самого. Шутя онъ пишетъ къ друзьямъ, что интересующіе ихъ романы Купера, описывающіе фантастическія похожденія въ американскихъ степяхъ, ничто передъ романомъ, разыгрывающимся на ихъ глазахъ, гдѣ другъ ихъ занимаетъ выдающуюся роль.—Въ своемъ путешествіи, намѣренно обставленномъ особымъ блескомъ, прерываемомъ шумными встрѣчами и церемоніями, Грибоѣдовъ достигнулъ наконецъ Тавриза. Во время пути онъ часто сносился съ Паскевичемъ, говоря ему съ большой откровенностью, объясняемой ихъ родственной близостью, свое мнѣніе о замѣченныхъ имъ недостаткахъ въ порядкѣ вещей, господствующемъ на Кавказѣ. Эти письма обличаютъ вѣрное чутье настоящихъ русскихъ интересовъ и большой дѣловой тактъ. Грибоѣдовъ возстаетъ противъ многихъ пріемовъ, став-

шихъ основными въ тогдашней политикѣ; онъ порицаетъ обычай навязывать покореннымъ горскимъ племенамъ чуждые имъ русскіе законы, которыхъ никто не понимаетъ и соблюдать не хочетъ; онъ совѣтуетъ оставить народу нетронутыми его обычные выборные суды, къ которымъ онъ имѣетъ довѣріе, по возможности не касаться внутренней администраціи, ограничиваясь назначеніемъ депутатовъ отъ правительства въ народныя управленія и суды и т. д. Все это — здравыя мѣры, изъ которыхъ нѣкоторыя были впослѣдствіи съ успѣхомъ примѣнены къ дѣлу.—Въ Тавризѣ Грибоѣдовъ оставилъ жену, сказавъ ей, что по дѣламъ долженъ отправиться на время въ Тегеранъ, откуда скоро вернется. Онъ дѣйствительно скоро вернулся, но уже мертвый.

Долгое общеніе съ персіянами сложило у Грибоѣдова полупрезрительное отношеніе къ нимъ. Онъ уже Ермолова укорялъ про себя за то, что тотъ «уважаетъ непріятеля, который того не стóитъ». Этотъ взглядъ на отношеніе къ персидскому правительству онъ удержалъ даже тогда, когда персидскій народъ пересталъ быть «непріятелемъ», когда въ числѣ многихъ указаній, данныхъ новому посланнику въ длинной инструкціи министра, совѣтовалось озаботиться оживленіемъ русско-персидскихъ сношеній, торговли и т. д. Личныя антипатіи также играли свою роль при установленіи отношеній Грибоѣдова къ выдающимся личностямъ шахскаго двора и самому шаху. Онъ принялъ относительно ихъ положеніе твердое, но вызывающее, иногда безъ раздумья ломающее принятыя издавна на востокѣ приличія и обычаи. Въ этомъ была немаловажная

ошибка Грибоѣдова, какъ дипломата,—но эта ошибка была неумышленна: онъ думалъ, что только такимъ твердымъ и безбоязненнымъ положеніемъ онъ съумѣетъ послѣ невыгодной персіянамъ войны и въ виду затаенной ими мести внушить уваженіе къ русскому имени. Онъ ошибался, но думалъ, что этимъ онъ сослужитъ добрую службу Россіи; на подобный образъ дѣйствій отчасти намекала и инструкція. Поводовъ къ столкновеніямъ было немало. Одного уже настойчиваго напоминанія объ уплатѣ остальныхъ долей контрибуціи было для того достаточно; освобожденіе русскихъ плѣнныхъ также возбудило сильное неудовольствіе. На аудіенціяхъ у шаха Грибоѣдовъ не разъ нечаянно или умышленно нарушалъ восточный этикетъ, такъ что разгнѣванный шахъ однажды быстро прервалъ пріемъ и удалился. Зять его, Ала-Яръ-ханъ, личный врагъ Грибоѣдова, пользовался всѣми случаями, чтобъ возстановить шаха и членовъ правительства противъ русскаго посланника. Въ довершеніе всѣхъ этихъ зловѣщимъ образомъ совпадавшихъ обстоятельствъ различныя служебныя лица русскаго посольства причиняли ему своими необдуманными дѣйствіями большія затрудненія. Таковы были въ особенности Дадашъ-бекъ и Рустемъ-бекъ, нанятые Грибоѣдовымъ еще на Кавказѣ; они въ Персіи вели буйную жизнь, безпрестанно вдаваясь въ различныя интриги, заводя ссоры, вызывая часто противъ себя вооруженныя нападенія толпы. Они постоянно сообщали Грибоѣдову свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣлалось въ разныхъ слояхъ тегеранскаго общества, почему, быть можетъ, Грибоѣдовъ и терпѣлъ ихъ около себя. Одной изъ по-

стоянныхъ аферъ ихъ были хадатайства о возвращеніи въ Россію тѣхъ или другихъ русскихъ подданныхъ, по преимуществу армянъ и грузинъ. Одинъ армянинъ Мирза-Якубъ, долгое время жившій въ Персіи и въ качествѣ главнаго евнуха завѣдывавшій гаремомъ шаха, появился однажды въ русскомъ посольствѣ и просилъ оказать ему содѣйствіе къ возвращенію въ Россію. Грибоѣдовъ принялъ въ немъ участіе, но возвращеніе этого человѣка встрѣтило громадныя затрудненія, объясняемыя, по замѣчанію г. Берже (которому принадлежитъ самый подробный разсказъ о тегеранской жизни Грибоѣдова), тѣмъ, что Мирза-Якубъ былъ много лѣтъ казначеемъ и главнымъ евнухомъ, и поэтому зналъ всѣ тайны гарема и семейную жизнь шаха, которая могла огласиться. Дѣлали всевозможныя препятствія, то обвиняя Якуба въ воровствѣ громадныхъ суммъ, то назначая надъ нимъ почему-то духовный судъ; посольство неутомимо защищало соотечественника и, идя въ разрѣзъ съ привычками народа, настаивало на своемъ, не уважая ни правительство, ни духовный судъ. Враждебная партія, въ особенности главныя лица духовенства, стали уже открыто возбуждать народъ, произнося на базарахъ зажигательныя рѣчи. Когда же сдѣлалось извѣстнымъ, что въ домѣ посольства снова укрылись двѣ русскія подданныя, одна армянка, другая нѣмка изъ тифлисскихъ колоній, желавшія тоже возвратиться въ Россію,—это вполнѣ законное укрывательство было растолковано народу какъ неслыханное вмѣшательство иностранцевъ въ мѣстныя дѣла, какъ признакъ организаціи государства въ государствѣ. 3-го января 1829 года произошла

наконецъ роковая развязка того движенія, которое долго и искусно подготовлялось; толпа народа, разъяренная и постоянно возбуждаемая духовенствомъ, кинулась къ посольскому двору; вокругъ всѣ крыши были заняты собравшимся народомъ, который зналъ, что ему готовится любопытное зрѣлище. Персидскій караулъ при домѣ былъ смятъ, и одни казаки, весьма малочисленные, пробовали бороться и долго отстрѣливались. Но толпа все росла, число осажденныхъ убывало; Грибоѣдовъ, всегда безбоязненный, явился во главѣ ихъ съ саблей въ рукѣ, но онъ скоро былъ узнанъ и варварски умерщвленъ. Вскорѣ все, что̀ было въ посольствѣ, предано было разграбленію; 37 русскихъ было убито, и тѣла ихъ свалены въ общую кучу (тѣло Грибоѣдова узнали только по сведенному отъ раны пальцу на дуэли съ Якубовичемъ). Успѣлъ спастись одинъ секретарь посольства Мальцовъ, который съ невѣроятными усиліями могъ потомъ выбраться изъ Тегерана и явился единственнымъ свидѣтелемъ какъ самой рѣзни, такъ и всѣхъ событій, ей предшествовавшихъ. Когда все уже было кончено, тогда только явились посланные отъ шаха, потребовавшіе удаленія толпы. Очевидно, что самая мысль о нападеніи поощрялась шахомъ, дѣйствовавшимъ, какъ нѣкоторые думали, подъ вліяніемъ совѣтовъ англійскихъ дипломатовъ. Но цѣлью нападенія было для него устрашеніе; убійства же импровизировала сама толпа, и много униженій пришлось вынести шаху прежде, чѣмъ онъ успѣлъ возстановить снова добрыя отношенія къ Россіи.

Тѣло Грибоѣдова было привезено въ Тифлисъ. На дорогѣ

въ русскихъ владѣніяхъ ему оказывали большія почести. Отъ жены долго скрывали смерть Грибоѣдова, такъ какъ это могло весьма вредно повліять на ея здоровье. Помня просьбу мужа быть похороненнымъ въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида, она исполнила это желаніе... На могилѣ его стоитъ бронзовый памятникъ; у креста колѣнопреклоненная женская фигура, обхватившая руками крестъ. У подножія креста лежитъ книга: «Горе отъ ума .

БѢЛИНСКІЙ и ПУШКИНЪ

о

КОМЕДІИ «ГОРЕ ОТЪ УМА».

Русская комедія начиналась задолго еще до фонъ-Визина, но началась только съ фонъ-Визина. Его «Недоросль» и «Бригадиръ» надѣлали страшнаго шума при своемъ появленіи, и навсегда останутся въ исторіи русской литературы, если не искусства, какъ одно изъ примѣчательнѣйшихъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, эти двѣ комедіи суть произведенія ума сильнаго, остраго, человѣка даровитаго, но онѣ—мастерскія сатиры на современное общество, а слѣдовательно, не художественныя произведенія, слѣдовательно и не комедіи. Ни одна изъ нихъ не представляетъ собою цѣлаго, замкнутаго собою міра, возникшаго изъ творческаго зачатія; но представляетъ пресмѣшную каррикатуру на глупость и невѣжество; въ нихъ нѣтъ основной идеи, въ философическомъ значеніи этого слова, по есть намѣреніе, цѣль, и цѣль внѣ, а не внутри ихъ заключенная. Поэтому каждая изъ нихъ раздѣлена на двѣ части, на смѣшную и серьезную, потому что дѣйствующія лица раз-

дѣлены на два разряда: на дураковъ и умныхъ. Дураки очень милы и потѣшны, а умники—скучные резонеры. Завязка, интрига и развязка — общее мѣсто, старая объективная форма, какъ въ комедіяхъ Мольера. Правда, въ изображеніи дураковъ видна нѣкоторая объективность и что-то похожее на поэтическую обрисовку, потому что каждый изъ дураковъ глупъ по своему; но это слабо, и индивидуальныя особности глупцовъ больше внѣшнія, чѣмъ внутреннія, изъ идеи вытекающія: а главное, изъ каррикатурныхъ образовъ этихъ дураковъ, всегда, болѣе или менѣе, выглядываетъ смѣющаяся фигура самого автора. Однимъ словомъ, «Недоросль» и «Бригадиръ»—превосходныя, хотя и не безъ большихъ недостатковъ, произведенія литературы, но отнюдь не произведенія искусства.

Послѣ комедій фонъ-Визина много надѣлала шума «Ябеда» Капниста; но это произведеніе даже и въ литературномъ смыслѣ не заслуживаетъ никакого вниманія. Успѣхъ его былъ основанъ не на его литературномъ, или какомъ-либо достоинствѣ, но на цѣли, которая состояла въ нападкѣ на лихоимство. Завязка, интрига и развязка пошлыя, стихи дубовые, языкъ варварски книжный.

Съ 1832 года начала ходить по рукамъ публики рукописная комедія Грибоѣдова «Горе отъ ума». Она надѣлала ужаснаго шума, всѣхъ удивила, возбудила негодованіе и ненависть во всѣхъ, занимавшихся литературою ex-officio, и во всемъ старомъ поколѣніи; только немногіе, изъ молодого поколѣнія и не принадлежавшіе къ записнымъ литераторамъ и ни къ какой литературной партіи, были восхищены ею. Де-

сять лѣтъ ходила она по рукамъ, распавшись на тысячи списковъ; публика выучила ее наизусть, враги ея уже потеряли голосъ и значеніе, уничтоженные потокомъ новыхъ мнѣній, и она явилась въ печати тогда уже, когда у ней не осталось ни одного врага, когда не восхищаться ею, не превозносить ее до небесъ, не признавать геніальнымъ произведеніемъ, считалось образцовымъ безвкусіемъ...

«Горе отъ ума» принято было съ враждою и ожесточеніемъ и литераторами, и публикою. Иначе не могло и быть: литературныя знаменитости тогдашняго времени состояли изъ людей прошлаго вѣка, или образованныхъ по понятіямъ прошлаго вѣка. Не забудьте, что въ то время самъ Мерзляковъ, человѣкъ съ большимъ талантомъ и поэтическою душою, разбиралъ съ каѳедры неподражаемыя красоты трагедій Сумарокова и подсмѣивался надъ Шекспиромъ, Шиллеромъ и Гёте, какъ надъ представителями эстетическаго безвкусія, а въ Обществѣ Любителей Россійской словесности читалъ свои трактаты о трагедіи, производя ее отъ козла. Великими писателями считались тогда люди, которые теперь неизвѣстны даже по именамъ. Пушкинъ еще только удивлялъ однихъ и бѣсилъ другихъ. Словомъ, это было послѣднее время французскаго классицизма въ нашей литературѣ. Представьте же себѣ, что комедія Грибоѣдова, во-первыхъ, была написана не шестистопными ямбами съ пінтическими вольностями, а вольными стихами, какъ до того писались однѣ басни; во-вторыхъ, она была написана не книжнымъ языкомъ, которымъ никто не говорилъ, котораго не зналъ ни одинъ народъ въ мірѣ, а русскіе особенно слыхомъ не слыхали, видомъ не видали, но

живымъ, легкимъ разговорнымъ русскимъ языкомъ; въ третьихъ, каждое слово комедіи Грибоѣдова дышало комическою жизнію, поражало быстротою ума, оригинальностію оборотовъ, поэзіею о́бразовъ, такъ что почти каждый стихъ въ ней обратился въ пословицу или поговорку и годится для примѣненія то къ тому, то къ другому обстоятельству жизни,— а по мнѣнію русскихъ классиковъ, именно тѣмъ и отличались отъ французскихъ, языкъ комедіи, если она хочетъ прослыть образцовою, непремѣнно долженъ былъ щеголять тяжеловатостію, неповоротливостію, тупостію, изысканностію остротъ, прозаизмомъ выраженій и тяжелою скукою впечатлѣнія; вчетвертыхъ, комедія Грибоѣдова отвергла искусственную любовь, резонеровъ, разлучниковъ, и весь пошлый, истертый механизмъ старинной драмы; а главное и самое непростительное въ ней былъ—талантъ, талантъ яркій, живой, свѣжій, сильный, могучій... За что́ же общество такъ сильно осердилось на нее! За то, что она была самою злою сатирою на это общество! Она заклеймила остатки XVIII вѣка, духъ котораго бродилъ еще, какъ заколдованная тѣнь, ожидая себѣ осиноваго кола, которымъ и было «Горе отъ ума». Новое поколѣніе вскорѣ не замедлило объявить себя за блестящее произведеніе Грибоѣдова, потому что, вмѣстѣ съ нимъ, оно смѣялось надъ старымъ поколѣніемъ, видя въ «Горѣ отъ ума» злую сатиру на него и не подозрѣвая въ немъ еще злѣйшей, хотя и безъ умышленной сатиры на самого себя въ лицѣ полоумнаго Чацкаго...

Взглянемъ на «Горе отъ Ума» со стороны искусства, чтобы опредѣлить—художественное ли оно произведеніе.

Всякое художественное произведеніе рождается изъ единой общей идеи, которой оно обязано и художественностію своей формы, и своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ единствомъ, черезъ которое оно есть есть особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ. Какая основная идея «Горя отъ ума»?..

Если вычеркнуть мѣста изъ монологовъ, гдѣ дѣйствующія лица проговариваются, изъ угожденія автору, противъ себя— это будутъ, за исключеніемъ Софьи, лица типическія, характеры художественно-созданные, хотя и не составляющіе комедіи своими взаимными отношеніями; — не говоримъ уже о Репетиловѣ, этомъ вѣчномъ прототипѣ, котораго собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ, и который обличаетъ въ авторѣ исполинскую силу таланта. Вообще, «Горе отъ ума»—не комедія, въ смыслѣ и значеніи художественнаго созданія, цѣлаго, единаго, особнаго и замкнутаго въ себѣ міра, въ которомъ все выходитъ изъ одного источника— основной идеи, и все туда же возвращается, въ которомъ, поэтому, каждое слово необходимо, неизмѣнимо, и незамѣнимо, въ которомъ все превосходно и ничего нѣтъ слабаго, лишняго, ненужнаго, словомъ — въ которомъ нѣтъ достоинствъ и недостатковъ, но одни достоинства. Художественное произведеніе есть само себѣ цѣль, и внѣ себя не имѣетъ цѣли, а авторъ «Горя отъ ума» ясно имѣлъ внѣшнюю цѣль — осмѣять современное общество въ злой сатирѣ, и комедію избралъ для этого средствомъ. Оттого-то и ея дѣйствующія лица такъ явно и такъ часто проговариваются противъ себя, говоря языкомъ автора, а не своимъ собственнымъ; оттого-то и любовь Чацкаго такъ пошла, ибо она нужна не для себя, а для завязки комедіи,

какъ нѣчто внѣшнее для нея; оттого-то и самъ Чацкій какой-то образъ безъ лица, призракъ, фантомъ, что-то небывалое и неестественное. Но какъ не художественно-созданное лицо комедіи, а выраженіе мыслей и чувствъ своего автора, хотя и некстати, странно и дико вмѣшавшееся въ комедію, самъ Чацкій представляется уже съ другой точки зрѣнія. У него много смѣшныхъ и ложныхъ понятій, но всѣ они выходятъ изъ благороднаго начала, изъ бьющаго горячимъ ключомъ источника жизни. Его остроуміе вытекаетъ изъ благороднаго и энергическаго негодованія противъ того, что́ онъ, справедливо или ошибочно, почитаетъ дурнымъ и унижающимъ человѣческое достоинство,—и потому его остроуміе такъ колко, сильно, и выражается не въ каламбурахъ, а въ сарказмахъ. И вотъ почему всѣ бранятъ Чацкаго, понимая ложность его какъ поэтическаго созданія, какъ лица комедіи,—и всѣ наизусть знаютъ его монологи, его рѣчи, обратившіяся въ пословицы, поговорки, примѣненія, эпиграфы, въ афоризмы житейской мудрости. Есть люди, которыхъ разстроенныя или отъ природы слабыя головы не въ силахъ переварить этого противорѣчія—и которые, поэтому, или до небесъ превозносятъ комедію Грибоѣдова, или считаютъ ее годною только для защиты какихъ-то рожъ, подверженныхъ оплеухамъ...

«Горе отъ Ума» не есть комедія, по отсутствію, или, лучше сказать, по ложности своей осповной идеи; не есть художественное созданіе, по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно, и объективности, составляющей необходимое условіе творчества. «Горе отъ ума»—сатира, а не комедія: сатира же не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ. И

въ этомъ отношеніи, «Горе отъ ума» находится въ неизмѣримомъ, безконечномъ разстояніи ниже «Ревизора», какъ вполнѣ художественнаго созданія, вполнѣ удовлетворяющаго высшимъ требованіямъ искусства и основнымъ философскимъ законамъ творчества. Но «Горе отъ ума» есть въ высшей степени поэтическое созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, безъ отношенія къ цѣлому, художественно нарисованныхъ кистію широкою, мастерскою, рукою твердою, которая если и дрожала, то не отъ слабости, а отъ кипучаго, благороднаго негодованія, съ которымъ молодая душа еще не въ силахъ была совладѣть. Въ этомъ отношеніи «Горе отъ ума», въ его цѣломъ, есть какое-то уродливое зданіе, ничтожное по своему назначенію, какъ, напр., сарай, но зданіе, построенное изъ драгоцѣннаго паросскаго мрамора, съ золотыми украшеніями, дивною рѣзьбою, изящными колоннами... И въ этомъ отношеніи «Горе отъ ума» стоитъ на такомъ же неизмѣримомъ и безконечномъ пространствѣ выше комедій Фонъ-Визина, какъ и ниже «Ревизора»...

Грибоѣдовъ принадлежитъ къ самымъ могучимъ проявленіямъ русскаго духа. Въ «Горѣ отъ ума» онъ является еще пылкимъ юношею, но обѣщающимъ сильное и глубокое мужество,—младенцемъ, но младенцемъ, задушающимъ, еще въ колыбели, огромныхъ змѣй. младенцемъ, изъ котораго долженъ явиться дивный Ираклъ. Разумный опытъ жизни и благодѣтельная сила лѣтъ уравновѣсила бы волнованія кипучей натуры, погасъ бы ея огонь, и исчезло бы его пламя, а осталась бы теплота и свѣтъ, взоръ прояснился бы и возвысился до спокойнаго и объективнаго созерцанія жизни, въ которой

все необходимо и все разумно, — и тогда поэтъ явился бы художникомъ, и завѣщалъ бы потомству не лирическіе порывы своей субъективности, а стройныя созданія, объективныя воспроизведенія явленій жизни... Почему Грибоѣдовъ не написалъ ничего послѣ «Горя отъ ума», хотя публика уже и въ правѣ была ожидать отъ него созданій зрѣлыхъ и художественныхъ? — это такой вопросъ, рѣшенія котораго стало бы на огромную статью, и который все бы не рѣшился. Можетъ быть, служба, которой онъ былъ преданъ не какъ-нибудь, не мимоходомъ, а дѣйствительно,—вступила въ соперничество съ поэтическимъ призваніемъ; а можетъ-быть и то, что въ душѣ Грибоѣдова уже зрѣли гигантскіе зародыши новыхъ созданій, которыя осуществить не допустила его ранняя смерть. Кто въ немъ одержалъ бы побѣду—дипломатъ, или художникъ—это могла рѣшить только жизнь Грибоѣдова, но не могутъ рѣшить никакія умозрѣнія, и потому предоставляемъ рѣшеніе этого вопроса мастерамъ и охотникамъ выдавать пустыя гаданія фантазіи за дѣйствительные выводы ума; сами повторимъ только, что «Горе отъ ума» есть произведеніе таланта могучаго, драгоцѣнный перлъ русской литературы, хотя и не представляющее комедію, въ художественномъ значеніи этого слова,—произведеніе, слабое въ цѣломъ, но великое своими частностями...

1840 г.

...Художественная комедія не должна жертвовать предположенной поэтомъ цѣли объективною истиною своихъ изображеній: иначе, изъ художественной она сдѣлается дидактическою... Но если дидактическая комедія выходитъ не изъ невиннаго желанія поострить, но изъ глубоко-оскорбленнаго пошлостію жизни духа, если ея пасмѣшка растворена саркастическою жолчью, въ основаніи ея лежитъ глубочайшій юморъ, а въ выраженіи дышетъ бурное одушевленіе, словомъ, если она есть выстраданное созданіе, — то стóитъ всякой художественной комедіи. Разумѣется, такая комедія не можетъ быть произведеніемъ не великаго таланта; изображенія ея могутъ отличаться излишнею яркостью и густотою красокъ, но не быть преувеличены до неестественности и карикатурности; разумѣется, что характеры дѣйствующихъ лицъ должны быть въ ней созданы, а не выдуманы, и въ изображеніи ихъ видна бóльшая или меньшая степень художественности. Высочайшій образецъ такой комедіи имѣемъ мы въ «Горѣ отъ ума» — этомъ благороднѣйшемъ созданіи геніальнаго человѣка, этомъ бурномъ, дивирамбическомъ изліяніи жолчнаго, громоваго негодованія, при видѣ гнилого общества ничтожныхъ людей, въ души которыхъ не проникалъ лучъ божьяго свѣта, которые живутъ по обветшалымъ преданіямъ старины, по системѣ пошлыхъ и безнравственныхъ правилъ, которыхъ мелкія цѣли и низкія стремленія направлены только къ призракамъ жизни—чинамъ, деньгамъ, сплетнямъ, униженію человѣческаго достоинства, и которыхъ апатическая, сонная жизнь есть смерть всякаго живого чувства, всякой разумной мысли, всякаго благороднаго порыва... «Горе

отъ ума» имѣетъ великое значеніе и для нашей литературы, и для нашего общества...

Грибоѣдовъ самъ по себѣ цѣлая школа. Написавъ нѣсколько посредственныхъ опытовъ въ драматическомъ родѣ по французской мѣркѣ, онъ вдругъ является съ комедіею, для которой едва ли гдѣ могъ быть образецъ, не говоря уже о русской литературѣ. Языкъ, стихъ, слогъ — все оригинально въ «Горѣ отъ ума». Содержаніе этой комедіи взято изъ русской жизни; паѳосъ ея—негодованіе на дѣйствительность, запечатлѣнную печатію старины. Вѣрность характеровъ въ ней часто побѣждается сатирическимъ элементомъ. Полнотѣ ея художественности помѣшала неопредѣленность идеи, еще невполнѣ созрѣвшей въ сознаніи автора: справедливо вооружаясь противъ безсмысленнаго обезьянства въ подражаніи всему иностранному, онъ зоветъ общество къ другой крайности—къ «китайскому незнанью иноземцевъ». Не понявъ, что пустота и ничтожество изображеннаго имъ общества происходятъ отъ отсутствія въ немъ всякихъ убѣжденій, всякаго разумнаго содержанія, онъ слагаетъ всю вину на смѣшные бритые подбородки, на фраки съ хвостомъ назади, съ выемкою впереди, и съ восторгомъ говоритъ о величавой одеждѣ долгополой старины... Но это показываетъ только незрѣлость, молодость таланта Грибоѣдова: «Горе отъ ума», несмотря на всѣ свои недостатки, кипитъ геніальными силами вдохновенія и творчества. Грибоѣдовъ еще не былъ въ состояніи спокойно владѣть такими исполинскими силами. Еслибы онъ успѣлъ написать другую комедію, она далеко оставила бы за собою «Горе отъ ума». Это видно изъ самаго «Горя отъ ума»: въ немъ

такъ много ручательствъ за огромное поэтическое развитіе... Какая убійственная сила сарказма, какая ѣдкость ироніи, какой паосъ въ лирическихъ изліяніяхъ раздраженнаго чувства; сколько сторонъ, такъ тонко подмѣченныхъ въ обществѣ; какіе типическіе характеры; какой языкъ, какой стихъ— энергическій, сжатый, молніеносный, чисто русскій! Удивительно ли, что стихи Грибоѣдова обратились въ поговорки и пословицы, и разнеслись, между образованными людьми, по всѣмъ концамъ земли русской! Удивительно ли, что «Горе отъ ума» еще въ рукописи было выучено наизусть цѣлою Россіею!...

1841 г.

Вмѣстѣ съ современнымъ геніальнымъ твореніемъ Грибоѣдова—«Горе отъ ума», стихотворный романъ Пушкина «Онѣгинъ» положилъ прочное основаніе новой русской поэзіи, новой русской литературѣ. До этихъ двухъ произведеній, русскіе поэты еще умѣли быть поэтами, воспѣвая чуждые русской дѣйствительности предметы, и почти не умѣли быть поэтами, принимаясь за изображеніе міра русской жизни. Исключеніе остается только за Державинымъ, въ поэзіи котораго проблескиваютъ искорки элементовъ русской жизни; за Крыловымъ, и, наконецъ, за фонъ-Визинымъ, который, впрочемъ, былъ, въ своихъ комедіяхъ, больше даровитымъ копистомъ русской дѣйствительности, нежели ея творческимъ воспроизводителемъ. Несмотря на всѣ недостатки, довольно важ-

ные, комедіи Грибоѣдова,—она, какъ произведеніе сильнаго таланта, глубокаго и самостоятельнаго ума, была первою русскою комедіею, въ которой нѣтъ ничего подражательнаго, нѣтъ ложныхъ мотивовъ и неестественныхъ красокъ, но въ которой и цѣлое, и подробности, и сюжетъ, и характеры, и страсти, и дѣйствія, и мнѣнія, и языкъ—все насквозь проникнуто глубокою истиною русской дѣйствительности. Что́ же касается до стиховъ, которыми написано «Горе отъ ума»,—въ этомъ отношеніи, Грибоѣдовъ надолго убилъ всякую возможность русской комедіи въ стихахъ. Нуженъ геніальный талантъ, чтобъ продолжать съ успѣхомъ начатое Грибоѣдовымъ дѣло: мечъ Ахилла подъ-силу только Аяксамъ и Одиссеямъ. То же можно сказать и въ отношеніи къ «Онѣгину», хотя, впрочемъ, ему и обязаны своимъ появленіемъ нѣкоторыя далеко неравныя ему, но все-таки замѣчательныя попытки,—тогда какъ «Горе отъ ума» до сихъ поръ высится въ нашей литературѣ геркулесовскими столбами, за которые никому еще не удалось заглянуть. Примѣръ неслыханный: пьеса, которую вся грамотная Россія выучила наизусть еще въ рукописныхъ спискахъ, болѣе, чѣмъ за десять лѣтъ до появленія ея въ печати! Стихи Грибоѣдова обратились въ пословицы и поговорки; комедія его сдѣлалась неисчерпаемымъ источникомъ примѣненій на событія ежедневной жизни, неистощимымъ рудникомъ эпиграфовъ! И хотя никакъ нельзя доказать прямого вліянія, со стороны языка и даже стиха, басенъ Крылова на языкъ и стихъ комедіи Грибоѣдова, однако нельзя и совершенно отвергать его: такъ въ органически историческомъ развитіи литературы все сцѣпляется и связывается одно съ дру-

гимъ! Басни Хемницера и Дмитріева относятся къ баснямъ Крылова, какъ просто талантливыя произведенія относятся къ геніальнымъ произведеніямъ,—но тѣмъ не менѣе Крыловъ много обязанъ Хемницеру и Дмитріеву. Такъ и Грибоѣдовъ: онъ не учился у Крылова, не подражалъ ему: онъ только воспользовался его завоеваніемъ, чтобъ самому идти дальше своимъ собственнымъ путемъ. Не будь Крылова въ русской литературѣ—стихъ Грибоѣдова не былъ бы такъ свободно, такъ вольно, развязно оригиналенъ, сло омъ, не шагнулъ бы такъ страшно далеко. Но не этимъ только ограничивается подвигъ Грибоѣдова: вмѣстѣ съ «Онѣгинымъ» Пушкина, его «Горе отъ ума» было первымъ образцомъ поэтическаго изображенія русской дѣйствительности въ обширномъ значеніи слова. Въ этомъ отношеніи, оба эти произведенія положили собою основаніе послѣдующей литературѣ, были школою, изъ которой вышли и Лермонтовъ и Гоголь. Безъ «Онѣгина» былъ бы невозможенъ «Герой нашего времени», такъ же какъ безъ «Онѣгина» и «Горя отъ ума» Гоголь не почувствовалъ бы себя готовымъ на изображеніе русской дѣйствительности, исполненное такой глубины и истины. Ложная манера изображать русскую дѣйствительность, существовавшая до «Онѣгина» и «Горя отъ ума», еще и теперь не исчезла изъ русской литературы. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стóитъ только обречь себя на смотрѣніе, или на чтеніе новыхъ драматическихъ пьесъ, даваемыхъ на русскомъ театрѣ обѣихъ столицъ. Это не что иное, какъ искаженная французская жизнь, самовольно назвавшаяся русскою жизнію; это—исковерканные французскіе характеры, прикрывшіеся русскими именами. На русскую повѣсть Гоголь

имѣлъ сильное вліяніе, но комедіи его остались одинокими, какъ и «Горе отъ ума». Значитъ: изображать вѣрно свое родное, то, что́ у насъ передъ глазами, что́ насъ окружаетъ, чуть ли не труднѣе, чѣмъ изображать чужое.... Чтобъ вѣрно изображать какое-нибудь общество, надо сперва постигнуть его сущность, его особность,—а этого нельзя иначе сдѣлать, какъ узнавъ фактически и оцѣнивъ философски ту сумму правилъ, которыми держится общество. У всякаго народа двѣ философіи: одна ученая, книжная, торжественная и праздничная, другая—ежедневная, домашняя, обиходная. Часто обѣ эти философіи находятся болѣе или менѣе въ близкомъ соотношеніи другъ къ другу; и кто хочетъ изображать общество, тому надо познакомиться съ обѣими, но послѣднюю особенно необходимо изучить. Такъ точно, кто хочетъ узнать какой-нибудь народъ, тотъ прежде всего долженъ изучить его—въ его семейномъ, домашнемъ быту. Кажется, что́ бы за важность могли имѣть два такія слова, какъ, напримѣръ, авось и живетъ, а между тѣмъ они очень важны, и не понимая ихъ важности, иногда нельзя понять иного романа, не только самому написать романъ. И вотъ, глубокое значеніе этой-то обиходной философіи и сдѣлало «Онѣгина» и «Горе отъ ума» произведеніями оригинальными и чисто-русскими...

1844 г.

ОТЗЫВЪ ПУШКИНА

О ГРИБОѢДОВѢ И ЕГО КОМЕДІИ.

...Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ—слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана неясно. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ: не нужно ли было сдѣлать изъ него труса? Старая пружина, но штатскій трусъ, въ большомъ свѣтѣ, между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. «Les propos du bal», сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго генія. Теперь вопросъ: въ комедіи «Горе отъ ума» кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что́ такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все это говоритъ онъ очень умно, но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка, съ перваго раза знать съ кѣмъ имѣешь дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и т. п. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ

2, 3, 10 характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался помимутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Его смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ; хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся... Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна. И какъ натурально! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія, но Грибоѣдовъ вѣрно не захотѣлъ: его воля! О стихахъ я не говорю — половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову: можетъ быть, я въ иномъ ошибся. Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться. По крайней мѣрѣ говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту...

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 г. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ непризнанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними мо-

жетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться одинажды навсегда съ своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздной разсѣянностію—и уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 г., было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія «Горе отъ ума» произвела неописанное дѣйствіе, и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ, совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыла ему новое поприще; онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ.... Незнаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неровнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны!...

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ

ПЛАНЪ и СЦЕНА

ИЗЪ ДРАМЫ 1812 ГОДА [1].

ОТДѢЛЕНІЕ I.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Исторія начала войны. взятіе Смоленска, народныя черты, пріѣздъ государя, обозъ раненыхъ, разсказъ о битвѣ Бородинской. М* съ перваго стиха до послѣдняго на сценѣ. Очертаніе его характера.

СОБОРЪ АРХАНГЕЛЬСКІЙ.

Трубный гласъ Архангела; на его призывъ возникаютъ тѣни давно усопшихъ исполиновъ — Святослава, Владиміра Мономаха, Іоанна, Петра и проч., изъ разныхъ стихій сложенныя и съ познаніемъ всего, отъ начала вѣка до днесь, какъ будто во всѣхъ дѣлахъ послѣ

---

[1]) Набросокъ пьесы изъ отечественной войны—едва ли не одна изъ первыхъ работъ Грибоѣдова. Сцена между отцомъ и дочерью, сбереженная въ черновыхъ бумагахъ, по всей вѣроятности, есть единственный остатокъ этой пьесы.

ихъ смерти были участниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла у нихъ память о томъ, что́ было съ ними за предѣлами сей жизни, и гдѣ были и откудова нынѣ вновь призваны къ бытію. Пророчествуютъ о годинѣ искупленія для Россіи, если не для современниковъ, то сіи, повѣствуя сынамъ, возбудятъ въ нихъ огнь неугасимый, рвеніе къ славѣ о свободѣ отечества. Хоръ безплотныхъ провожаетъ ихъ и живописнымъ строемъ представляетъ ихъ отшествіе изъ храма; своды разступаются, герои поднимаются выспрь и исчезаютъ.

ТЕРЕМЪ ЦАРЕЙ ВЪ КРЕМЛѢ.

Наполеонъ съ сподвижниками. Картина взятія Москвы. II* одинъ. Высокія воспоминанія. Открываетъ окно, лунная ночь. Видѣніе—или нѣтъ, какъ случится. Размышленіе о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ. Самъ себѣ преданный, — что́ бы онъ могъ произвести?

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ГАЛЛЕРЕЯ ВЪ ДОМѢ ПОЗНЯКОВА [1]).

Входитъ офицеръ R. изъ приближенныхъ къ Наполеону (см. сц. 3-я, 1-го отд.), исполненный жизни, славы и блестящихъ надеждъ. Одинъ посѣдѣлый воинъ,

---

1) Извѣстный и донынѣ существующій въ Москвѣ домъ, гдѣ помѣщикомъ Позняковымъ (выведеннымъ и въ «Горѣ отъ ума») была устроена сцена, на которой въ 1812 г. играла труппа актеровъ, пріѣхавшая съ Наполеономъ.

съ горькимъ предчувствіемъ опытности, остерегаетъ на счетъ будущихъ бѣдствій. Ему не вѣрятъ. Хохотъ. Изъ театра несутся звуки пляски и отголоски веселыхъ пѣсенъ. Между тѣмъ зарево обнимаетъ повременно окна галеріи; болѣе и болѣе устрашающій вѣтеръ. Объ опустошеніяхъ огня.

Улицы, пылающіе дома. Ночь. Сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ. — R* и M* въ разныхъ случаяхъ.

СЕЛО ПОДЪ МОСКВОЙ.

Сельская картина. Является M*. Всеобщее ополченіе безъ дворянъ. (Трусость служителей правительства — выставлена или нѣтъ, какъ случится).

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Зимнія сцены преслѣдованія непріятеля и ужасныхъ смертей. Истязаніе R* и посѣдѣлаго воина. Сей юноша показываетъ примѣръ, и оба умираютъ героями. Подвиги M*. Множество другихъ сценъ.

ЭПИЛОГЪ.

ВИЛЬНА.

Отличія, искательства, вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ; M* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во-свояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію.

СЕЛО, или РАЗВАЛИНЫ МОСКВЫ.

Прежнія мерзости. М* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе..... самоубійство.

СЦЕНА.

ОТЕЦЪ и ДОЧЬ.

ПЕТРЪ АН.

Дитя мое любезное, Наташа!
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выряжать тебѣ красы своей
На свѣтлыхъ праздникахъ. Не выѣзжать
Съ боярами, князьями. Было время:
Ласкаютъ и манятъ тебя съ собой
И мчатъ въ богато-убранной каретѣ.
А нынѣ знать, вельможи, — гдѣ они?...
Тотъ князь, твой воспріемникъ отъ купели?
Его жена? Родня? Исчезли всѣ!
Ихъ пышные хоромы опустѣли.
Когда слыла веселою Москва,
Они роплись въ ней. Палаты ихъ
Блистали разноцвѣтными огнями...
Теперь, когда у стѣнъ ея враги,
Безсчастныя разсыпалися дѣти,
Напрасно ждетъ защитниковъ; сыны,

Какъ ласточки, вспорхнули съ теплыхъ гнѣздъ,
И предали ихъ бурямъ въ расхищенье.
Ты изъ житья роскошнаго обратно
Въ убогій домъ отцовскій отдана,
А мнѣ куда съ тобой?... Куда укрыться?
И если-бъ могъ бѣжать отселѣ я,
Нѣтъ! Нѣтъ!... Не оторвался-бъ отъ тебя,
О, матерь наша, мать Россіи всей,
Кормилица моя, моихъ дѣтей!
Въ тебѣ я мирно пожилъ, видѣлъ счастье,
Въ тебѣ и гробъ найду. Мой другъ, Наташа,
Гроза надъ нами носится, — потерпимъ,
И съ вѣрою вдадимся той судьбѣ,
Которую Господь намъ уготовилъ.
Грустна, грустна!... О комъ же плачешь ты?
О прежнихъ ли подругахъ и забавахъ?

НАТАША.

Ахъ, батюшка! Я плачу не о томъ!
Теперь не та пора... *Рыдаетъ.*

ПЕТРЪ АН.

И тѣ ли времена? О братѣ что-ли?
Нашъ Алексѣй... Даруй ему Господь
Со славой устоять на ратномъ полѣ.
Мнѣ все твердитъ, — онъ будетъ живъ.

НАТАША.

Нѣтъ, батюшка, я плачу не объ немъ.

Рыдаетъ пуще прежняго.

ПЕТРЪ АН.

Когда же ты о родинѣ печальна,
Рыдай, мое дитя, — и для тебя
Отраднаго я слова не имѣю.
Бывало, на душѣ кручинно, — посохъ въ руки,
Съ тобою сердцу легче, все забыто...
Утѣшенный я приходилъ домой.
Бывало, посѣтишь и ты меня, отца.
Обнимешь, все осмотришь... уголъ мой
На полгода весельемъ просвѣтится...
А нынѣ вмѣстѣ мы, и намъ не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожилъ!...

Растворяетъ окно.

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТРЪ [1]).

Comptable de l'ennui, dont sa muse m'assomme.
Pourquoi s'est'il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme.
Gilbert.

Эй! Господа!
Сюда! сюда!
Для дѣловыхъ людей и праздныхъ
Есть тьма у насъ оказій разныхъ.

---

[1]) Эта пьеса представляетъ образецъ тѣхъ стихотворныхъ пародій, которымъ Грибоѣдовъ часто отдавался въ молодости, начиная съ «Дмитрія Дрянского», написаннаго еще въ студенческіе годы. Появленіе «Лубочнаго театра» было вызвано критикой на первую работу Грибоѣдова для театра—переводъ «Молодыхъ супруговъ»; критика была написана Загоскинымъ и помѣщена въ издававшемся имъ журналѣ «Сѣверный Наблюдатель». Загоскинъ выписывалъ неудачные стихи и указывалъ различные промахи переводчика. Грибоѣдовъ отвѣчалъ на придирку «Лубочнымъ театромъ», гдѣ провелъ сквозь строй своихъ насмѣшекъ главнѣйшія пьесы своего врага, его журналъ и критическіе отзывы. Авторъ желалъ напечатать свою пародію въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ; отказъ редактора побудилъ его распространить ее въ спискахъ, которыхъ въ нѣсколько дней разошлось до тысячи. Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто: «вотъ господинъ Загоскинъ», стоитъ: «вотъ вамъ Михайло Моськинъ», а вмѣсто «Сынъ Отечества»—«вотъ и другой чудакъ».

Есть дикій человѣкъ, безрукая мадамъ...
Взойдите къ намъ.
Добро пожаловать... Кто баринъ тароватый?
Извольте видѣть — вотъ
Рогатый, нерогатый,
И всякій скотъ.
Вотъ господинъ Загоскинъ,
Вотъ весь его причетъ:
Княгиня и княжны,
Князь Фольгинъ и князь Блесткинъ [1]).
Они хоть и смѣшны,
Да самъ за то ужъ онъ —
Куда смѣшонъ!
Водиться съ нимъ — ей Богу, праздникъ!
Вотъ вамъ его Проказникъ [2]);
Спроказилъ онъ не ловко: разъ упалъ
Да и не всталъ;
Но авторъ таковымъ примѣромъ
Не наученъ грѣшить передъ партеромъ:
Проказитъ до спхъ поръ, —
Что́ видитъ и что́ слышитъ,
Онъ обо всемъ исправно вздоръ
И говоритъ, и пишетъ.

---

[1]) Дѣйствующія лица въ комедіи Загоскина: «Комедія противъ комедіи».

[2]) Хронологически—первая пьеса Загоскина, представленная всего два раза.

Вотъ Богатоновъ вамъ! Особенно онъ милъ... [1])
Богатъ чужимъ добромъ — все крадетъ, что́ находитъ,
Съ Тражирина кафтанъ стащилъ [2]),
Да въ немъ и ходитъ.
А свѣтскій тонъ
Не только онъ
И вся его бесѣда
Переняли у буйнаго сосѣда [3]).
Что-жъ вы?... Не ужъ-то по домамъ?...
Ужъ надоѣли вамъ?
И кстати-ль?
Вотъ вамъ Загоскинъ — наблюдатель;
Вотъ «Сынъ Отечества», съ нимъ вѣчный состязатель:
Одинъ напишетъ вздоръ,
Другой на то разборъ;
А разобрать труднѣе,
Кто изъ двоихъ глупѣе.
Что́ вы смѣетесь, господа?
Писцу насмѣшки не бѣда:
Онъ знаетъ многое смѣшное за собою,

---

[1]) «Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ,» также комедія Загоскина, имѣвшая большой успѣхъ, благодаря игрѣ актеровъ. Здѣсь нападки Грибоѣдова имѣютъ лишь цѣлью указать на подражаніе Шаховскому.

[2]) Дѣйствующее лицо въ «Полубарскихъ Затѣяхъ», Шаховскаго.

[3]) Ходившая въ то время по рукамъ комическая поэма Василія Львовича Пушкина, «Опасный сосѣдъ», привлекавшая своимъ скоромнымъ содержаніемъ и описаніемъ разгульныхъ правовъ.

Да ужъ давно махнулъ рукою,
Махнулъ перомъ — отдалъ сыграть,
А вы, пожалуй, разсуждайте!
Махнулъ перомъ — отдалъ въ печать,
А вы читайте!

ПИСЬМА КЪ БѢГИЧЕВУ.

С.-Петербургъ, ноября 9-го, 1816 г.

Любезный Степанъ! гдѣ нынче изволитъ обрѣтаться ваше флегмородіе? Не знаю, что́ подумать о тебѣ; увѣренъ, что меня любишь, и слѣдовательно помнишь, но какъ же таки ни строчки къ твоему другу? Съ меня что ли примѣръ берешь? И то непзвинительно: я не писалъ къ тебѣ, потому что былъ боленъ, а теперь—что́ выздоровѣлъ—первое пнсьмо къ тебѣ. Если ты не намѣренъ прежде мѣсяца быть въ С.-Петербургѣ, то, пожалуй, потрудись не быть лѣнивымъ: обрадуй меня хоть двумя словами.

Признаюсь тебѣ, мой милый, я такой же, какой былъ и прежде, насынокъ здраваго разсудка; въ Дерптъ не поѣхалъ и засѣлъ здѣсь, и очень доволенъ своей судьбой, одпого тебя недостаетъ. Квартира у меня славная; какъ пріѣдешь, прямо у меня остановись, на Екатер. каналѣ, у Харламова мосту, угольный домъ Валька. Да пріѣзжай же скорѣе. Неужели все заводчика корчишь? Передъ кѣмъ, скажи, пожалуй? у тебя нѣтъ ма-

тери, которой ты обязанъ казаться основательнымъ; будь такимъ, каковъ есть. Здѣсь кругъ друзей твоихъ увеличится, да и старые хороши, кромѣ того В...о...р...о...б...ъ... е...в...а [1]) на дняхъ спрашивала, скоро ли ты будешь, и есть ли у тебя годовыя кресла. Было время, что я бы съ завистью это слушалъ, но теперь прекрасный полъ меня не занимаетъ и по очень важной причинѣ. Я вѣдаюсь съ аптекой; какая занимательная часть фармакопія! Я на себѣ испытываю разныя спасительныя вліянія можжевеловыхъ порошковъ, сассенареля, сѣрныхъ частицъ и т. п.

Пріѣзжай, пріѣзжай, пріѣзжай скорѣе. Въ воскресенье я съ Истоминой [2]), и съ Шереметевымъ [3]) ѣду въ шустерклубъ; кабы ты былъ здѣсь, и ты бы съ нами дурачился.—Сколько здѣсь портеру, и какъ дешево.

Прощай, мой другъ! пиши, коли не такъ скоро будешь. Что̀ это за мерзость, ничего не знать другъ объ другѣ! Это только позволительно двумъ дуракамъ, какъ мы съ тобою.—Прощай.

---

[1]) Извѣстная актриса того времени.

[2]) Любимая танцовщица, воспѣтая Пушкинымъ въ Евгеніѣ Онѣгинѣ.

[3]) Счастливый поклонникъ Истоминой, впослѣдствіи вызвавшій дуэль Грибоѣдова съ Якубовичемъ.

15 апрѣля, 1818 г.

... Объясню тебѣ непритворную мою печаль. Представь себѣ, что меня непремѣнно хотятъ послать, куда бы ты думалъ?—въ Персію, и чтобъ жилъ тамъ. Какъ я ни отнѣкиваюсь, ничего не помогаетъ; однако я третьяго дня, по приглашенію нашего министра, былъ у него и объявилъ, что не рѣшусь иначе (и то не навѣрно) какъ если мнѣ дадутъ два чина, тотчасъ при назначеніи меня въ Тегеранъ. Онъ поморщился, а я представлялъ ему со всевозможнымъ французскимъ краснорѣчіемъ, что жестоко бы было мнѣ цвѣтущія лѣта свои провести между дикообразными азіятцами, въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь вправѣ ожидать, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми, съ пріятными женщинами, которымъ я самъ могу быть пріятенъ; не смѣйся: я молодъ, музыкантъ, влюбчивъ и охотно говорю вздоръ, чего же имъ еще надобно? Словомъ, невозможно мнѣ собою пожертвовать безъ хотя нѣсколько соразмѣрнаго возмездія.

— Вы въ уединеніи усовершенствуете ваши дарованія.

— Нисколько, В. С.; музыканту и поэту нужны слушатели, читатели: ихъ нѣтъ въ Персіи...

Мы еще съ нимъ кое-о-чемъ поговорили; всего забавнѣе, что я ему твердилъ о томъ, какъ сроду не имѣлъ

ни малѣйшихъ видовъ честолюбія, а между тѣмъ за два чина предлагалъ себя въ полное его распоряженіе.

При лицѣ шаха всего только будутъ два чиновника: Мазаровичъ, любезное созданіе, умепъ и веселъ, а другой я, либо NN.—Обѣщаютъ тьму выгодъ, поощреній, знаковъ отличія, по прибытіи на мѣсто; да вѣдь дипломаты на посулѣ, какъ на стулѣ. Кажется однако, что не согласятся на мои требованія. Какъ хотятъ, а я рѣшился быть *коллежскимъ ассессоромъ*, или *ничѣмъ*.— Степанъ, милый мой, ты хоть штабсъ-ротмистръ кавалергардскій, а умный малый,—какъ ты объ этомъ судишь?

Воронежъ, 18 сентября, 1818 г.

... Паспорты ко мнѣ доставлены въ самый день моего отъѣзда изъ Москвы, въ которой я пробылъ недѣлю долѣе, чѣмъ предполагалъ. Наконецъ однако, оттуда вырвался. Тамъ я долженъ былъ повторить ту же плачевную, прощальную сцену, которую съ тобою имѣлъ при отъѣздѣ изъ Петербурга, и нельзя иначе: мать и сестра такъ ко мнѣ привязаны, что я бы былъ извергомъ, еслибы не платилъ имъ такою же любовью: онѣ точно не представляютъ себѣ иного утѣшенія, какъ то, чтобъ жить вмѣстѣ со мною. Нѣтъ: я не буду эгоистомъ; до сихъ поръ я былъ только сыномъ и братомъ по названію; возвратясь изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ,

стану жить для моего семейства, переведу ихъ съ собою въ Петербургъ. Въ Москвѣ все не по мнѣ,—праздность, роскошь, не сопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему Прежде тамъ любили музыку, нынѣче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему нибудь изящному, а притомъ «нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ»; отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, накопецъ становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ миссію, и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ. Въ Петербургѣ я по крайней мѣрѣ имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, не знаю, настолько ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стою; но, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобъ на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси у Жандра, какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными. Я это ей отъ души прощаю, но впредь себѣ никогда не прощу, если позволю себѣ чѣмъ-нибудь ее огорчить. Ты, мой другъ, поселилъ въ меня, или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру; я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составъ-

ляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился и—ей Богу!—когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь нравственно лучше, добрѣе. Мать моя тебя должна благодарить, если ей сдѣлаюсь хорошимъ сыномъ.

ТЕЛЕШОВОЙ

ВЪ БАЛЕТѢ РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА, ГДѢ ОНА ЯВЛЯЕТСЯ ОБОЛЬЩАТЬ ВИТЯЗЯ [1]).

О, кто она? Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдемъ покинула родной,
Тончайшимъ облакомъ обвита?

---

1) Въ письмѣ, отъ 4 января 1825 г., Грибоѣдовъ такъ разсказываетъ о началѣ своей любви къ Телешовой, лучшей танцовщицѣ петербургской сцены, и о происхожденіи настоящаго стихотворенія: «Въ три-четыре вечера Т. меня съ ума свела, и тѣмъ легче, что въ первый разъ и сама свыклась съ тѣмъ чувствомъ, отъ котораго я въ грѣшной моей жизни черѣе угля выгорѣлъ... Между тѣмъ Т. до такой степени въ три недѣли нашей симпатіи успѣла въ танцахъ, что здѣсь не могли ей надивиться; всякій спрашивалъ ее, отчего такая прелестная перемѣна, такое совершенство. А я одинъ, стоя, торжествовалъ; наконецъ я разразился риѳмами, которыя ты вѣроятно читалъ. Представь себѣ, съ тѣхъ поръ я остылъ, рѣже вижусь, чтобъ не разочароваться, или то меня съ ногъ сшибло, что теперь не такъ закрыто, завѣса отдернута, самъ цѣлому городу пропечаталъ мою тайну, и съ тѣхъ поръ радость мнѣ не въ радость. Разсмѣйся».

И вдругъ—какъ вѣтръ ея полетъ!
Звѣздой разсыплется, мгновенно
Блеснетъ, исчезнетъ, воздухъ вьетъ
Стопою, свыше окриленной...
Не такъ ли нашъ лелѣетъ духъ
Отрадное во снѣ видѣнье,
Когда задремлетъ взоръ и слухъ?
Но бодро въ насъ воображенье,
Улыбка внятная безъ словъ,
Небрежно спущенный покровъ,
Какъ будто влаги обліянье,
Прерывно персей волнованье,
И томной думы полонъ взоръ:
Созданье выспренняго міра
Скользитъ, какъ по зыбямъ эѳира
Несется легкій метеоръ.

Зачѣмъ манишь рукою нѣжной?
Зачѣмъ влечешь изъ дальнихъ странъ
Пришельца въ плѣнъ твой неизбѣжный,
Къ страданью неисцѣльныхъ ранъ?
Уже не тверды заклинаньемъ
Броня, и щитъ его, и шлемъ;
Не истомляй его желаньемъ,
Не сожигай его огнемъ
Въ лицѣ, въ груди горящей страсти,
И нѣгой распаленныхъ чувствъ.
Ахъ! этихъ игръ, утѣхъ, искусствъ

Одинъ ли не признаешь власти?
Изнеможенный онъ въ борьбѣ,
До капли въ душу влилъ отраву,
Себя, и честь, и долгъ, и славу,—
Все въ жертву отдалъ онъ тебѣ.

Но, сердце! Кто твой восхищенный
Внушаетъ отзывъ? Для кого
Порывъ восторга твоего,
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южныхъ странъ,
Чье царство—розъ и пальмъ обитель,
Которымъ Эльфъ обворожитель
Въ сопутники природой данъ?
О, нимфы, дѣвы легкокрылы!
Здѣсь жаждутъ прелестей иныхъ:
Рабы корыстныхъ пользъ унылы,
И безразсвѣтны души ихъ.
Пѣвцу красавицъ что́ въ награду?
Пожнетъ онъ муку и досаду,
Романьемъ струнъ не пробудивъ
Любви въ пустынѣ сей печальной,
Гдѣ сномъ покрыто лоно нивъ
И небо ризой погребальной.

ДУША.

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что́ за чудное видѣнье!
Надзвѣздный домъ,
Заря кругомъ,
Рождало міръ мое велѣнье!
И вотъ отъ сна
Привлечена
Къ землѣ ветшающей и тѣсной:
Гдѣ рой подругъ,
Тьма рѣзвыхъ слугъ?
О, хоръ воздушный и прелестный!
Нѣтъ! поживу
И на яву
Я лучшей жизнію, безпечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Гдѣ надышусь свободой вѣчной!

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМѢ [1]).

1:

Окопайтесь рвами, рвами!
Отразите смерть и плѣнъ
Блескомъ ружей, твержей стѣнъ!
Какъ ни крѣпки вы стѣнами,
Мы надъ вами, мы надъ вами,
Будто быстрые орлы
Надъ челомъ крутой скалы.

2.

Мракъ за насъ ночей безлунныхъ,
Шумъ потока, темный боръ,
Дождь и мгла и вихрей споръ.
На стада ли бѣлорунныхъ [2]),
На угонъ коней табунныхъ,
Гдѣ витаютъ вепрь и волкъ,
Нашъ залегъ отважный полкъ.

---

[1]) Въ первоначальномъ спискѣ названо «Дѣлежъ добычи». Чегемъ—горная рѣка на сѣверномъ склонѣ Кавказа, впадающая въ Терекъ.

[2]) Варіантъ: «На овецъ золоторунныхъ».

3.

Живы въ насъ отцевъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива,
Та же въ небѣ синева,
Тѣ же льдяныя громады,
Тѣ же съ ревомъ водопады,
Та же дикость, красота,
По ущельямъ разлита.

4.

Наши—камни, наши—кручи.
Русь! Зачѣмъ воюешь ты
Вѣковыя высоты?
Досягнешь-ли? Вонъ, могучій,
Двувершинный, дѣлитъ тучи [1]),
Рѣжется изъ облаковъ,
Надъ главой твоихъ полковъ.

5.

Паръ, изъ бездны отдаленной,
Вьется по его плечамъ,
Вотъ, невидимъ опъ очамъ,
Той же тканію свіенный.
Также скрыты мы мгновенно,
Средь зіяющихъ вамъ бѣдъ...
Выстрѣлъ, два—и сгинулъ слѣдъ.

---

[1]) Эльбрусъ.

6.

Двиньтесь узкою тропою!
Далеко отъ селъ и нивъ—[1]),
Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
Тутъ утесъ; берите съ бою.
Камень, сорванный стопою,
Въ глубь летитъ, разбитый въ прахъ,—
Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ!

7.

Ждемъ. Готовы къ новой сѣчѣ...
Но и слухъ о нихъ исчезъ!
Загорайся, древній лѣсъ!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ,
И, по ряду, дѣлежемъ,
Дѣлимъ взятое ножемъ.

8.

Доли лучшія отложимъ
Нашимъ панцырнымъ князьямъ,
Нашимъ храбрымъ узденямъ [2]);
Юныхъ плѣнницъ пріумножимъ,
И кадіямъ, людямъ божьимъ,
Красныхъ отроковъ дадимъ.
Вѣрой станъ нашъ невредимъ.

---

[1]) Разнорѣчіе: «не въ краю вы селъ и нивъ».
[2]) Варіантъ: «и джигитамъ, узденямъ».

9.

Узникамъ удѣлъ обычный:
Надъ рабами высока
Ихъ стяжателей рука.
Узы жребій имъ приличный.
Въ ихъ землѣ и свѣтъ темничный.
И ужасенъ ли обмѣнъ?
Дома цѣпи! Въ чужѣ плѣнъ!

10.

Дѣлимъ женамъ ожерелье,
Вотъ обломки хрусталя!
Пьемъ бузу! Стопи, земля!
Кликомъ огласимъ ущелье!
Падшимъ миръ! Живымъ веселье!
Разъ еще увидѣлъ взоръ
Вольный край родимыхъ горъ.

ПРОСТИ ОТЕЧЕСТВО! [1])

Не наслажденье жизни цѣль,
Не утѣшенье наша жизнь!
О, не обманывайся, сердце!
О, призраки,—не увлекайте!..
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно;
Когда же въ уголокъ проникъ
Свѣтъ счастья на единый мигъ...
Какъ неожиданно, какъ дивно!...
Но скоро бросишь кисть и прочь
Бѣжишь отъ радужной палитры!
Мы молоды и вѣримъ въ рай,
И гонимся и вслѣдъ и вдаль
За слабо брежжущимъ видѣньемъ...

---

[1]) Это стихотвореніе, какъ полагаютъ, написано въ 1819 году во время первой поѣздки Грибоѣдова въ Персію. То мрачное настроеніе духа, которое сказывается и въ письмахъ его за это время, вылилось здѣсь вполнѣ. Послѣ страстныхъ порывовъ къ наслажденью жизнью, наступило раздумье, и мысли о долгѣ, серьезныхъ жизненныхъ цѣляхъ и разладѣ съ людскими воззрѣніями наполняютъ молодой умъ.

Постойте!.. Нѣтъ его, угасло!
Обмануты, утомлены...
И что-жъ съ тѣхъ поръ? Мы мудры стали,
Ногой отмѣрили пять стопъ,
Соорудили темный гробъ,
И въ немъ живыхъ себя заклали.
Премудрость! Вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь.
Займемся былью стародавной,
Какъ люди весело шли въ бой,
Когда плѣняло ихъ собой
Что́ такъ обманчиво и славно.

СВОЯ СЕМЬЯ

или

ЗАМУЖНЯЯ НЕВѢСТА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ КОМЕДІИ.

Представлено въ 1-й разъ въ Петербургѣ, 24 января 1818 г. [1]).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВАРВАРА САВИШНА, ЛЮБИМЪ, НАТАША.

ЛЮБИМЪ.

Да! я обѣгалъ всю почтенную родню,
И счастья своего покамѣстъ не виню:
Гдѣ ни былъ, никого найти не удавалось,
Кромѣ одной.—За то ужъ отъ нея досталось!

---

[1]) Изъ второстепенныхъ работъ Грибоѣдова для театра первое мѣсто занимаютъ пять явленій второго акта комедіи: «Своя семья», написанной тремя писателями, княземъ Шаховскимъ, Грибоѣдовымъ и Хмельницкимъ. Въ предисловіи къ своей комедіи Шаховской объясняетъ это

Къ Раисѣ Савишнѣ, какъ слѣдуетъ, зашелъ;
Глядь, у себя. Слуга тотчасъ меня повелъ
Къ ней въ образную,—тамъ въ очкахъ она читала.
Вспрыгну́ла, ахнула и въ обморокъ упала.
Оттерли. Боже мой! Тутъ только что-держись.
Увѣщеванія рѣкою полились;
И все печатное, что только вышло вновѣ,
Все знаетъ наизусть, не ошибется въ словѣ,
Ну такъ и сыплетъ вздоръ. Рѣчь о тебѣ зашла:
Тутъ длинную она статью о томъ прочла,
Какъ вѣрно въ дѣвушкѣ, вертушкѣ новомодной,
Нѣтъ пламенной души, ни нѣжности природной,
Ни сердца простоты... А я, безъ дальнихъ словъ,
Не выслушавъ всего, взялъ шляпу, былъ таковъ.

писаніе втроемъ желаніемъ приготовить пьесу къ бенефису актрисы Валберховой и краткостью времени, остававшагося до бенефиса. Грибоѣдовъ, помѣстивъ свой отрывокъ въ «Сынѣ Отечества» 1817 г., предпослалъ ему слѣдующій очеркъ содержанія комедіи: «Любимъ, молодой человѣкъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, женился по страсти, безъ согласія своихъ родственниковъ. Онъ привозитъ жену въ тотъ городъ, гдѣ живутъ всѣ его тетки и дяди: Оекла Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карпъ Савичъ, Максимъ Меркуловичъ. Всѣ думаютъ, что онъ сговоренъ; никто не знаетъ, что онъ женатъ, кромѣ Варвары Савишны, которая всѣхъ добрѣе, и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тѣмъ Наташа, жена его, подъ чужимъ именемъ знакомится со всею мужниной родней, старается каждому изъ нихъ угодить и понравиться, и въ томъ успѣваетъ.—Это содержаніе одной комедіи кн. А. А. Шаховскаго, въ которой я взялся сдѣлать нѣсколько сценъ изъ второго акта».

Наташа, какъ я глупъ! Зачѣмъ, не понимаю,
Привезъ тебя сюда?

ВАРВАРА САВИШНА.

Вотъ такъ-то! Поздравляю!
Всѣ виноваты мы...

ЛЮБИМЪ.

Ахъ, нѣтъ! Всегда женѣ
Твердилъ я, что у насъ порядочныхъ въ роднѣ
Есть двое: вы, да я.

ВАРВАРА САВИШНА.

Повѣрь мнѣ: помаленьку
На свой поставишь ладъ ты всю свою роденьку.
Нашъ опытъ удался съ секундъ-майоромъ. Ну,
Полюбятъ также всѣ они твою жену;
Дай срокъ.

НАТАША.

Ахъ, дядюшкѣ понравиться не трудно:
Онъ веселъ, добръ и милъ,—и право даже чудно:
Какъ онъ напоминалъ Любима мнѣ!

ЛЮБИМЪ.

А чѣмъ?

НАТАША.

Да, кромѣ лѣтъ, лица и воспитанья,—всѣмъ:
Ты точный дядюшка, мой другъ, подъ старость будешь.

ЛЮБИМЪ.

Вотъ на!

НАТАША.

Ты никогда гусарить не забудешь:
Все станешь вспоминать съ восторгомъ старину,
И молодечество, и службу, и войну.
Я вижу ужъ тебя: ты въ дядюшкины годы,
Какъ онъ въ сѣдыхъ усахъ, про славные походы,
Про Лейпцигъ, Кульмъ, Парижъ, безъ памяти кричишь,
Безъ милосердія все новое бранишь.
Свой полкъ, своихъ друзей, свои проказы славишь,
Повѣсамъ будущимъ себя примѣромъ ставишь
И сердишься за то, что рано устарѣлъ.

ЛЮБИМЪ.

А ты въ углу ворчишь: онъ все еще пострѣлъ;
Когда ты, батюшка, дурачиться уймешься?
И вслухъ меня бранишь, а внутренно смѣешься,
Не правда-ли, мой другъ?

НАТАША.

Да, можетъ быть легко;
Но, къ счастью, до того еще намъ далеко.

ВЕЛЬДЮЗЕВА [1]).

Сестра сюда идетъ.

НАТАША.

Ахъ, Боже мой! какая?

ВЕЛЬДЮЗЕВА.

Охъ! Ѳекла Савишна.

---

[1]) Варвара Савишна.

ЛЮБИМЪ.

Крикуша и скупая.

НАТАША.

Да гдѣ бы платьица найти мнѣ попростѣй?

ВЕЛЬДЮЗЕВА.

У Груньки ты возьми передникъ поскорѣй.
Уйдите же: она ужъ подошла къ порогу.

НАТАША—*уходя.*

Любимъ!

ЛЮБИМЪ.

Я за тобой.

Уходятъ вмѣстѣ.

32172.

ЯВЛЕНІЕ II.

ѲЕКЛА САВИШНА, ВАРВАРА САВИШНА.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Скажи-ка: слава Богу!
Вѣдь нашъ Любимъ сюда изволилъ прикатить!
Хоть, правда, поспѣшилъ меня онъ навѣстить,
Да вишь пожаловалъ въ тотъ самый часъ, въ который
Къ вечернѣ я хожу. Охъ! эти мнѣ проворы!
Я, чай, развѣдывалъ, когда-де побывать?
Когда потрафить такъ, чтобъ дома не застать?

ВАРВАРА САВИШНА.

Ну, можно ли...

ѲЕКЛА САВИШНА.

Чего? Опъ развѣ малый путный?
Я одному дивлюсь, что карточкой визитной
Меня не наградилъ; а то у нихъ такой
Обычай водится въ столицахъ объ Святой
И въ Рождество. Да что? Тамъ вѣчно наглость таже:
Знатнѣйшіе дома—и родственниковъ даже,
Вотъ посѣщаютъ какъ: самъ баринъ дома спитъ,
Карету и пошлетъ, и въ ней холопъ сидитъ,
Какъ будто господинъ; обрыскаетъ край свѣта,
Швыряетъ карточки!.. Спаспбо, мерзость эта
Что не дошла до насъ;—помиловалъ Господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть:
Что самъ онъ заходилъ, я отъ Потапки знаю;
А все-таки спѣсивъ! увижу, разругаю.
Вѣдь нѣтъ, чтобъ подождать полчасика... бѣда,
Никакъ нельзя, спѣшитъ. Спроси его: куда?
Небось не думаетъ угодность сдѣлать тёткѣ,
А въ Петербургѣ бы, къ какой-нибудь красоткѣ...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и НАТАША.

НАТАША

Ахъ, вы здѣсь не однѣ! простите!

ВАРВАРА САВИШНА.

Ничего.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Кто это? здѣшняя?

ВАРВАРА САВИШНА.

Нѣтъ; мужа моего
Покойнаго родня, пріѣхала недавно.
Знакома вамъ была Ѳедосья Николавна?

ѲЕКЛА САВИШНА.

Твоя золовка?

ВАРВАРА САВИШНА.

Да, ея въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Вотъ дочь ея.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Она?—Прошу! какихъ ужъ лѣтъ!
Невѣста хоть куда.—Мы вмѣстѣ выростали
Съ твоею матушкой, дружнехонько живали,
И батюшка въ Москвѣ къ намъ часто въ домъ ходилъ;
При мнѣ онъ сватался, при мнѣ помолвленъ былъ.
Ахъ! на семъ свѣтѣ я куды давно таскаюсь!
Ты съ нами долго ли пробудешь? а?

НАТАША.

Не знаю-съ;
Какъ будетъ тетушкѣ угодно...

ВАРВАРА САВИШНА.

Мнѣ, другъ мой?
Весь вѣкъ радехонька я вмѣстѣ жить съ тобой.
Обращаясь къ Ѳеклѣ Савишнѣ.

Въ глаза и за глаза скажу: не прихотлива,
И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь имѣть.

НАТАША.

Угодно, тетушка, вамъ будетъ посмотрѣть,
Тамъ приготовила для васъ одно я блюдо?

ВАРВАРА САВИШНА.

А! знаю, хорошо.—Останься здѣсь покуда.
Сестрица, кажется, не гостьи вы у насъ,
Не взыщите, а я назадъ приду сейчасъ. *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ѲЕКЛА САВИШНА, НАТАША.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Что это, матушка? неслыханное дѣло!
Кто стряпаетъ теперь?

НАТАША.

Къ обѣду не поспѣло:
Хватились поздно мы. Такъ, какъ-то не пришлось.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Какое-жъ кушанье?

НАТАША.

Пирожное одно-съ,
И выдумки моей.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Твоей—оно-бъ не худо,
Да вѣдь пирожное—затѣйливое блюдо.
Насущный хлѣбъ теперь одинъ составитъ счетъ,
Такъ лакомство, ей!-ей! на умъ ужъ не пойдетъ.

НАТАША.

Да-съ, у меня за то все снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое;
Да соку положить лимоннаго чуть-чуть.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Ну, сахаръ входитъ же? *Наташа качаетъ головой.*
Хоть кропечка?

НАТАША.

Отнюдь!
Какъ, сахаръ? шутка ли? Что вы, побойтесь Бога!
Нѣтъ, и безъ сахару расходовъ очень много.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Да! согрѣшили мы! крутыя времена!

НАТАША.

Я какъ-то съ малыхъ лѣтъ къ тому пріучена,
Что дорогой кусокъ мнѣ видѣть даже грустно.
Я такъ люблю поѣсть, чтобъ дешево и вкусно.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Какъ судишь ты умно! не по лѣтамъ, мой свѣтъ:
Въ иной и въ пожилой такого смысла нѣтъ.

НАТАША.

Помилуйте...

ѲЕКЛА САВИШНА.

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино: не явная-ль улика,
Что прожила весь вѣкъ, не нажила ума?
Разсчету ни на грошъ, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней,—зачѣмъ? кому надиво?

НАТАША.

А будто трудно жить, какъ надо, бережливо?
Я вотъ и не въ нуждѣ воспитана была,
Хоть матушка моя покойная жила,
Куда не рóскошно, я чай, и вамъ извѣстно?

ѲЕКЛА САВИШНА.

Умна была.—Дай Богъ ей царствіе небесно!

НАТАША.

Однако странность вамъ одну я разскажу.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Какъ, другъ мой? чтó? Садись.

НАТАША.

Вотъ что...

ѲЕКЛА САВИШНА.

Да сядь!

НАТАША — *сѣвши на краешкѣ стула.*

Сижу.

Вотъ что... спросить у васъ позвольте: вы давно ли
Разстались съ матушкой?

ѲЕКЛА САВИШНА.

Лѣтъ двадцать пять, поболѣ;
Мы молоды тогда, невѣсты были съ ней. *Со вздохомъ.*
И схоронила я съ тѣхъ поръ ужъ трехъ мужей!

НАТАША.

Такъ, можетъ, никогда вамъ слышать не случалось
Объ томъ, что къ Ладовой, графинѣ, я попалась
На воспитаніе?

ѲЕКЛА САВИШНА.

Нѣтъ, не слыхала я.

НАТАША.

Ужъ странность, подлинно! — Опа и мать моя
Вѣкъ были по всему противныхъ свойствъ и правилъ:
Не знаю, между ихъ какъ случай связь составилъ,
А только матушка съ ней такъ дружна была,
Что на руки меня къ ней вовсе отдала!
Представьте же себѣ: я въ домъ попала знатный,
У Ладовой расходъ на все невѣроятный!
И шляпкамъ, и шалямъ, и платьямъ счету нѣтъ.
И собирается у ней весь модный свѣтъ:
Вчера концертный день, а нынче танцовальный,
А завтра что-нибудь другое. — Натурально,
Вы можете судить, что въ этакомъ дому
До бережливости нѣтъ дѣла никому.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортитъ жизнь такая.

НАТАША.

Позвольте досказать. Мнѣ скоро щегольство
И весь графининъ бытъ: шумъ, пышность, мотовство
И давка вѣчная въ передней за долгами,
Такъ опротивѣли, что рада, между нами,
Была я убѣжать Богъ вѣдаетъ куда!
Такъ опротивѣли, что лучше бы всегда
Я ѣла черный хлѣбъ, въ серпянкѣ бы ходила,
Да лишь бы суетно такъ время не губила!

ѲЕКЛА САВИШНА.

Ужъ-ли, голубушка! да какъ же это ты?
Я, я свертѣлась бы отъ этой суеты!
Вотъ умъ недѣвичій! — Къ чему ты наклонилась?
Что́ потеряла?

НАТАША.

Здѣсь булавочка свѣтилась,
Сейчасъ я видѣла. Вотъ тутъ она была,
На этомъ мѣстѣ, здѣсь. — А! вотъ она! нашла.
Поднявши, прикалываетъ къ косынкѣ.
Вѣдь и булавочка намъ можетъ пригодиться.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Какъ, изъ булавки ты изволила трудиться?
Чѣмъ больше думаю, и на тебя гляжу,
И слушаю тебя, ума не приложу.

Диковина, мой свѣтъ! Ужъ ты ли не водилась
Съ большими барами? а все съ пути не сбилась!

НАТАША.

Напротивъ, многимъ я обязана тому,
Что столько времени жила въ большомъ дому.
Когда къ француженкамъ поѣдемъ мы бывало,
Графинѣ только бы купить что ни попало;
А я тихохонько высматриваю все,
Какъ тамъ работаютъ, кроятъ и то и се,
И выпрошу себѣ остатковъ, лоскуточковъ,
Отрѣзочковъ отъ лентъ, матерьицы кусочковъ,
И дома, запершись, крою себѣ, крою.
Теперь же, вѣрите-ль? я что угодно шью;
Вы не увидите на мнѣ чужой работы
Вотъ ни настолько. *Показываетъ на кончикъ шемизетки или фартука.*

ѲЕКЛА САВИШНА.

Помилуй, другъ мой, что ты?
Кладъ сущій, — и тебѣ подобной не сыскать!

НАТАША.

Я шелкомъ, золотомъ умѣю вышивать.
Бывало, прочія лишь заняты весельемъ,
На ба́лахъ день и ночь, а я за рукодѣльемъ:
Что́ вышью, продаю; работою своей
Скопила, наконецъ, до тысячи рублей.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Теперь на свѣтѣ нѣтъ вещей невѣроятныхъ.

Скопила! — чѣмъ? — трудомъ! воспитана у знатныхъ!
Свершилась надъ тобой Господня благодать.
Дай, радость, дай скорѣй себя расцѣловать!
Обнимаются.
Вотъ, еслибъ нашъ Любимъ былъ человѣкъ толковый!
Вотъ счастье! вотъ оно! вотъ! случай здѣсь готовый!
И услужилъ бы всѣмъ, роднымъ и самъ себѣ.
Когда женился бы онъ, другъ мой, на тебѣ.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его. мотать бы не давала!
А то, слышь, въ Питерѣ онъ сватанье завелъ!
Тамъ русскую мамзель какую-то нашелъ!
Преаккуратная голубушка, я чаю.

НАТАША.

А почему же знать?

ОКЛА САВИШНА.

Какъ почему? — Я знаю.

НАТАША.

Конечно, это вамъ извѣстнѣе, чѣмъ мнѣ.

ОКЛА САВИШНА.

Вотъ то-то, видишь ли, что всей его роднѣ
Она не по нутру. — Не можетъ, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные всѣ свалятся,
Чтобъ поскорѣй по нихъ наслѣдство получить.
Того не думаетъ, чтобы самой нажить.
Хоть объ себѣ скажу: не безъ труда скопила
Я кое-что. Нѣтъ! тремъ мужьямъ, тремъ угодила!

Легко ли вытерпѣть отъ нихъ мнѣ довелось:
При жизни что́ хлопотъ! по смерти сколько слезъ!
Останавливается отъ избытка чувствъ.
Я, другъ мой, кажется, въ тебѣ не обманулась.
По волѣ божіей, когда бъ ты приглянулась
Любиму нашему, и вышла бъ за него,
Не расточила бы наслѣдства моего.
Да и полюбишься ему ты вѣроятно:
Свѣжа какъ маковъ цвѣтъ, ведешь себя опрятно,
А франтовъ нынѣшнихъ не мудрено прельстить:
Ты по французскому умѣешь говорить?

НАТАША.

Умѣю нѣсколько.

ѲЕКЛА САВИШНА.

И! вѣрно, мастерица.
Имъ только надобно...

ЯВЛЕНІЕ V.

ВАРВАРА САВИШНА, ѲЕКЛА САВИШНА, НАТАША.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Послушай-ка, сестрица!
Вотъ толкъ объ чемъ у насъ: не правда-ли, она
Любиму нашему вѣдь по всему жена?

ВАРВАРА САВИШНА.

Я то же говорю.

ѲЕКЛА САВИШНА.

Ты говоришь... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этомъ настою. Какъ хочетъ онъ, Любимъ,
Я вразумлю его, и, по словамъ моимъ,
Онъ петербургскія всѣ шашни позабудетъ.
Пожалуй-ка, сестра, когда къ тебѣ онъ будетъ,
Пришли его ко мнѣ. А между тѣмъ, прощай!
Къ тебѣ, признаться, я попала невзначай:
Шла къ теткѣ Звонкиной; съ ней перемолвить нужно
Такъ кой-объ-чемъ. Прости! *Обращаясь къ Наташѣ.*
Ахъ, жаль! что недосужно,
А то мы бы съ тобой... прошу насъ навѣщать.
Ты говорила мнѣ, что любишь вышивать
И что, мой свѣтъ, сидѣть не любишь, сложивши руки,
Такъ я тебѣ найду заняться чѣмъ отъ скуки;
На это мастерство у насъ есть заведенье.
Туда свожу тебя, увидишь: — заглядѣнье.
Варварѣ Савишнѣ.
Скажи-жъ Любимушкѣ, чтобъ на себя взялъ трудъ,
Заѣхалъ бы ко мнѣ.—Быть можетъ, и безъ брани...
Авось!... Загадывать я не хочу заранѣ.
Авось!... не вѣдаетъ никто, что́ впереди.
Сестра! Безъ проводовъ! Останься! не ходи!
Уходитъ. Варвара Савишна ее провожаетъ.

ПИСЬМО

КЪ ИЗДАТЕЛЮ „СЫНА ОТЕЧЕСТВА".

Тифлисъ, 21-го января 1819 г.

Вотъ уже полгода, какъ я разстался съ Петербургомъ; въ нѣсколько дней отъ сѣвера перенесся къ полуденнымъ краямъ, прилежащимъ къ Кавказу (не мысленно, а по почтѣ: одно другого побезпокойнѣе!), вдоль по гремучему Тереку вступилъ въ скопище громадъ, на которыя, по словамъ Ломоносова, Россія локтемъ возлегла, но которыя теперь подвинула уже гораздо далѣе. Вокругъ меня неплодныя скалы, надъ головою царь-птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя; впереди свѣтлѣлись снѣжные верхи горъ, куда я вскорѣ потомъ взобрался, и нашелъ сугробы, стужу, всѣ признаки глубокой зимы, но на разстояніи нѣсколькихъ верстъ суровость ея миновалась: крутой спускъ съ Кашаура ведетъ прямо къ весеннимъ берегамъ Арагвы, оттуда одинъ шагъ до Тифлиса, и я уже четвертый мѣсяцъ какъ бы засѣлъ въ немъ, и никто изъ моихъ короткихъ зна-

комыхъ обо мнѣ не хватится, всѣми забытъ, ни отъ кого ни строчки! Стало быть, стóитъ только заѣхать за три тысячи верстъ, чтобъ быть какъ бы мертвымъ для прежнихъ друзей! Я не плачу́ имъ такимъ же равнодушіемъ, тѣмъ, которыхъ любилъ, бывши съ ними въ одномъ городѣ; люблю и теперь вспоминать проведенное съ ними пріятное время, всегда о нихъ думаю, навѣдываюсь у пріѣзжихъ о всемъ, что́ происходитъ подъ вашимъ 60° градусомъ сѣверной широты; все, что́ оттуда здѣсь узнать можно, самыя незначущія мелочи, сильно дѣйствуютъ на меня, и даже газетныя ваши вѣсти я читаю съ жадностію.

Теперь представьте мое удивленіе: между тѣмъ какъ я воображалъ себя на краю свѣта, въ уголкѣ, пренебреженномъ просвѣщенными жителями столицы, на дняхъ перебиравши листки «Русскаго Инвалида», въ № 284 прошедшаго декабря, между важными извѣстіями объ американскомъ жалкомъ воскресеньѣ, о безконечномъ процессѣ Фуальдеса, о докторѣ Верлингѣ, Бонапартовомъ лейбъ-медикѣ, вдругъ попадаю на статью о Грузіи: стало быть, эта сторона не совсѣмъ еще забыта, думалъ я; иногда и ею занимаются, а слѣдовательно и тѣми, которые въ ней живутъ... И было порадовался, по что́ жъ прочелъ? Пишутъ изъ Константинополя отъ 26-го октября, будто бы въ Грузіи произошло возмущеніе, коего главнымъ виновникомъ почитаютъ одного богатаго татарскаго князя. Это меня и опечалило и разсмѣшило.

Скажите, не печально ли видѣть, какъ у насъ о томъ, что́ полагаютъ происшедшимъ въ народѣ, намъ подвластномъ, и о происшествіи столь значущемъ, не затрудняются запмствовать извѣстія изъ иностранныхъ вѣдомостей п, не обинуясь, выдаютъ ихъ по крайней мѣрѣ за правдоподобныя, потому что ни въ малѣйшей отмѣткѣ не изъявляютъ сомнѣнія; а можно бы было, кажется, усомниться, тѣмъ болѣе, что слухъ вздорный не имѣетъ никакого основанія: вѣроятно, что объ истинномъ бунтѣ узнали бы въ Петербургѣ оффиціально, не чрезъ Константинополь. Возмущеніе народа не то, что возмущеніе въ театрѣ противъ дирекціи, когда она даетъ дурной спектакль: оно отзывается во всѣхъ концахъ имперіи, сколько, впрочемъ, ни обширна наша Россія. И какіе есть татарскіе князья въ Грузіи? Ихъ нѣтъ, во-первыхъ; да еслибъ и были, то здѣсь, что татарскій князь, что нѣмецкій графъ, одно и то же: ни тотъ, ни другой не имѣютъ никакого голоса. Я, какъ очевидецъ и пребывая въ Тифлисѣ уже съ нѣкотораго времени, могу васъ смѣло увѣрить, что здѣсь не только давно уже не было и нѣтъ ничего похожаго на бунтъ, но при твердыхъ и мудрыхъ мѣрахъ, принятыхъ нынѣ правительствомъ, все такъ спокойно и смирно, какъ бы въ землѣ, издавна уже подчиненной гражданскому устройству. Вмѣсто прежняго самоуправства, нынѣ каждый по своей тяжбѣ идетъ покорно въ домъ суда и расправы, и русскіе гражданскіе чиновники, оберегатели частныхъ правъ, каждаго удовлетворятъ сообразно съ

правосудіемъ. На крытыхъ улицахъ базара промышленность скопляетъ множество людей, однихъ для продажи, другихъ для покупокъ; иные брадатые политики, окутанные бурками, въ мѣховыхъ шапкахъ, подъ вечеръ сообщаютъ другъ другу рамбавіи (повости) о томъ, напримѣръ, какъ недавно здѣшнія войска въ горахъ туда проложили путь, куда, конечно, никто изъ нашихъ прежде не заходилъ. На плоскихъ здѣшнихъ кровляхъ красавицы выставляютъ передъ прохожими свои нарумяненныя лица, которыя безъ того были бы гораздо красивѣе, плѣшиво грѣются на солнышкѣ, нисколько не подозрѣвая, что отцы ихъ и мужья бунтуютъ въ «Инвалидѣ». Въ караванъ-сарай привозятся предметы трудолюбія, плоды роскоши, получаемые чрезъ Черное море, съ которымъ нынѣ повое ближайшее открыто сообщеніе сквозь Имеретію. Въ окрестностяхъ города виртембергскіе переселенцы безтревожно обстроиваются; зажиточные исчисляютъ, сколько вѣковъ, годовъ и мѣсяцевъ составятъ время, времена и полвремени, проповѣдуютъ Ш*** золотой Іерусалимъ съ жемчужными вратами; недостаточные работаютъ; дѣти ихъ каждое утро являются на улицахъ и въ домахъ съ духовными виршами механика К****, которыхъ никто не слушаетъ, и съ коврижками, которыя всѣ раскупаютъ, и щедро платятъ себѣ за лакомство, имъ на пропитаніе. Вечеромъ въ порядочныхъ домахъ танцуютъ на сакляхъ (террассахъ), звучатъ въ бубны и завываютъ пѣсни очень пріятныя для поющихъ. Между тѣмъ городъ примѣтно украшается новыми зда-

ніями. Все это, согласитесь, не могло быть въ смутное время, когда богатымъ татарскимъ князьямъ пришло бы въ голову возмущать всеобщее спокойствіе.

Не думаю, чтобы поводъ къ распространенію такихъ слуховъ подала прошлогодняя экспедиція командующаго грузинскимъ отдѣльнымъ корпусомъ генерала отъ инфантеріи Ермолова. Вотъ что было: заложена крѣпость на Сунжѣ съ намѣреніемъ пресѣчь шатанія чеченцевъ, которые часто слѣзаютъ съ лѣсистыхъ вершинъ своихъ, чтобы хищничать въ низменной Кабардѣ. Крѣпостныя работы окончены успѣшно и безпрепятственно. Имѣя при томъ въ виду во всѣхъ направленіяхъ расчистить пути среди горъ, въ которыхъ многія мѣста по сіе время для насъ были непроходимымъ блуждалищемъ, и разрыть во множествѣ сокровенныя богатства природы, дано имъ было предписаніе генералъ-майору Пестелю занять Басилы въ Дагестанѣ. Акутинцы и другіе народы, не уразумѣвъ истинныхъ его намѣреній, испуганные, обсѣли сосѣдственныя высоты; когда туда же приступилъ отъ крѣпости Грозной самъ генералъ Ермоловъ, они мгновенно разсѣялись; возбудителямъ этого скопленія дарована пощада, и однимъ словомъ, никогда въ тамошнихъ странахъ державная власть нашего Государя не опиралась столь надежно на покорство народовъ, какъ нынѣ. Еще нужны труды и подвиги, подобные тѣмъ, которые подъяты здѣшнимъ главноначальствующимъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ управленіе земель и народовъ ему ввѣренныхъ, и не-

обузданность горцевъ останется только въ разсказахъ о прошедшемъ. Впрочемъ, если и принять въ уваженіе, что экспедиція, о которой я сейчасъ упомянулъ, причиною толковъ о мнимомъ грузинскомъ бунтѣ; на что́ же намъ даны ландкарты, коли въ нихъ никогда не заглядывать? Онѣ ясно показываютъ, что событія съ Кавказской линіи также не годится переносить въ Грузію, какъ въ Литву то, что́ случается въ Финляндіи.

Я бы, впрочемъ, не взялъ на себя неблагодарнаго труда исправлять газетныя ошибки, если бы обстоятельство, о которомъ дѣло идетъ, не было чрезвычайно важно для меня собственно по мѣсту, которое мнѣ повелѣно занимать при одномъ азіятскомъ дворѣ. Россійская имперія обхватила пространство земли въ трехъ частяхъ свѣта. Что́ не сдѣлаетъ никакого впечатлѣнія на германскихъ ея сосѣдей, легко можетъ взволновать сопредѣльную съ нею восточную державу. Англичанинъ въ Персіи прочтетъ ту же новость, уже вписанную изъ русскихъ оффиціальныхъ [1]) вѣдомостей, и очень невинно разскажетъ ее кому угодно въ Таврисѣ или въ Тейранѣ. Всякому предоставляю обсудить послѣдствія, которыя это за собою повлечь можетъ.

А гдѣ настоящій источникъ такихъ помысловъ? кто первый ихъ выпускаетъ въ свѣтъ? Какой-нибудь армянинъ, недовольный своимъ торгомъ въ Грузіи, пріѣзжаетъ въ Царьградъ и съ насмурнымъ лицомъ гово-

[1]) «Русскій Инвалидъ» въ статьяхъ иностранныхъ не есть оффиціальная газета. *Прим. Изд. „С. О.“*

ритъ товарищу, что тамъ плохо дѣла идутъ. Пріятельское извѣстіе передается другому, который частный ропотъ толкуетъ общимъ цѣлому народу. Третьему не трудно мечтательный ропотъ превратить въ возмущеніе! Такая догадка скоро пріобрѣтаетъ газетную достовѣрность и доходитъ до гамбургскаго корреспондента, отъ котораго ничто не укроется, а у насъ привыкли его отъ доски до доски переводить: такъ какъ же не выписать оттуда статьи изъ Константинополя?

Потрудитесь замѣтить почтенному редактору «Инвалида», что не всякимъ турецкимъ слухамъ надлежитъ вѣрить; что если здѣшній край въ отношеніи къ вамъ, господамъ петербуржцамъ, по справедливости можетъ назваться краемъ забвенія, то позволительно только-что забыть его, а выдумывать или повторять о немъ нелѣпости — не должно.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ГЕТЕ.

ДИРЕКТОРЪ ТЕАТРА.

По дружбѣ мнѣ вы, господа,
При случаѣ посильно иногда
И дѣятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя ли
Воображенію дать смѣлый вамъ полетъ?
Парите вверхъ, и впизъ спускайтесь пропзвольно,
Чтобъ большинство людей осталось мной довольно,
Которое живетъ, и жить даетъ.
Домъ зрѣлища устроенъ пребогатый,
И бревяной накатъ, и полъ дощатый,
И все по зву:—одинъ свистокъ,
Храмъ взыдетъ до небесъ, раскинется лѣсокъ.
Лишь то бѣда, ума намъ гдѣ добиться?
Смотрите вы на брови знатоковъ:
Они, и всякій кто каковъ,
Чему-нибудь хотѣли-бъ удивиться;
А я испуганъ, сталъ втупикъ;

Не то, чтобы у насъ къ хорошему привыкли,
Да начитались столько книгъ!
Всю подноготную проникли!
Увы!...
И слушаютъ и ловятъ все такъ жадно!
Чтобъ были вещи имъ новы,
И складно для ума, и для души отрадно.
Люблю толпящійся народъ
Я при раздачѣ ложъ и креселъ.
Кому терпѣнье—трудепъ входъ,
Тотъ получилъ себѣ—и веселъ,
Но вотъ ему возврата нѣтъ!
Стѣной густѣютъ непроломной,
Толпа растетъ и рокотъ громной,
И голоса: билетъ! билетъ!
Какъ будто ихъ рождаетъ преисподня.
А это чудо кто творитъ?—Поэтъ,
Нельзя ли, милый другъ, сегодня?

ПОЭТЪ.

О, не тревожь, не мучь суетъ картиной;
Задерни, скрой отъ глазъ народъ,
Толпу, которая пестрѣющей пучиной
Съ собой противувольно насъ влечетъ.
Туда веди, гдѣ подъ небесъ равниной
Поэту радость чистая цвѣтетъ;
Гдѣ дружба и любовь его къ покою
Обвѣютъ, освѣжатъ божественной рукою.

Ахъ! часто, что́ отраду въ душу льетъ,
Что́ робко намъ уста пролепетали,
Мечты неспѣлыя... и вотъ,
Ихъ крылья бурнаго мгновенія умчали.
Едва искупленныхъ трудами многихъ лѣтъ,
Ихъ въ полнотѣ красы увидитъ свѣтъ.
Обманчивъ блескъ: онъ не продлится,
Но истинный потомству сохранится.

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

Потомству? да; и слышно только то,
Что духомъ всѣ парятъ къ потомкамъ отдаленнымъ.
Неужто, наконецъ, никто
Не порадѣетъ современнымъ?
Неужто холодомъ мертвитъ, какъ чародѣй,
Присутствіе порядочныхъ людей?
Кто бредитъ лаврами на сценѣ и въ печати,
Кому ниспосланы кисть, лира иль рѣзецъ
Изгибы обнажать сердецъ,
Тотъ поробѣетъ ли?—Толпа ему и кстати.
Желаетъ онъ побольше кругъ,
Чтобъ дѣйствовать на многихъ вдругъ.
Скорѣй фантазію, гласъ скорби безотрадной,
Движенье, пылъ страстей, весь хоръ ея парядный
Къ себѣ зовите на чердакъ.
Дурачеству оставьте дверцу,
Не настежъ, въ половину, такъ,
Чтобъ всякому пришло по сердцу.

ДИРЕКТОРЪ.

Побольше дѣйствія!—Что́ зрителей манитъ?
Имъ видѣть хочется—ну, живо
Представить имъ дѣла на видъ!
Какъ хочешь, жаръ души излей краснорѣчиво;
Иной уловкою успѣхъ себѣ упрочь;
Побольше дѣйствія, сплетеній и развитій!
Лишь силой можно силу превозмочь,
Число людей числомъ событій.
Гдѣ приключеній тьма—никто не перечтетъ,
На каждаго по нѣскольку придется,
Народъ доволенъ разойдется,
И всякій что-нибудь съ собою понесетъ.
Сліяніе частей измучитъ васъ смертельно;
Давайте намъ подробности отдѣльно.
Что цѣлое? какая прибыль вамъ?
И ваше цѣлое вниманье въ комъ пробудитъ?
Его расхитятъ по долямъ,
И публика по мелочи осудитъ.

ПОЭТЪ.

Ахъ! это ли имѣть художнику въ виду!
Обречь себя въ вѣкахъ укорамъ и стыду!
Не чувствуетъ, какъ душу мнѣ терзаетъ.

ДИРЕКТОРЪ.

Размыслите вы сами напередъ:
Кто сильно потрясти людей желаетъ,
Способнѣе оружье изберетъ.

Но время наши призраки развѣять.
О, гордые искатели молвы!
Опомнитесь! кому творите вы?
Влечется къ намъ иной, чтобъ скуку поразсѣять,
А скука вмѣстѣ съ нимъ ввалилась—дремлетъ онъ;
Другой явился отягченъ
Парами пѣнистыхъ бокаловъ;
Иной небрежный ловитъ стихъ,—
Сотрудникъ глупыхъ опъ журналовъ.
На святочныя игры ихъ
Чистѣйшее желанье окрыляетъ.
Невѣжество имъ зрѣнье затемняетъ,
И на устахъ бездушія печать.
Красавицы подъ бремепемъ уборовъ
Тишкомъ желаютъ расточать
Обманъ улыбки, пѣгу взоровъ.
Что́ возмечтали вы на вашей высотѣ?
Смотрите имъ въ лицо!—вотъ тѣ
Окременѣвшія толпы живымъ утесомъ;
Здѣсь озираются во мракѣ подлецы,
Чтобъ слово подстеречь и погубить допосомъ;
Тамъ мыслятъ дань обрѣсть картежные ловцы,
Тотъ буйно ночь провесть въ объятіяхъ безчестныхъ;
И для кого хотите вы, слѣпцы,
Вымучивать внушенье музъ прелестныхъ!
Побольше пестроты, побольше новизны,
Вотъ правило, и непреложно.
Легко мы всѣ изумлены,

Но угодить на насъ не можно.
Что? гордости порывъ утихъ?
Разсудокъ превозмогъ...

ПОЭТЪ.

Нѣтъ! нѣтъ!—негодованье!

Поди, ищи услужниковъ другихъ.
Что силой неудержною влечетъ
Къ ихъ жребію сердца и всѣхъ обѣты,
Стихіи всѣ во власть имъ предаетъ?
Не сладкозвучье-ли, которое тѣснится
Изъ ихъ груди, вливаетъ ту любовь,
И къ нимъ она, отзывная, стремится,
И въ нихъ восторгъ рождаетъ вновь и вновь?
Когда природой равнодушно
Крутится длинновьющаяся прядь,
Кому она такъ дѣлится послушно?
Когда созданья всѣ, слаба ихъ мысль обнять,
Одни другимъ звучатъ противугласно,
Кто съединяетъ ихъ въ пріятный слуху громъ
Такъ величаво! такъ прекрасно!
И кто виновникъ ихъ потомъ
Спокойнаго и пышнаго теченья?
Кто стройно размѣряетъ ихъ движенья,
И бури, вопли, крикъ страстей
Мѣняетъ вдругъ на дивные аккорды?
Кѣмъ славны имена и памятники тверды?
Превыше всѣхъ земныхъ и суетныхъ честей,
Изъ бренныхъ листіевъ кто чудно соплетаетъ

Съ вѣками болѣе нетлѣнно и свѣжѣй
То знаменье величія мужей,
Которымъ онъ ихъ чёла украшаетъ?
Предъ чьей возлюбленной весна не увядаетъ?
Цвѣты роскошные родитъ предъ нею персть
Того, кто спутникъ ей отрадъ, любви стезею:
По смерти имъ Олимпъ отверстъ;
И невечернею вѣнчается зарею
Кто не коснѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ,
Но въ гимнъ единый слилъ красу небесъ съ землею.
Ты постигаешь ли умомъ
Создавшаго міры и лѣта?
Его престолъ—душа поэта.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ

ГОРЕ ОТЪ УМА

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

[Писано въ 1816-23 гг.; играно въ 1831 г.; напечатано въ 1833 г.]

Судьба-проказница, шалунья
Опредѣлила такъ сама:
Всѣмъ глупымъ—счастье отъ безумья,
Всѣмъ умнымъ—горе отъ ума.

Примѣчаніе. Распространенная сначала во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ, выходившихъ часто изъ рукъ безграмотныхъ переписчиковъ, урѣзываемая и измѣняемая много разъ, какъ для печатныхъ изданій, такъ и для исполненія на сценѣ, комедія «Горе отъ ума» почти до послѣднихъ дней не могла дождаться полнаго и подлиннаго изданія. Лишь въ прошломъ году стала извѣстна *первоначальная* ея рукопись; главныя отличія, сравнительно съ позднѣйшей обдѣлкой —

234 стиха, напечатаны были А. Н. Весловскимъ въ «Русск. Арх.» 1874, VI; вслѣдъ затѣмъ, г. Гарусовымъ включены въ текстъ комедіи 129 стиховъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ и извлеченныхъ изъ рукописи, представляющей, по его свѣдѣніямъ, точный списокъ съ *окончательной* редакціи «Горя отъ ума» въ томъ видѣ, какъ комедія была переписана самимъ авторомъ для одной его пріятельницы; въ «Русской Старинѣ» (1874, VII) перепечатаны изъ «Тифлисскихъ Губ. Вѣдом.» 1832 г. измѣненія, сдѣланныя авторомъ въ виду предполагавшагося представленія комедіи въ спектаклѣ любителей въ Тифлисѣ,— измѣненія, большею частью предпринятыя изъ цензурныхъ соображеній, но представляющія нѣкоторый интересъ; наконецъ, сдѣлались мало по малу извѣстными немногіе сколько-нибудь важные варіанты, сбереженные иногда чисто случайно списками, находившимися во владѣніи частныхъ лицъ и снятыми съ какихъ-нибудь черновыхъ набросковъ автора. Въ настоящемъ изданіи комедіи сдѣланъ сводъ наиболѣе достовѣрныхъ редакцій, въ примѣчаніяхъ помѣщены варіанты, указанія на оригиналы дѣйствующихъ лицъ въ комедіи и отношенія разныхъ мѣстъ ея къ современности, которыя могутъ быть приняты съ достаточнымъ основаніемъ за достовѣрныя; тамъ же разъяснены нѣкоторыя неудобопонятныя слова, свойственныя свѣтскому языку Грибоѣдовскихъ временъ, и тѣ подробности, которыя могутъ способствовать лучшему уясненію плана пьесы и цѣлей автора. Буквенныя перемѣны или замѣны одного слова другимъ указаны только въ важныхъ случаяхъ.

12-го февраля, 1875 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Фамусовъ, Павелъ Аѳанасьевичъ, богатый и чиновный московскій дворянинъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ.

Софья Павловна, дочь его, влюбленная въ Молчалина.

Молчалинъ, Алексѣй Степановичъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.

Лиза, горничная Софьи Павловны.

Чацкій, Александръ Андреевичъ, молодой человѣкъ, недавно возвратившійся изъ чужихъ краевъ, воспитанный въ домѣ Фамусова вмѣстѣ съ Софьей Павловной.

Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ, армейскій полковникъ.

Гости Фамусова.

Платонъ Михайловичъ Горичевъ.

Наталья Дмитріевна, жена его, молоденькая дама.

Князь Петръ Ильичъ Тугоуховскій.

Княгиня, жена его, съ шестью дочерьми.

Хлёстова, Анфиса Ниловна, старуха, свояченица Фамусова.

Графини Хрюмины, бабушка и внучка.

Загорѣцкій, Антонъ Антоновичъ.

Г. N.

Г. Д.

Репетиловъ.

Петрушка, буфетчикъ Фамусова.

Лакей—Чацкаго.
Лакей—Горичевыхъ.
Лакей—Скалозуба.
Лакей—Хрюминыхъ.
Оффиціанты.
Первый— } слуги Фамусова.
Второй— }
Швейцаръ.
Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакеевъ при разъѣздѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова, спустя десять лѣтъ послѣ войны 1812 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная; въ ней большіе часы съ курантами; справа дверь въ спальню Софьи, откуда слышны звуки фортепьяно съ флейтой, которые потомъ умолкаютъ. ЛИЗА среди комнаты спитъ, свѣсившись съ кресель.

Утро; чуть-чуть день брежжется.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛИЗА — *вдругъ просыпается, встаетъ съ кресель, оглядывается.*

Свѣтаетъ!... Ахъ, какъ скоро ночь минула!
Вчера просилась спать—отказъ:
«Ждёмъ друга; нуженъ глазъ, да глазъ!»
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вотъ только-что вздремнула—
Ужъ день! Сказать имъ... *Стучится къ Софьѣ.*
Господа!
Эй, Софья Павловна! Бѣда!
Зашла бесѣда ваша за-ночь.
Вы глухи?.. Алексѣй Степанычъ!

Сударыня!.. И страхъ ихъ не берётъ! *Отходитъ отъ дверей.*

Ну, гость непрпглашенный,
Быть-можетъ, батюшка войдетъ...
Прошу служить у барышни влюбленной!
Опять подходитъ къ дверямъ.
Да расходитесь, — утро! — Что-съ?

ГОЛОСЪ СОФЬИ.

Который часъ?

ЛИЗА.

Все въ домѢ поднялось.

СОФЬЯ—*изъ комнаты.*

Который часъ?

ЛИЗА.

Седьмой... восьмой... девятый.

СОФЬЯ—*изъ комнаты.*

Неправда!

ЛИЗА.

Ахъ, амуръ проклятый!
И слышатъ—не хотятъ понять.
Ну, чтобы ставни имъ отнять?
Переведу часы—хоть знаю, будетъ гонка,
Заставлю ихъ играть. *Лѣзетъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку; часы бьютъ и играютъ.*

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛИЗА и ФАМУСОВЪ.

ЛИЗА.

Ахъ, баринъ...

ФАМУСОВЪ.

Баринъ, да!
Останавливаетъ часовую стрѣлку.
Вѣдь экая шалунья ты дѣвчонка!
Не могъ придумать я, что-бъ это за бѣда?
То флейта слышится, то будто фортепьяно:
Для Софьи слишкомъ было-бъ рано.

ЛИЗА.

Нѣтъ, сударь, я... лишь невзначай...

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то, невзначай... За вами примѣчай,
Такъ вѣрно съ умысломъ. *Жмется къ ней и запрыгаетъ.*
Охъ, зелье! баловница!

ЛИЗА.

Вы баловникъ,—къ лицу-ль вамъ эти лица!

ФАМУСОВЪ.

Скромна, а ничего кромѣ
Проказъ и вѣтра на умѣ.

ЛИЗА.

Пустите... вѣтренники сами!
Опомнитесь,—вы старики!

ФАМУСОВЪ.

Почти.

ЛИЗА.

Ну, кто придетъ, куда мы съ вами?

ФАМУСОВЪ.

Кому сюда придти?
Вѣдь Софья спитъ?

ЛИЗА.

Сейчасъ започивала.

ФАМУСОВЪ.

Сейчасъ? а ночь?

ЛИЗА.

Ночь цѣлую читала.

ФАМУСОВЪ.

Вишь, прихоти какія завелись!

ЛИЗА.

Все по-французски вслухъ читаетъ, запершись.

ФАМУСОВЪ.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится.
П въ чтеньи прокъ-отъ не великъ.
Ей спа нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится.

ЛИЗА.

Чуть встанетъ—доложу-съ.
Извольте же идти... Разбудите, боюсь.

ФАМУСОВЪ.

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь.

ЛИЗА—*какъ можно громче.*

Да полноте-съ!

ФАМУСОВЪ—*зажимаетъ ей ротъ.*

Помилуй, какъ кричишь!
Съ ума ты сходишь!

ЛИЗА.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того...

ФАМУСОВЪ.

Чего?

ЛИЗА.

Пора, сударь, вамъ знать—вѣдь вы ужъ не ребенокъ:
У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ, —
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь,
Все слышатъ...

ФАМУСОВЪ.

Все ты лжёшь.

ГОЛОСЪ СОФЬИ — *изъ комнаты.*

Эй, Лиза!

ФАМУСОВЪ—*тэрэлизо.*

Т-съ! *Крадется изъ комнаты на цыпочкахъ.*

ЛИЗА—*одна.*

Ушелъ.—Ахъ, отъ господъ подалѣй!
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь.

Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛИЗА, СОФЬЯ, со свѣчою въ рукѣ; потомъ МОЛЧАЛИНЪ.

СОФЬЯ.

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

ЛИЗА.

Конечно, вамъ разстаться тяжело!
До свѣта запершись, а кажется всё мало.

СОФЬЯ.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ разсвѣло! *Тушитъ свѣчу.*
И свѣтъ, и грусть!.. Какъ быстры ночи!

ЛИЗА.

Тужите, знай,—со стороны нѣтъ мочи.
Сюда вашъ батюшка пришелъ; я обмерла,
Вертѣлась передъ нимъ,—не помню, что̀ врала.
Молчалину.
Ну, что же стали вы? Поклонъ, сударь, отвѣсьте,
Подите... сердце не на мѣстѣ!
Смотрите на часы, взгляните-ка въ окно:
Валитъ народъ по улицамъ давно,
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ.

СОФЬЯ.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ!

ЛИЗА.

Не наблюдайте, ваша власть,
А что въ отвѣтъ за васъ, конечно, мнѣ попасть.

СОФЬЯ—*Молчалину.*

Идите! Цѣлый день еще потерпимъ скуку.

ЛИЗА.

Богъ съ вами-съ! Прочь возьмите руку!

Разводитъ ихъ; Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и ФАМУСОВЪ.

ФАМУСОВЪ.

Что за оказія? Молчалинъ, ты, братъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Я-съ.

ФАМУСОВЪ.

Зачѣмъ же здѣсь, и въ этотъ часъ?
И Софья!... Здравствуй, Софья! Что ты
Такъ рано поднялась? А? Для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ?

СОФЬЯ.

Онъ только-что теперь вошелъ...

МОЛЧАЛИНЪ.

Сейчасъ съ прогулки...

ФАМУСОВЪ.

Другъ, нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударушка: чуть изъ постели прыгъ,—
Съ мужчиной съ молодымъ!—Занятье для дѣвицы!
Всю ночь читаешь небылицы,—
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій-Мостъ и вѣчные французы [1]).
Оттуда моды къ намъ, и авторы, и музы,
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ, и бисквитныхъ лавокъ?

СОФЬЯ.

Позвольте, батюшка... Кружится голова.
Я отъ испуга духъ перевожу едва...
Изволили вбѣжать вы такъ проворно,—
Смѣшалась я...

ФАМУСОВЪ.

Благодарю покорно!
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ, я испугалъ!
Я, Софья Павловна, разстроенъ самъ; день цѣлый
Нѣтъ отдыха: мечусь, какъ словно угорѣлый;
По должности, по службѣ хлопотня:

---

1) Въ одной лишь рукописи г. Гарусова вмѣсто *вѣчные* поставлено «вѣтрены».

Тотъ пристаетъ, другой,—всѣмъ дѣло до меня.
Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ обманутъ?

СОФЬЯ—*сквозь слезы.*

Кѣмъ, батюшка?

ФАМУСОВЪ.

Вотъ, попрекать мнѣ станутъ,
Что бе́зъ толку всегда журю!
Не плачь, я дѣло говорю.
Ужъ о твоемъ ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели?
Мать умерла—умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать;
Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ;
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ;
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не въ мадамѣ сила:
Не надобно другого образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца...
Смотри-ка на меня: не хвастаюсь сложеньемъ,
Однако бодръ я, свѣжъ, и дожилъ до сѣдинъ,
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ.

ЛИЗА.

Осмѣлюсь я, суда́рь...

ФАМУСОВЪ.

Молчать!
Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что́ начать!
Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери. Да сами дураки!
Дались намъ эти языки!
Беремъ-же побродягъ и въ домъ и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему:
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ [1]).

Къ Молчалину.

Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ мое семейство,
Далъ чинъ ассессора и взялъ въ секретари;
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,—
И будь не я,—коптѣлъ бы ты въ Твери!

СОФЬЯ.

Я гнѣва вашего никакъ не растолкую.
Онъ въ домѣ здѣсь живетъ,—великая напасть,
Шелъ въ комнату, попалъ въ другую.

ФАМУСОВЪ.

Попалъ, или хотѣлъ попасть?
Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? нельзя, чтобы случайно.

---

1) Фамусовъ ополчается противъ роднаго направленія воспитанія великосвѣтскихъ барышенъ только въ припадкѣ старческаго брюзжанья. Черезъ нѣсколько сценъ онъ самъ въ числѣ достоинствъ московскихъ дѣвицъ выставляетъ, что онѣ французскіе романсы поютъ и выводятъ верхнія нотки.

СОФЬЯ.

Вотъ въ чемъ однако случай весь:
Какъ давеча вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ...

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй, на меня всю суматоху сложитъ!
Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ!

СОФЬЯ.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожитъ.
Сказать вамъ сонъ? Поймете вы тогда...

ФАМУСОВЪ.

Что за исторія?

СОФЬЯ.

Вамъ разсказать?

ФАМУСОВЪ — *садится.*

Ну, да.

СОФЬЯ [1]).

Позвольте... Видите-ль... Сначала —

---

[1]) Весь разсказъ Софьи о снѣ въ первоначальной рукописи отличался значительною въ сравненіи съ позднѣйшимъ текстомъ пространностью и обиліемъ фантастическихъ описаній:

Въ саду была; цвѣты безсчетно тамъ пестрѣли.
Искала я, мнѣ чудилось, траву
Какую-то, не вспомню на яву:
Въ присахъ, въ бархатцахъ, въ левкояхъ и въ синели,—
Да гдѣ ихъ всѣ назвать!

Цвѣтистый лугъ, и я искала
Траву
Какую-то, не помню на яву...
Вдругъ милый человѣкъ,—одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ, будто вѣкъ знакомы,—
Явился тутъ со мной, и вкрадчивъ, и уменъ,
Но робокъ... Знать, кто въ бѣдности рожденъ...

Приподнялась... вдругъ кѣмъ-то поневолѣ
Изъ саду выхвачена въ поле...
Передо мной,—откуда ни взялся,—
Премилый человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ—будто вѣкъ знакомы.
Былъ робокъ онъ сперва, потомъ въ любви клялся
Потомъ... Не взвидѣла я свѣта...

ФАМУСОВЪ.

Какая небылица эта?
И милый человѣкъ, кто онъ?

СОФЬЯ.

Я вамъ докладываю—сонъ.
Вотъ, послѣ этого садъ, поле, все пропало.
Мы въ комнатѣ, въ пустой, вдвоемъ.
Намъ очень грустно, горько стало;
Тужили мы, Богъ вѣдаетъ о чемъ...
И тутъ, къ пріумноженью скуки,
Отъ фортепьянъ и флейты издали
Печальные къ намъ прорывались звуки
Отъ пихъ, унылые....

ФАМУСОВЪ.

Неужели?
Я тоже слышалъ, и такъ ярко. *Указывая на Лизу.*
Къ разсвѣту я не спалъ, а все она, штукарка.

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

СОФЬЯ.

Потомъ пропало, все: луга и небеса...
Мы въ темной комнатѣ... Для довершенья чуда

СОФЬЯ.

Такъ будто-бы середь тюрьмы
И я, и другъ мой новый
Грустили долго-долго мы:
Онъ все роптalъ на жребій свой суровый,
Что не къ добру любовь его манитъ,
Что не богатъ и всѣмъ не угодитъ...

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

СОФЬЯ.

Все это сонъ. Дослушайте, каковъ.
Какъ между думъ и между словъ
Забылись мы, и шли часы покуда,—
Полъ вскрылся... встали вы оттуда...
Смерть на щекахъ и дыбомъ волоса!
Тутъ разное смѣшенье, чудеса,
Полкъ всякихъ лицъ, раздался звукъ нобощъ...
Вы въ пропасть за собой меня влекли;
Насъ провожаютъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ.
Онъ вслѣдъ кричитъ...
Проснулася—здѣсь кто-то говоритъ;
Прислушалась—вашъ голосъ. Что такъ рано?
Бѣгу сюда, и васъ обоихъ нахожу.

Раскрылся полъ, и вы оттуда
Блѣдны́, какъ смерть, и дыбомъ волоса!
Тутъ съ громомъ распахнулись двери...
Какіе-то не люди, и не звѣри—
Насъ врозь... и мучили сидѣвшаго со мной!
Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ;
Хочу къ нему,—вы тащите съ собой...
Насъ провожаетъ стопъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ.
Онъ вслѣдъ кричитъ...
Проснулась—кто-то говоритъ...
Вашъ голосъ былъ... Что́, думаю, такъ рано?
Бѣгу сюда, и васъ обоихъ нахожу.

ФАМУСОВЪ.

Да, дуренъ сонъ, какъ погляжу.
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цвѣты.
Ну, сударь мой, а ты?

МОЛЧАЛИНЪ.

Я слышалъ голосъ вашъ...

ФАМУСОВЪ.

Забавно!
Дался имъ голосъ мой, и какъ себѣ исправно
Всѣмъ слышится, и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ,—зачѣмъ же? Говори!

МОЛЧАЛИНЪ.

Съ бумагами-съ.

ФАМУСОВЪ.

Да, ихъ недоставало!
Помилуйте, что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ? *Встаетъ.*
Ну, Софьюшка, тебѣ покой я дамъ.
Бываютъ странны сны, а на яву страннѣе:
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе.
Повыкинь вздоръ изъ головы:
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.
Поди-ка, лягъ, усни опять. *Молчалину.*
Идемъ бумаги разбирать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я только несъ ихъ для докладу,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ; а въ иныхъ
Противорѣчье есть, и многое не дѣльно.

ФАМУСОВЪ.

Боюсь, судáрь, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накопилось ихъ.
Дай волю вамъ,—оно бы и засѣло;
А у меня, что дѣло, что не дѣло—
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой. *Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ.*

ЯВЛЕНІЕ V.

СОФЬЯ и ЛИЗА.

ЛИЗА.

Ну, вотъ у праздника! ну, вотъ вамъ и потѣха! [1])
Однако, нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха:

---

[1]) Первоначальная редакція первой части этого явленія сильно разнится отъ окончательной; эта сцена гораздо сжатѣе, хотя въ ней есть нѣсколько новыхъ чертъ, обрисовывающихъ прежнія отношенія Софьи къ Чацкому:

ЛИЗА.

Ушли они... тоскуйте на досугѣ!
Вотъ вамъ и другъ, толкуйте-ка о другѣ!
Въ глазахъ темно, и замерла душа...
Грѣхъ не бѣда,—молва не хороша.

СОФЬЯ.

Предвижу я, достанется терпѣть.
Мнѣ не страшна людская слава,
Да какъ теперь успѣть
Укрыть себя отъ батюшкина права?
Несправедливъ, и недовѣрчивъ, скоръ.
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ,
Ты можешь посудить, ужъ будутъ намъ гоненья!

ЛИЗА.

Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ-бы онъ звѣзду на зятѣ,
А кто въ звѣздахъ,—не всѣ богаты.
Такъ, видите-ль, къ тому-бъ
Доходцы были чтобъ не малы.

Въ глазахъ темно, и замерла душа!
Грѣхъ не бѣда,—молва не хороша!

СОФЬЯ.

Молва! что мнѣ молва? кто хочетъ, такъ и судитъ!
Да, батюшка задуматься принудитъ:

Вотъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ—
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы.

СОФЬЯ.

Куда хорошъ! Толкуетъ все про честь,
Про шпаги и кресты... крестовъ не перечесть!
Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду.
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду.

ЛИЗА.

Да-съ, правду молвить, не хитеръ.
Но, будь военный, будь онъ статскій,
Кто-жъ веселъ, и уменъ, и ловокъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій?
Теперь другой вамъ больше милъ,
А, помнится, онъ не противенъ былъ!

СОФЬЯ.

Не потому ли, что такъ славно
Зло говорить умѣетъ обо всѣхъ?
А мнѣ оно забавно...
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

ЛИЗА.

А чѣмъ былъ плохъ вашъ прежній вкусъ-то?

СОФЬЯ.

Чѣмъ? прежде я не знала никого,
Съ кѣмъ сердце не бываетъ пусто.

Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ;
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ...
Ты можешь посудить...

ЛИЗА.

Сужу-съ не по разсказамъ.
Запретъ онъ васъ—добро еще, со мной,
А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора долой!

Теперь Молчалинъ мой... какъ не любить его?
Какъ будто свыклись съ малолѣтства!
Грущу—онъ безъ ума помочь мнѣ ищетъ средства;
Смѣюсь, тужу ли по чему,—
Посмотришь, въ томъ и жизнь, и смерть ему!
Безпечна я—онъ за меня боится,
Задумаюсь—онъ прослезится.

ЛИЗА.

Что-жъ, Александръ Андреичъ? Нѣтъ?
Не та-жъ любовь, хоть разнаго покроя?
Вотъ съ нимъ-то прямо съ малыхъ лѣтъ
Росли, рѣзвились вѣчно двое.

СОФЬЯ.

Спроси его, привязанъ онъ къ чему,
Окромѣ шутки, вздора?
Всѣмъ въ прихоть жертвуетъ уму.
Что встрѣча съ нимъ у насъ,—то ссора.

ЛИЗА.

Гдѣ носится, изъ края въ край?
Лечился на водахъ отъ груди,—
Отъ скуки, чай?

СОФЬЯ.

И вѣрно, радъ, гдѣ посмѣшнѣе люди.

СОФЬЯ.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже—съ рукъ сойдетъ.
Когда-жъ печальное ничто на умъ нейдетъ,
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,
Судьба насъ будто берегла:
Ни безпокойства, ни сомнѣнья...
А горе ждетъ изъ-за угла!

ЛИЗА.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Не жалуете никогда,
Апъ вотъ бѣда!
На что́ вамъ лучшаго пророка?
Твердила я: въ любви не будетъ этой прока
Ни во́-вѣки вѣковъ.
Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ-бы зятя онъ съ звѣздами, да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами;
Ну, разумѣется, къ тому-бъ—
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ ба̀лы.
Вотъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ:
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы.

СОФЬЯ.

Куда какъ милъ! И весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фронтѣ, о рядахъ!
Онъ слова дѣльнаго не выговорилъ съ роду,
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

ЛИЗА.

Да-съ, такъ сказать, рѣчистъ, а больно не хитеръ
Но будь военный, будь онъ статскій,
Кто такъ чувствителенъ, и веселъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій?
Не для того, чтобъ васъ смутить,—
Давно прошло, не воротить!—
А помнится...

СОФЬЯ.

Что́ помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ;
Болтаетъ, шутитъ,—мнѣ забавно:
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

ЛИЗА.

И только будто-бы? Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался.
«Что, сударь, плачете! живите-ка, смѣясь».
А онъ въ отвѣтъ: «не даромъ, Лиза, плачу—
«Кому извѣстно, что́ найду я, воротясь,
«И сколько, можетъ быть, утрачу!»
Бѣдняжка! будто зналъ, что года черезъ три...

СОФЬЯ.

Послушай, вольности ты лишней не бери!
Я очень вѣтрено, быть можетъ, поступила,
И знаю, и винюсь; по гдѣ же измѣнила,
Кому, чтобъ укорять невѣрностью могли?
Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли;

Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно
Связала дѣтскою насъ дружбой; но потомъ
Онъ съѣхалъ; ужъ у насъ ему казалось скучно,
И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ;
Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
Взыскательнымъ и огорченнымъ.
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно счастливъ, —
Вотъ о себѣ задумалъ онъ высоко.
Охота странствовать напала на него...
Ахъ, если любитъ кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далёко?

ЛИЗА.

Гдѣ носится? Въ какихъ краяхъ?
Лечился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ.
Не отъ болѣзни, чай,—отъ скуки, повѣрнѣе [1]).

СОФЬЯ.

И, вѣрно, счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣе.
Кого люблю я, не таковъ:
Молчалинъ за другихъ себя забыть готовъ;
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, несмѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провесть?
Сидишь, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло.
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто этого стиха стоитъ: „не отъ болѣзни, чай,—отъ скуки,—повольнѣе“; или: „тамъ вольнѣе“, т.-е. тамъ вольнѣе живется.

ЛИЗА.

Богъ вѣсть!

Сударыня, мое ли это дѣло!

СОФЬЯ.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ;
Изъ глубины души вздохнетъ;
Ни слова вольнаго,—и такъ вся ночь проходитъ:
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ...
Смѣешься? можно ли! Чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

ЛИЗА.

Мнѣ-съ?.. ваша тетушка теперь на умъ пришла,
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому.
Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду—не съумѣла:
Забыла волосы чернить
И черезъ три дни посѣдѣла. *Продолжаетъ хохотать.*

СОФЬЯ—*съ огорченіемъ.*

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ!

ЛИЗА.

Простите: право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и СЛУГА.

СЛУГА.

Къ вамъ Александръ Андрѣичъ Чацкій. *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ VII.

СОФЬЯ, ЛИЗА и ЧАЦКІЙ.

ЧАЦКІЙ.

Чуть свѣтъ, ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.
Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку.
Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Говорите!
Что-жъ, рады? нѣтъ? въ лицо мнѣ посмотрите!
Удивлены—и только?.. Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ,
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли.
Ни на волосъ любви! куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я, сорокъ пять часовъ глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся; вѣтеръ, буря...
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ—
И вотъ за подвиги награда!

СОФЬЯ.

Ахъ, Чацкій! я вамъ очень рада.

ЧАЦКІЙ.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однакожъ искренно: кто радуется этакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя!

ЛИЗА.

Вотъ, сударь, еслибы вы были за дверями,
Ей-Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали мы васъ тутъ.
Сударыня, скажите сами.

СОФЬЯ.

Всегда, не только что теперь:
Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека —
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ-чужа, издалека,
Съ вопросомъ я — хоть будь морякъ:—
Не повстрѣчалъ-ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

ЧАЦКІЙ.

Положимте, что такъ.
Блаженъ, кто вѣруетъ, — тепло тому на свѣтѣ!...
Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь опять,
Въ Москвѣ, у васъ? Да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ, тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?...

Или: вашъ батюшка съ мадамой за пикетомъ,
Мы въ темномъ уголкѣ, — и, кажется, *что́* въ этомъ?
Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...

СОФЬЯ.

Ребячество!

ЧАЦКІЙ.

Да-съ, а теперь,
Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно,
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены-ли вы? Прошу мнѣ дать отвѣтъ?
Безъ думы, полноте смущаться.

СОФЬЯ.

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте! не вамъ — чему же удивляться?
Что́ новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два,
Тотъ сватался — успѣлъ, а тотъ далъ промахъ;
Все тотъ же толкъ и тѣжъ стихи въ альбомахъ.

СОФЬЯ.

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ-жъ лучше?

ЧАЦКІЙ.

Гдѣ насъ нѣтъ!

Ну, что вашъ батюшка? Все Англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ-ли свой вѣкъ?
А этотъ... какъ его?... Онъ турокъ или грекъ...
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ...
Не знаю, какъ его зовутъ...
Куда ни супься, тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и въ гостиныхъ.
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся [1])...
А наше солнышко, нашъ кладъ?
На лбу написано: театръ и маскарадъ [2]);
Домъ зеленью росписанъ въ видѣ рощи;
Самъ толстъ, его артисты тощи?...
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ —

---

[1]) Невозможно, да и безполезно было-бы доискиваться, кого имѣлъ въ виду авторъ въ этомъ бѣгломъ перечисленіи лицъ, намеки на которыхъ были, безъ сомнѣнія, понятны въ свое время. Недавно оригиналомъ для «черномазенькаго турка» назвали нѣкоего Сибилева, прихлебателя въ тогдашнихъ московскихъ гостиныхъ.

[2]) Оригиналомъ служилъ помѣщикъ Поздняковъ, большой театралъ, устроившій у себя въ домѣ, на Никитской, театръ, гдѣ играли его крѣпостные и гдѣ во время занятія Москвы французами въ 1812 г. устроены были прибывшею съ Наполеономъ труппой французскіе спектакли.

Пѣвецъ зимой погоды лѣтней...
А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ [1]),
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?...
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣсть, а въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда-жъ пострапствуешь, воротишься домой —
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

СОФЬЯ.

Вотъ васъ-бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

ЧАЦКІЙ.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?...
Ахъ, къ воспитанью перейдемъ.
Что, нынче такъ же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи подъ великимъ штрафомъ
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.

---

[1]) Этотъ родственникъ Фамусова, очевидно лицо вымышленное, имѣетъ живое отношеніе къ современности Грибоѣдова: это представитель весьма распространеннаго въ то время типа подражателей Магницкому.

Нашъ менторъ, — помните, колпакъ его, халатъ [1]),
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья.
А Гильомé, французъ, подбитый вѣтеркомъ [2])?
Онъ не женатъ еще?

СОФЬЯ.

На комъ?

ЧАЦКІЙ.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ.

СОФЬЯ.

Танцмейстеръ? можно-ли!

---

[1]) Весьма вѣроятно, что авторъ изобразилъ здѣсь своего перваго воспитателя, Петрозиліуса, оттолкнувшаго его отъ себя педантизмомъ. Въ первоначальной рукописи это мѣсто читалось такъ:

Я не могу забыть: учительскій халатъ,
Перстъ указательный, сіяніе гуменца—
Какъ наши робкіе тревожили умы;
Какъ съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы,
Что ничего нѣтъ выше нѣмца!

[2]) Первопачально развита была нѣсколько и насмѣшка надъ галломанами, увлекающимися людьми въ родѣ Гильоме, который—

Куда глаза ни обратитъ,
Кто противъ легкости волшебной устоитъ?
Живемъ мы такъ давно, такъ дружно, такъ семейно
Со всякимъ вертуномъ, залетнымъ изъ-за Рейна.

ЧАЦКІЙ.

Что-жъ? онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильомé... Здѣсь нынче тонъ каковъ [1])?
На съѣздахъ на большихъ, по праздникамъ приходскимъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ,
Французскаго съ нижегородскимъ?

СОФЬЯ.

Смѣсь языковъ?

ЧАЦКІЙ.

Да, двухъ—безъ этого нельзя-жъ.

ЛИЗА.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ!

ЧАЦКІЙ.

По крайней мѣрѣ не надутый.
Вотъ новости! Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ; а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ, кстати?
Еще-ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ, пристаетъ: «пожалуйте списать!»
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ, —
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ!

---

[1]) Въ другихъ рукописяхъ стоитъ утвердительное предложеніе: «вѣдь нынче тонъ (свѣтъ) таковъ».

СОФЬЯ—*въ сторону.*

Не человѣкъ — змѣя! *Громко и принужденно.*
Хочу у васъ спросить:
Случалось-ли, чтобъ вы, смѣясь, или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть?

ЧАЦКІЙ.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и не зрѣло?
На что́ же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только-что гремя,
И день, и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя;
И ка́къ васъ нахожу? Въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!
Лицо святѣйшей богомолки...
И все-таки я васъ безъ памяти люблю.

Минутное молчаніе.

Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему-нибудь вреду?
Но если такъ — умъ съ сердцемъ не въ ладу;
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите-жъ мнѣ въ огонь—пойду какъ на обѣдъ!

СОФЬЯ.

Да, хорошо—сгорите... если-жъ нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и ФАМУСОВЪ.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ и другой!

СОФЬЯ.

Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!

Уходитъ съ Лизой.

ФАМУСОВЪ — *ей вслѣдъ вполголоса.*

Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ФАМУСОВЪ; ЧАЦКІЙ смотритъ въ дверь, въ которую вышла СОФЬЯ.

ФАМУСОВЪ.

Ну, выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ,
И грянулъ вдругъ, какъ съ облаковъ. *Обнимаются.*
Здорово, другъ! Здорово, братъ, здорово!
Разсказывай: чай, у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй. *Садятся.*

ЧАЦКІЙ — *разсѣянно.*

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

ФАМУСОВЪ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другого нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты.
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ!

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.

ФАМУСОВЪ.

«Сонъ въ руку» — мнѣ она изволила шепнуть —
Вотъ ты задумалъ...

ЧАЦКІЙ.

Я? ничуть!

ФАМУСОВЪ.

О комъ ей снилось? Что́ такое?

ЧАЦКІЙ.

Я не отгадчикъ сновъ.

ФАМУСОВЪ.

Не вѣрь ей: все пустое.

ЧАЦКІЙ.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ:
Вѣкъ не встрѣчалъ — подписку дамъ —
Что́ бъ было ей хоть нѣсколько подобно!

ФАМУСОВЪ.

Опъ все свое! Да разскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ?
Откудова теперь?

ЧАЦКІЙ.

Теперь мнѣ до того ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ
И не объѣхалъ сотой доли. *Поспѣшно встаетъ.*
Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. — Прощайте! — Черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду.
Вамъ первымъ: вы потомъ разсказывайте всюду.
Въ дверяхъ.
Какъ хороша! *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ X.

ФАМУСОВЪ—*одинъ.*

Который же изъ двухъ?
«Ахъ, батюшка! сонъ въ руку!»
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ: какого-жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давеча въ сомнѣнье ввелъ меня;
Теперь... да въ полмя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель,
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ.
Что́ за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФАМУСОВЪ и СЛУГА.

ФАМУСОВЪ.

Петрушка! Вѣчно ты съ обновкой.
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай, не такъ какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой же. На листкѣ черкни на записномъ
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Нофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!
Отмѣть-ка: въ тотъ-же день... нѣтъ, нѣтъ...
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! Пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть,

Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ — вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный каммергеръ,
Съ ключомъ, и сыну ключъ съумѣлъ доставить;
Богатъ — и на богатой былъ женатъ;
Пережегилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался—всѣ объ немъ съ прискорбьемъ вспоминаютъ:
«Максимъ Петровичъ! миръ ему!»
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ — одно ужъ къ одному,
А можетъ, въ пятницу, а можетъ, и въ субботу —
Я долженъ у вдовы у докторши крестить.
Она не родила, но по разсчету
По моему, должна родить.

ЯВЛЕНІЕ II.

ФАМУСОВЪ СЛУГА и ЧАЦКІЙ.

ФАМУСОВЪ.

А! Александръ Андреичъ! Просимъ.
Садитесь-ка.

ЧАЦКІЙ.

Вы заняты?

ФАМУСОВЪ—*слугѣ.*

Подп. *Слуга уходитъ.*

Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется, того гляди.

ЧАЦКІЙ.

Вы что-то нѐвеселы стали ..
Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
Не веселъ я!... Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

ЧАЦКІЙ.

Никто не приглашаетъ васъ.
Я только-что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?

ФАМУСОВЪ.

Тьфу, Господи прости! Пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и тоже!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь-ли жениться?

ЧАЦКІЙ.

А вамъ на что́?

ФАМУСОВЪ.

Меня не худо-бы спроситься:

Вѣдь я ей нѣсколько сродни;
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.

ЧАЦКІЙ.

Пусть я посватаюсь, вы что́ бы мнѣ сказали?

ФАМУСОВЪ.

Сказалъ-бы я, во-первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное — поди-ка послужи.

ЧАЦКІЙ.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились-бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ [1]).
На золотѣ ѣдалъ, сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при дворѣ — да при какомъ дворѣ!

---

[1]) По предположеніямъ г. Гарусова, въ лицѣ Максима Петровича, выставляемаго Фамусовымъ идеаломъ екатерининскаго вельможи, нужно видѣть родственника, дядю Грибоѣдова, Новосильцова, который дѣйствительно при Екатеринѣ игралъ роль при дворѣ, отличаясь свойствами Максима Петровича въ комедіи.

Тогда не то, что нынѣ [1]):
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны — въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся — тупеемъ не кивнутъ.
Вельможа въ случаѣ [2]), — тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ, и ѣлъ иначе.
А дядя,—что твой князь, что графъ!
Серьёзный взглядъ, надменный нравъ...
Когда же нужно прислужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На ку́ртагѣ [3]) ему случилось оступиться—
Упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ.
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой —
Изволили смѣяться... Какъ-же онъ?

[1]) Изъ напечат. въ «Рус. Старинѣ» 1874, VII, статьи «Тифлисс. Вѣдом.» 1832 г., видно, что послѣдующіе четыре стиха были измѣнены Грибоѣдовымъ, для предполагавшагося въ Тифлисѣ исполненія комедіи, такъ:

Тогда не то, что нынѣ,
При государынѣ служилъ Екатеринѣ.
Лѣтъ за сорокъ назадъ все было, братъ, чинъ чиномъ.
Тогда не всякій могъ быть важнымъ господиномъ;
Но всякій — важностью особенной надутъ.
Раскланяйся — тупеемъ не кивнутъ!

[2]) Выраженіе екатерининскихъ временъ, вмѣсто позднѣйшаго: фаворитъ.

[3]) Куртагъ—выраженіе прошлаго вѣка, составившееся изъ французскаго cour и нѣмецкаго Tag. — пріемъ при дворѣ.

Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ вдругорядь ужъ нарочно;
А хохотъ пуще,—онъ и въ третій также точно!
А? какъ по вашему? По нашему — смышленъ:
Упалъ онъ больно, — всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка?
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ! Да!... Вы, нынѣшніе — путка!

ЧАЦКІЙ.

И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши:
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, —
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ,
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда — тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли;
А тѣмъ, кто выше — лесть, какъ кружево, плели.
Прямой былъ вѣкъ покорпости и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю!
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю.
Его не возмутимъ мы праха.
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,

Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай, приговаривалъ: ахъ, еслибы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынѣче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

ЧАЦКІЙ.

Нѣтъ, нынѣче свѣтъ ужъ не таковъ!

ФАМУСОВЪ.

Опасный человѣкъ!

ЧАЦКІЙ.

Вольнѣе всякій дышетъ,
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

ФАМУСОВЪ.

Что́ говоритъ! — а говоритъ какъ пишетъ!

ЧАЦКІЙ.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

ФАМУСОВЪ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

ЧАЦКІЙ.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

ФАМУСОВЪ.

Да онъ властей не признаётъ!

ЧАЦКІЙ.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

ФАМУСОВЪ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

ЧАЦКІЙ.

Я, наконецъ, вамъ отдыхъ дамъ...

ФАМУСОВЪ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

ЧАЦКІЙ.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно;
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу, —
Ужъ такъ и быть, я не запла́чу.

ФАМУСОВЪ.

И знать васъ не хочу; разврата не терплю!

ЧАЦКІЙ.

Я досказалъ.

ФАМУСОВЪ.

Добро, заткнулъ я уши!

ЧАЦКІЙ.

На что-жъ? Я ихъ не оскорблю.

ФАМУСОВЪ—*скороговоркой.*

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
Воротятся — отъ нихъ порядка жди!

ЧАЦКІЙ.

Я пересталъ...

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй, пощади!

ЧАЦКІЙ.

Длить споры не мое желанье.

ФАМУСОВЪ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и СЛУГА.

СЛУГА.

Полковникъ Скалозубъ.

ФАМУСОВЪ—*ничего не видитъ и не слышитъ.*

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ, какъ пить дадутъ!

ЧАЦКІЙ.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на-домъ.

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю: подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю... подъ судъ, подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Да обернитесь, васъ зовутъ.

ФАМУСОВЪ—*оборачивается.*

А? бунтъ? Я такъ и жду содома!

СЛУГА.

Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

ФАМУСОВЪ—*встаетъ.*

Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись! *Слуга уходитъ.*
Пожалуйста, судáрь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный.
И знаковъ тьму отличья нахваталъ;
Не по лѣтáмъ и чинъ завидный:
Не нынче, завтра—генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько.
Эхъ, Александръ Андрепчъ! Дурно, братъ!..
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:

Вотъ будто женится на Софьюшкѣ... Пустое!
Онъ, можетъ-быть, и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня:
Вѣдь Софья молода. А, впрочемъ, — власть Господня!
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось...
Однако, нѣтъ его! Какую бы причину?...
А! знать, пошелъ ко мнѣ въ другую половину.

Поспѣшно уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЧАЦКІЙ—*одинъ.*

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья!.. Нѣтъ ли вирямь тутъ жениха какого?
Съ которыхъ поръ меня дичится какъ чужого?
Какъ здѣсь бы ей не быть?
Кто этотъ Скалозубъ?.. Отецъ имъ сильно бредитъ;
А можетъ быть, не только что отецъ...
Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧАЦКІЙ, ФАМУСОВЪ и СКАЛОЗУБЪ [1]).

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ! къ намъ, сюда-съ,
Прошу покорно,—здѣсь теплѣе;
Прозябли вы—согрѣемъ васъ,
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе...

СКАЛОЗУБЪ—*густымъ басомъ.*

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ?.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ!

ФАМУСОВЪ.

Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ, дорогóй,
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу,
Вотъ вамъ софа: раскиньтесь на покой...

СКАЛОЗУБЪ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.

Всѣ трое садятся; Чацкій поодалъ.

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:

---

1) Скалозубъ снятъ съ натуры, и хотя потомъ подновленъ нѣсколькими чертами, взятыми у *одной* опредѣленной личности (именно, генерала Фролова), представляетъ собирательный характеръ. Въ свое время въ немъ любили находить сходство съ Паскевичемъ, Аракчеевымъ, а также съ другимъ высокопоставленнымъ лицомъ, особенно извѣстнымъ въ свое время боготвореніемъ фронтовой службы.

Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно,—
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

СКАЛОЗУБЪ.

Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ, я переѣзжей родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки.
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку, иль къ мѣстечку,
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку!
Однако, братецъ вашъ—мнѣ другъ, и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ-пятомъ.

ФАМУСОВЪ.

Да! счастье, у кого есть этакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

СКАЛОЗУБЪ.

За третье августа; засѣли мы въ траншею;
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ—на шею.

ФАМУСОВЪ.

Любезный человѣкъ! И посмотрѣть, такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ—двоюродный вашъ братъ!

СКАЛОЗУБЪ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ [1]):
Чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревню,—книги сталъ читать.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ молодость!.. Читать... а послѣ, хвать!
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

СКАЛОЗУБЪ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ:
Ваканціи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ.
Другіе, смотришь, перебиты.

ФАМУСОВЪ.

Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!

---

[1]) Варіантъ слѣдующихъ трехъ стиховъ по первоначальной редакціи еще болѣе оттѣнялъ противоположность воззрѣній обоихъ братьевъ и враждебность отношеній отживавшаго поколѣнія къ новому:

Но крѣпко заражонъ теперешнимъ столѣтьемъ:
Представьте, капитанъ по списку былъ онъ третьимъ,
Въ отставку вышелъ вдругъ, и книги сталъ читать...

СКАЛОЗУБЪ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ:
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ, хоть сказать, бригадномъ генералѣ.

ФАМУСОВЪ.

Помилуйте, а вамъ чего недостаетъ?

СКАЛОЗУБЪ.

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полкомъ два года поводили [1]).

ФАМУСОВЪ.

Въ погонь ли за полкомъ?
За то, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянуться!

СКАЛОЗУБЪ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ-девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу:
Мнѣ только бы добиться въ генералы.

---

1) Въ первоначальной редакціи гораздо типичнѣе выступала непасытная жадность Скалозуба къ орденамъ:

ФАМУСОВЪ.

Помилосердуйте! въ крестахъ ли недочетъ?

СКАЛОЗУБЪ.

Шесть, семь ихъ у меня; да еслибъ было десять,
Не худо бы еще одинъ привѣсить.

ФАМУСОВЪ.

И славно судите! Дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ,—а тамъ,
Зачѣмъ откладывать бы дальше,
Рѣчь завести о генеральшѣ?..

СКАЛОЗУБЪ.

Жениться? я ничуть не прочь.

ФАМУСОВЪ.

Что-жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода:
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва!

СКАЛОЗУБЪ.

Дистанція огромнаго размѣра!

ФАМУСОВЪ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера;
На все свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенькій, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой, хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ!

Да это ли одно! Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь,
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько,—про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы: отъ головы до пятокъ
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ!
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, сынковъ и внýчатъ:
Журимъ мы ихъ, а если разберешь,—
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички?—Какъ ихъ возметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что́ слово—приговоръ.
Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что, еслибъ кто подслушалъ ихъ—бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили,—никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло [1]).

---

1) Со временъ Екатерины Москва сдѣлалась центромъ недовольной знати, которая, оскорбленная чѣмъ-либо въ своемъ честолюбіи, тѣмъ не менѣе все ожидала въ своемъ добровольномъ изгнаніи, что ее снова призовутъ на прежнее поприще. Поэтому убѣжденіе Фамусова, что безъ

А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ; надъ ними нѣтъ судей.
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣніе! Вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ,—всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ,—
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно. Можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ—все съ ужимкой!
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что патріотки...
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!

СКАЛОЗУБЪ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

этихъ отставныхъ канцлеровъ дѣло не обойдется, указываетъ на надежду замѣны прежнихъ либеральныхъ совѣтниковъ Александра представителями старой государственной школы.

ФАМУСОВЪ.

Не помипайте намъ! Ужъ мало ли крехтятъ [1])!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на новый ладъ.

ЧАЦКІЙ.

Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

ФАМУСОВЪ—*Чацкому.*

Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать—не велика услуга.—*Скалозубу.*
Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служитъ, то-есть въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой!
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ.
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

ЧАЦКІЙ.

Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

ФАМУСОВЪ.

Не я одинъ,—всѣ такъ-же осуждаютъ.

ЧАЦКІЙ.

А судьи кто? За древностію лѣтъ,

---

[1]) Это выраженіе замѣняется въ различныхъ спискахъ словами: *мостятъ* или *крестятъ*.

Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма;
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ,
Что старѣе, то хуже [1]).

---

[1]) Вотъ первоначальная редакція этихъ первыхъ восьми стиховъ монолога:

Какъ истинно: въ Москвѣ всему своя печать.
Есть добродѣтели, которыя хоть стары,
А продолжаютъ вѣковать,
Преодолѣвъ и моды, и пожары.
Чтобъ не трудить себѣ ума,
Мы скажемте: все нынче какъ бывало...
И прежде были тѣ-жъ открытые дома,
Вводили все, что̀ ни попало,
Ѣсть, пить и предавать на судъ
Столовъ убранство, роскошь блюдъ;
А путешественникъ не разъ середь обѣда
Тишкомъ разгадывалъ на лбу
Иного земляка-сосѣда,
Что былъ привиченъ онъ къ позорному столбу.
Вамъ нравится въ сынкахъ отцовское наслѣдство.
И прежде имъ плелись подобные вѣнки.
Людьми считались съ малолѣтства
Патриціевъ дворянскіе сынки.
Въ заслуги ставили имъ души родовыя;
Любили ихъ, ласкали ихъ,
И причитались къ нимъ въ родные.
Тогда, какъ и теперь, соборы всѣхъ сѣдыхъ

Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не тѣ ли, что, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты?
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины, и танцы?
Не тотъ ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитятею возили на поклонъ [1])?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь, и жизнь его не разъ спасали,—вдругъ

Бранятъ, чего не разумѣютъ,
А рѣдко путное затѣютъ;—
Всегда готовые къ журьбѣ,
Пѣвали прежде пѣсню ту же,
Не замѣчая о себѣ,
Чѣмъ старѣе, тѣмъ хуже.

1) Черта чисто автобіографическая. Бѣгичевъ разсказываетъ въ запискѣ, составленной для г. Смирнова, что дядя Грибоѣдова старался всѣми силами ввести молодого человѣка въ лучшее общество; вѣчно приходилось отстраняться отъ навязчивыхъ попеченій дяди. Грибоѣдовъ, замѣтивъ, что дядя въѣзжаетъ къ нимъ на дворъ, чтобы везти его съ собой куда-нибудь, притворялся часто больнымъ.

Онъ вымѣнялъ на нихъ борзыя три собаки!
Или—вотъ тотъ еще, который для затѣй
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей [1])?
Самъ, погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!...
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослыветъ у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
Мундиръ! одинъ мундиръ!... Онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый—

---

[1]) Относится къ личности, получившей въ свое время извѣстность,—генералу Измайлову, о звѣрскомъ обращеніи котораго съ крестьянами говоритъ напечатанное недавно («Русск. Стар». 1872, XII) современное судебное дѣло.

Ихъ слабодушіе, разсудка нищету... [1])
И намъ за ними въ путь счастливый!
И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть.
Но кто-бъ тогда за всѣми не увлекся [2])!
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины—ура!
И въ воздухъ чепчики бросали.

ФАМУСОВЪ—*про себя.*

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду! *Громко.*
Сергѣй Сергѣичъ! Я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. *Уходитъ.*

1) Первоначальная редакція:
Когда-то прикрывалъ. пристойно и красиво,
Ничтожность, пустоту порока, глупость ихъ.

2) Повидимому, намекъ автобіографическій. Грибоѣдову, какъ видно изъ его писемъ, совѣстно было за себя, что онъ могъ провести нѣсколько раннихъ лѣтъ въ обществѣ «казарменныхъ готтентотовъ», ставшихъ ему впослѣдствіи ненавистными. Къ патріотическому настроенію, увлекшему ему съ университетской скамьи въ гусарскій полкъ, вѣроятно, примѣшалось также и понятное въ молодомъ мальчикѣ временное увлеченіе мундиромъ и показной стороной кавалерійскаго житья. И вотъ онъ влагаетъ слова самообличенія Чацкому, также поддавшему такому увлеченію.

ЯВЛЕНІЕ VI.

СКАЛОЗУБЪ и ЧАЦКІЙ.

СКАЛОЗУБЪ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, гвардіонцамъ.
Ихъ золоту, шитью дивятся, будто солнцамъ!
А въ первой арміи когда отстали? Въ чемъ [1])?
Все такъ прилажено, и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски!

---

[1]) Извѣстны два варіанта отвѣта Скалозуба; наиболѣе замѣчательный принадлежитъ первоначальной редакціи, другой напечатанъ позднѣе:

Первоначально:

А въ первой арміи какъ выправленъ солдатъ!
Мундиры пригнаны по тальямъ, всѣ въ обхватъ,
И платья нижнія облѣплены, такъ узки,
Въ шагу доходятъ какъ ни въ чемъ;
И офицеровъ вамъ начтемъ, и т.-д.

Позднѣе:

А въ первой арміи теперь не то, что встарь!
Однажды на смотру изволилъ государь
Замѣтить самолично,
Что выправка и стойка—все отлично.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же; СОФЬЯ и ЛИЗА.

СОФЬЯ —*бѣжитъ къ окну.*

Ахъ, Боже мой! упалъ! убился!

Падаетъ въ обморокъ.

ЧАЦКІЙ.

Кто?

Кто это?

СКАЛОЗУБЪ.

Съ кѣмъ бѣда?

ЧАЦКІЙ.

Она мертва отъ страху!

СКАЛОЗУБЪ.

Да кто? Откудова?

ЧАЦКІЙ.

Ушибся обо что́?

СКАЛОЗУБЪ.

Ужъ не старикъ-ли нашъ далъ маху?

ЛИЗА —*хлопочетъ около барыни.*

Кому назначено-съ, не миновать судьбы!
Молчалинъ на лошадь садился: ногу въ стремя,
А лошадь на дыбы;
Онъ объ землю—и прямо въ темя!

СКАЛОЗУБЪ.

Поводья затянулъ; ну, жалкій же ѣздокъ!
Взглянуть, какъ треснулся онъ, грудью или въ бокъ?

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, безъ СКАЛОЗУБА.

ЧАЦКІЙ.

Помочь ей чѣмъ, скажи скорѣе?

ЛИЗА.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ.

Чацкій бѣжитъ и приноситъ воду. Все слѣдующее вполголоса, до того, какъ очнется Софья.

ЛИЗА.

Стаканъ налейте.

ЧАЦКІЙ.

Ужъ налитъ.
Шнуровку отпусти вольнѣе,
Виски ей уксусомъ потри,
Опрыскивай водой! Смотри:
Свободнѣе дыханье стало...
Повѣять чѣмъ?

ЛИЗА.

Вотъ опахало.

ЧАЦКІЙ.

Гляди въ окно:
Молчалинъ на ногахъ давно.
Бездѣлица ее тревожитъ.

ЛИЗА.

Да-съ, барышнинъ несчастливъ нравъ:
Со стороны смотрѣть не можетъ,
Какъ люди падаютъ стремглавъ.

ЧАЦКІЙ.

Опрыскивай еще водою.
Вотъ такъ, еще, еще...

СОФЬЯ—*съ глубокимъ вздохомъ.*

Кто здѣсь со мною?
Я точно какъ во снѣ? *Торопливо и громко.*
Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ...

ЧАЦКІЙ.

Пускай себѣ сломилъ-бы шею!
Васъ чуть-было не уморилъ.

СОФЬЯ.

Убійственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать пѣту силъ!

ЧАЦКІЙ.

Прикажете мнѣ за него терзаться?

СОФЬЯ.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться!...

ЧАЦКІЙ.

Чтобъ оставались вы безъ помощи, однѣ?

СОФЬЯ.

На что́ вы мнѣ?
Да, правда, не свои бѣды—для васъ забавы;
Отецъ родной убейся—все равно! *Лизѣ.*
Пойдемъ туда, бѣжимъ!

ЛИЗА—*отводитъ ее въ сторону.*

Опомнитесь! куда вы?
Онъ живъ, здоровъ: смотрите здѣсь въ окно.

Софья смотритъ въ окно.

ЧАЦКІЙ.

Смятенье! обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ испуга!
Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга!

СОФЬЯ.

Сюда идутъ. Рукй не можетъ онъ поднять!...

ЧАЦКІЙ.

Желалъ бы съ нимъ убиться.

ЛИЗА.

Для компаньи [1])?

---

[1]) Сначала и эти два слова должны были произноситься Чацкимъ, но князь Вяземскій, которому авторъ читалъ рукопись, нашелъ, что влюбленному Чацкому въ его смущенномъ состояніи неловко произнести пошлое выраженіе: *для компаньи.* Грибоѣдовъ согласился съ этимъ, и заставилъ Лизу сказать такъ.

СОФЬЯ.

Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, СКАЛОЗУБЪ и МОЛЧАЛИНЪ, съ подвязанной рукой.

СКАЛОЗУБЪ.

Воскресъ и невредимъ! рука
Ушиблена слегка;
А впрочемъ, все фальшивая тревога.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я васъ перепугалъ; простите, ради Бога!

СКАЛОЗУБЪ.

Ну, я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирритація: опро́метью вбѣжали—
Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали,—
И что-жъ? Весь страхъ изъ ничего!

СОФЬЯ—*не глядя ни на кого.*

Ахъ! очень вижу: изъ пустого,—
А вся еще теперь дрожу.

ЧАЦКІЙ—*про себя.*

Съ Молчалинымъ — ни слова!

СОФЬЯ—*по прежнему.*

Однако о себѣ скажу,
Что не труслива: такъ бываетъ,

Карета свалится; поднимутъ — я опять
Готова съизнова скакать;
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ;
Хоть нѣтъ великаго несчастья оттого,
Хоть незнакомый мнѣ, до этого нѣтъ дѣла...

ЧАЦКІЙ—*про себя.*

Прощенья просить у него,
Что разъ о комъ-то пожалѣла.

СКАЛОЗУБЪ.

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздница, вдова—но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ—
На дняхъ расшиблась впухъ,
Жокей не поддержалъ,—считалъ онъ видно мухъ!
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа;
Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

СОФЬЯ.

Ахъ, Александръ Андреичъ! вотъ,
Явитесь вы вполнѣ великодушны:
Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны!

ЧАЦКІЙ.

Да-съ! Это я сейчасъ явилъ
Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,

И прысканьемъ, и оттираньемъ...
Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ.
Беретъ шляпу и уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, кромѣ ЧАЦКАГО.

СОФЬЯ—*Скалозубу.*

Вы вечеромъ къ намъ будете?

СКАЛОЗУБЪ.

Какъ рано?

СОФЬЯ.

Пораньше. Съѣдутся домашніе друзья
Потанцовать подъ фортепьяно:
Мы въ траурѣ,—такъ бала дать нельзя.

СКАЛОЗУБЪ.

Явлюсь; но къ батюшкѣ зайти я обѣщался
Откланяться.

СОФЬЯ.

Прощайте.

СКАЛОЗУБЪ—*жметъ руку Молчалину.*

Вашъ слуга! *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ XI.

СОФЬЯ, ЛИЗА и МОЛЧАЛИНЪ.

СОФЬЯ.

Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога,
Зачѣмъ же ей играть — и такъ неосторожно!
Скажите, что́ у васъ съ рукой?
Не дать ли капель вамъ? Не нуженъ ли покой?
Пошлите къ доктору: пренебрегать не должно.

МОЛЧАЛИНЪ.

Платкомъ перевязалъ, не больно мнѣ съ тѣхъ поръ.

ЛИЗА.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ;
И еслибъ не къ лицу, не нужно-бъ и повязки.
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки:
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ;
И Скалозубъ, какъ свой хохолъ закрутитъ,
Разскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ. —
Шутить и онъ гораздъ: вѣдь нынѣче кто не шутитъ!

СОФЬЯ.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу.
Молчалинъ! будто я себя не принуждала?
Вошли вы — слова не сказала,

При нихъ не смѣла и дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть!

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны.

СОФЬЯ.

Откуда скрытность почерпнуть [1])?
Готова я была въ окошко къ вамъ спрыгнуть.
Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно?—пусть шутятъ ихъ! Досадно?—пусть бранятъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Не повредила бы намъ откровенность эта!

СОФЬЯ.

Неужто на дуэль васъ вызвать захотятъ [2])?

МОЛЧАЛИНЪ.

Ахъ, злые языки страшнѣе пистолета.

ЛИЗА.

Сидятъ они у батюшки теперь;
Вотъ кабы вы порхнули въ дверь

---

[1]) Въ трехъ печатныхъ изданіяхъ слово скрытность почему-то замѣнено словомъ скромность, что совершенно противорѣчитъ характеру Софьи, которой не могло бы придти въ голову хвастаться своей нескромностью; она даже отношеніямъ къ Молчалину пытается придать какъ-бы сентиментальный оттѣнокъ.

[2]) Боязнь мести со стороны Чацкаго есть отголосокъ первоначальнаго замысла, по которому, какъ будетъ показано ниже, эта боязнь должна была пройти по всей комедіи вплоть до развязки.

Съ лицомъ веселымъ, беззаботно...
Когда намъ скажутъ, что хотимъ —
Куда какъ вѣрится охотно!
И Александръ Андреичъ... съ нимъ
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ;—
Улыбочка и пара словъ...
А кто влюбленъ — на все готовъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Я вамъ совѣтовать не смѣю. *Цѣлуетъ Софьѣ руку.*

СОФЬЯ.

Хотите вы? пойду любезничать сквозь слезъ!
Боюсь, что выдержать притворства не съумѣю...
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ! *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ XII.

МОЛЧАЛИНЪ и ЛИЗА.

МОЛЧАЛИНЪ.

Веселое созданье ты, живое!

ЛИЗА.

Прошу пустить: и безъ меня васъ двое.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какое личико твое!
Какъ я тебя люблю!

ЛИЗА.

А барышню?

МОЛЧАЛИНЪ.

Ее —

По должности; тебя...—*Хочетъ ее обнять.*

ЛИЗА.

Отъ скуки?

Прошу, подальше руки!

МОЛЧАЛИНЪ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ — прехитрая работа!
Снаружи зеркальце и зеркальце внутри;
Кругомъ все прорѣзь, позолота;
Подушечка, изъ бисера узоръ
И перламутровый приборъ:
Игольничекъ и ноженки — какъ милы!
Жемчуженки, растертыя въ бѣлилы;
Помада есть для губъ, и для другихъ причинъ,
Съ духами сткляночки: есть резеда, жасминъ.

ЛИЗА.

Вы знаете, что я не льщусь на интересы.
Скажите лучше, почему
Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

МОЛЧАЛИНЪ.

Сегодня боленъ я, обвязки не сниму:
Приди въ обѣдъ, побудь со мною,
Я тайну всю тебѣ открою. *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЛИЗА и СОФЬЯ.

СОФЬЯ.

Была у батюшки, тамъ нѣту никого.
Сегодня я больна и не пойду обѣдать;
Скажи Молчалину и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.

Уходитъ къ себѣ въ комнату.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ЛИЗА—*одна.*

Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ!
А я?... Одна лишь я любви до смерти трушу...
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЧАЦКІЙ, потомъ СОФЬЯ.

ЧАЦКІЙ.

Дождусь ея и вынужу признанье.
Кто наконецъ ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!...
Жалчайшее созданье!
Ужъ развѣ поумнѣлъ?... А тотъ —
Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви — играть ей вѣчно въ жмурки,
А мнѣ...

Софья входитъ.

Вы здѣсь? Я очень радъ,
Я этого желалъ.

СОФЬЯ—*про себя.*

И очень невпопадъ!

ЧАЦКІЙ.

Конечно, не меня искали?

СОФЬЯ.

Я не искала васъ.

ЧАЦКІЙ.

Дознаться мнѣ нельзя-ли, —
Хоть и не кстати, нужды нѣтъ, —
Кого вы любите?

СОФЬЯ.

Ахъ, Боже мой! Весь свѣтъ.

ЧАЦКІЙ.

Кто болѣе вамъ милъ?

СОФЬЯ.

Есть многіе, родные...

ЧАЦКІЙ.

Всѣ болѣе меня?

СОФЬЯ.

Иные!

ЧАЦКІЙ.

И я чего хочу, когда все рѣшено!
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно!

СОФЬЯ.

Хотите-ль знать вы истины два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,—
У васъ тотчасъ ужъ острота готова;
А сами вы...

ЧАЦКІЙ.

А самъ? не правда ли, смѣшонъ?

СОФЬЯ.

Да, грозный взглядъ и рѣзкій тонъ —
И этихъ въ васъ особенностей бездна...
А падъ собой гроза куда не безполезна!

ЧАЦКІЙ.

Я странень? а не странень кто-нъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ —
Молчалинъ, напримѣръ?

СОФЬЯ.

Примѣры мнѣ не новы;
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ извить готовы;
А я, чтобъ не мѣшать, отсюда удалюсь.

ЧАЦКІЙ — *удерживаетъ ее.*

Постойте-же! — *Въ сторону.*

Разъ въ жизни притворюсь. — *Громко.*

Оставимте мы эти пренья.
Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ.
Быть можетъ, онъ не то, что три года назадъ.
Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ [1]).
И люди важные слыли за дураковъ,
Иной по арміи, другой плохимъ поэтомъ.

---

[1]) Чацкій предпринялъ заграничное путешествіе, еще оставляя на родинѣ отголоски обновленія, произведеннаго въ обществѣ наполеоновскими войнами; возвратясь, онъ долженъ былъ застать начало сумрачнаго періода двадцатыхъ годовъ. Оттуда этотъ намекъ на быстрыя превращенія правленій, нравовъ и умовъ.

Иной... боюсь назвать, но признано всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геніи смѣлый,
Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою — вы, вамъ угожденье?
Самъ это чувствую, сказать лишь не могу;
Но что́ теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ.
Не пожелалъ-бы я и личному врагу!...
А онъ?... смолчитъ и голову повѣситъ!
Конечно, смиренъ, — всѣ такіе не рѣзвы;
Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта:
Богъ знаетъ, за него что́ выдумали вы [1],
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита!
Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему.
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы во сто разъ грѣшнѣе...
Нѣтъ, нѣтъ! Пускай уменъ, часъ отъ часу умнѣе,
Но васъ онъ стоитъ-ли? Вотъ вамъ одинъ вопросъ.
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,

[1]) Въ другихъ рукописяхъ иначе:
Богъ знаетъ, за него что такъ вступились вы.

Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ!
Потомъ
Отъ сумасшествія могу я остеречься:
Пущусь подалѣе — простыть, охолодѣть,
Не думать о любви; тамъ буду я умѣть,
Теряясь по свѣту, забыться и развлечься!...

СОФЬЯ—*про себя.*

Вотъ нехотя съ ума свела!—*Вслухъ.*
Что притворяться?
Молчалинъ давеча могъ безъ руки остаться;
Я живо въ немъ участье приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились разсчесть,
Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору
Но, можетъ, истина въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту.
Зачѣмъ-же быть, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ невоздержну на языкъ?
Въ презрѣньи къ людямъ такъ нескрыту,
Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ?... Чего!
Случись кому назвать его—
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станетъ?

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, Боже мой! Неужли я изъ тѣхъ,

Которыхъ цѣль всей жизни — смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.

СОФЬЯ.

Напрасно: это все относится къ другимъ.
Молчалинъ вамъ наскучилъ бы сдвали,
Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

ЧАЦКІЙ—*съ жаромъ.*

Зачѣмъ же вы его такъ коротко узнали?

СОФЬЯ.

Я не старалась. Богъ насъ свелъ.
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ.
При батюшкѣ три года служитъ;
Тотъ часто безъ-толку сердитъ, —
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ.
И между прочимъ
Веселостей искать бы могъ —
Ничуть: отъ старичковъ не ступитъ за порогъ;
Мы рѣзвимся, хохочемъ, —
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, — радъ не радъ,
Играетъ...

ЧАЦКІЙ.

Цѣлый день играетъ!
Молчитъ, когда его бранятъ...—*Въ сторону.*
Она его не уважаетъ.

СОФЬЯ.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для другихъ чума,
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ на поваль,
Чтобъ свѣтъ о немъ хоть что-нибудь сказалъ...
Да этакій ли умъ семейство осчастливитъ?

ЧАЦКІЙ.

Сатира иль мораль—смыслъ этого всего?—*Въ сторону.*
Она не ставитъ въ грошъ его!

СОФЬЯ.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ;
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ;
Чужихъ и вкривь, и вкось не рубитъ...
Вотъ я за что его люблю!

ЧАЦКІЙ—*въ сторону.*

Шалитъ! она его не любитъ!—*Вслухъ.*
Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣнье!
За армію стоитъ горой...
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ—герой...

СОФЬЯ.

Не моего романа.

ЧАЦКІЙ.

Не вашего? Кто-жъ разгадаетъ васъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

ЧАЦКІЙ, СОФЬЯ и ЛИЗА.

ЛИЗА—*шопотомъ*.

Сударыня! за мной сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

СОФЬЯ.

Простите,—надобно идти мнѣ поскорѣй...

ЧАЦКІЙ.

Куда?

СОФЬЯ.

Къ прикмахеру.

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ нимъ!

СОФЬЯ.

Щипцы простудитъ.

ЧАЦКІЙ.

Пускай себѣ...

СОФЬЯ.

Нельзя: ждемъ на вечеръ гостей.

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ вами! остаюсь опять съ моей загадкой.
Однако, дайте мнѣ войти, хотя украдкой,

Къ вамъ въ комнату, на нѣсколько минутъ.
Тамъ стѣны, воздухъ—все пріятно;
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминаніемъ о томъ, что́ невозвратно!
Не засижусь; войду, всего минуты двѣ...
Потомъ, подумайте: членъ англійскаго клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба.

Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается; за нею Лиза.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЧАЦКІЙ, потомъ МОЛЧАЛИНЪ.

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ избранъ ей?
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало;
Но чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало?
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть...

Молчалинъ входитъ.

Вотъ онъ—на цыпочкахъ и не богатъ словами.
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть?

Обращается къ нему.

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Неудалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынѣче, безъ печали?

МОЛЧАЛИНЪ.

По прежнему-съ.

ЧАЦКІЙ.

А прежде какъ живали?

МОЛЧАЛИНЪ.

День за день,—нынѣче, какъ вчера.

ЧАЦКІЙ.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

ЧАЦКІЙ.

Взманили почести и знатность?

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ.

ЧАЦКІЙ.

У васъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

ЧАЦКІЙ.

Чудеснѣйшіе два! И стоютъ нашихъ всѣхъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Вамъ не дались чины? По службѣ неуспѣхъ?

ЧАЦКІЙ.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ удивлялись мы...

ЧАЦКІЙ.

Какое-жъ диво тутъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Жалѣли васъ.

ЧАЦКІЙ.

Напрасный трудъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то [1]),
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

ЧАЦКІЙ.

Ей почему забота?

МОЛЧАЛИНЪ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

ЧАЦКІЙ.

Я съ нею не знакомъ.

---

[1]) Сначала «Татьяна Дмитревна». По свѣдѣніямъ г. Гарусова, тутъ имѣлась въ виду «крайне вліятельная въ то время, сильная и высокопоставленная личность, Прасковья Юрьевна Кологривова», два раза бывшая замужемъ и оба раза занимавшая по своимъ связямъ высокое мѣсто въ свѣтѣ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Съ Татьяной Юрьевной?

ЧАЦКІЙ.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.

Слыхалъ, что вздорная...

МОЛЧАЛИНЪ.

Да это, полно, та ли-съ!

Татьяна Юрьевна!.. извѣстная... Притомъ,

Чиновные и должностные —

Всѣ ей друзья и всѣ родные!

Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ [1])...

ЧАЦКІЙ.

На что-же?

МОЛЧАЛИНЪ.

Такъ... Частенько тамъ

Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

---

[1]) Отвѣтъ Молчалина въ настоящей, окончательной редакціи слабѣе первоначальнаго наброска, гдѣ обрисована была мѣтко и живо не Татьяна Юрьевна, а мужъ ея, очевидно списанный опять съ какого-нибудь опредѣленнаго оригинала. Вотъ этотъ набросокъ:

Татьяна Дмитревна! Ея извѣстенъ домъ,
Живетъ по старинѣ и рождена въ боярствѣ,
Мужъ занимаетъ постъ изъ первыхъ въ государствѣ,
Любезенъ, лакомка до вкусныхъ блюдъ и винъ,
Съ женой въ ладу, по службѣ ею дышетъ,
Она прикажетъ—онъ подпишетъ...
Къ Татьянѣ Дмитревнѣ вы съѣздите.

ЧАЦКІЙ.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
А лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, что́ бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать, и весело пожить!

ЧАЦКІЙ.

Когда въ дѣлахъ—я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искуспиковъ,—я не изъ ихъ числа.

МОЛЧАЛИНЪ.

Простите. Впрочемъ, тутъ не вижу преступленья;
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ... Знакомъ вамъ онъ?

ЧАЦКІЙ.

Ну, что-жъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья,
Изъ Петербурга къ намъ переведенъ...

ЧАЦКІЙ.

Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ можно? Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ!
Читали вы?

ЧАЦКІЙ.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ [1]).

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть,
Не сочинитель я...

ЧАЦКІЙ.

И по всему замѣтно.

МОЛЧАЛИНЪ.

Не смѣю моего сужденья произнесть...

ЧАЦКІЙ.

Зачѣмъ же такъ секретно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ мои лѣта не должно имѣть
Свое сужденіе имѣть.

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты!
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

МОЛЧАЛИНЪ.

Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ.

ЧАЦКІЙ.

Зачѣмъ же надобно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

[1]) Эту насмѣшку относили къ сборнику большею частью бездарныхъ произведеній, напечатанному подъ притязательнымъ заглавіемъ: «Образцовыя сочиненія».

ЧАЦКІЙ—*почти громко.*

Съ такими чувствами, съ такой душою
Любимъ!.. Обманщица, смѣялась надо мною!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вечеръ; всѣ двери настежь, кромѣ двери въ спальню Софьи. Въ перспективѣ открывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ.

СЛУГИ *суетятся; одинъ изъ нихъ,* ГЛАВНЫЙ, *говоритъ:*

Эй, Филька, Ѳомка, ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей!
Стучится къ Софьѣ въ дверь.
Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и съ мужемъ; и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета.
Расходятся; остается одинъ Чацкій.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЧАЦКІЙ и НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА [1]).

Не ошибаюсь ли? Онъ точно, по лицу...
Ахъ, Александръ Андрепчъ, вы ли?

[1]) Въ примѣчательной галлереѣ женскихъ характеровъ, обрисованной авторомъ и обнимающей всѣ возрасты и положенія женщины въ обществѣ, начиная отъ княженъ Тугоуховскихъ до Хлёстовой или Хрюминой, Наталья Дмитріевна представляетъ важное звено; это—Софья, вышедшая замужъ и стремящаяся захватомъ власти надъ мужемъ отмстить за прежнее подчиненное положеніе.

ЧАЦКІЙ.

Съ сомнѣньемъ смо̀трите отъ ногъ до головы;
Неужто такъ меня три года измѣнили?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно ли?

ЧАЦКІЙ.

Нынче лишь...

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Надолго?

ЧАЦКІЙ.

Какъ случится.
Однако кто, смотря на васъ, не подивится!
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ во всѣхъ чертахъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Я замужемъ.

ЧАЦКІЙ.

Давно бы вы сказали.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Мой мужъ—прелестный мужъ; вотъ онъ сейчасъ войдетъ,
Я познакомлю васъ,—хотите?

ЧАЦКІЙ.

Прошу.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

И знаю напередъ,
Что вамъ поправится. Взгляните и судите.

ЧАЦКІЙ.

Я вѣрю,—онъ вамъ мужъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

О, нѣтъ-съ! не потому.
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный,
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно, былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЧАЦКІЙ, НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА и ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ [1]).

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

---

[1]) Въ лицѣ Горичева изображенъ старый пріятель и родственникъ Грибоѣдова, Илья Ивановичъ Огаревъ (а не Обрѣзковъ, какъ думали другіе). Авторъ, по семейнымъ разсказамъ, самъ же пріѣхалъ къ другу и признался, что вставилъ его въ комедію. Горичевъ является изо всего Фамусовскаго общества единственной доброй и честной, хотя и слабой личностью; симпатіи автора не покидаютъ его, насмѣшка надъ нимъ

ЧАЦКІЙ.

Ба!
Другъ старый! Мы давно знакомы.—Вотъ судьба!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Здорово, Чацкій, братъ!

ЧАЦКІЙ.

Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.

ЧАЦКІЙ.

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Нѣтъ! Есть таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...

ЧАЦКІЙ.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Братъ, женишься, тогда меня вспомянь:
Отъ скуки будешь ты свистать одно и тоже.

добродушная, а въ рѣзкомъ отзывѣ добряка о Загорѣцкомъ (явл. IX) показано, что онъ понимаетъ темныя стороны своего общества и только таитъ въ себѣ негодованіе.

ЧАЦКІЙ.

Отъ скуки? Какъ? Ужъ ты ей платишь дань?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... Иногда скучаетъ по утрамъ.

ЧАЦКІЙ.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть праздным?
Въ полкъ!.. эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

ЧАЦКІЙ.

Здоровьемъ слабъ? Давно-ли?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Все ревматизмъ, и головныя боли.

ЧАЦКІЙ.

Движенья болѣе. Въ деревню, въ теплый край!
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай!

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?

ЧАЦКІЙ.

Москву и городъ!... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?..

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Да, братъ, теперь не такъ!..

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Ахъ, мой дружочекъ,
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ!
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Теперь, братъ, я не тотъ!..

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Послушайся разочекъ,
Мой милый, застегнись скорѣй.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ—*равнодушно.*

Сейчасъ...

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Теперь, братъ, я не тотъ!..

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ — *поднимая глаза къ небу.*

Ахъ, матушка!

ЧАЦКІЙ.

Ну, Богъ тебя суди!

Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время.
Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ?.. Лишь утро—ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ — *вздыхаетъ.*

Эхъ, братецъ! Славное тогда житье-то было.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и КНЯЗЬ и КНЯГИНЯ ТУГОУХОВСКІЕ съ шестью дочерьми [1]).

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА—*тоненькимъ голоскомъ.*

Князь Петръ Ильичъ! княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи, Мими! *Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ.*

1-Я КНЯЖНА.

Какой фасонъ прекрасный!

2-Я КНЯЖНА.

Какія складочки!

---

[1]) Несмотря на распространенное мнѣніе, что въ семьѣ Тугоуховскихъ выведено и осмѣяно допотопное семейство князей Шаховскихъ, это положительно невѣрно. На похвалы сестры, удивлявшейся вѣрности изображенія этихъ портретовъ, Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что Шаховскихъ никогда не видалъ и не знаетъ. Это—новое доказательство, до какой степени приходится быть осторожнымъ при отгадываніи оригиналовъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи.

1-Я КНЯЖНА.

Обшито фалбарой.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Нѣтъ, еслибъ видѣли мой тюрлюрлю атласный [1])!

3-Я КНЯЖНА.

Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4-Я КНЯЖНА.

Ахъ, да—барежевый!

5-Я КНЯЖНА.

Ахъ, прелесть!

6-Я КНЯЖНА.

Ахъ, какъ милъ!

КНЯГИНЯ.

Тсъ! Кто это въ углу—вошли мы—поклонился?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Пріѣзжій, Чацкій.

КНЯГИНЯ.

От-став-ной?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

КНЯГИНЯ.

И хо-ло-стой?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Да, не женатъ.

[1]) Атласная мантилья.

КНЯГИНЯ.

Князь! князь! Сюда! — живѣе!

КНЯЗЬ—*обращаетъ къ ней слуховую трубу.*

О! хмъ!

КНЯГИНЯ.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе Натальи Дмитревны знакомаго: вонъ онъ.

КНЯЗЬ.

И! хмъ! *Отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ.*

КНЯГИНЯ.

Вотъ то-то, дѣтки:
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ.
Танцовщики ужасно стали рѣдки!...
Онъ камеръ-юнкеръ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Нѣтъ.

КНЯГИНЯ.

Богатъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

О, нѣтъ!

КНЯГИНЯ—*громко, что́ есть мочи.*

Князь! Князь! Назадъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и графини ХРЮМИНЫ: БАБУШКА и ВНУЧКА.

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Ah, grand' maman! Ну, кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя.—*Пропадаетъ въ боковую комнату.*

КНЯГИНЯ.

Вотъ насъ честитъ!
Вотъ первая — а насъ за никого считаетъ!
Зла: въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ; ужъ Богъ ее проститъ!

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА — *вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ.*

Мсьё Чацкій! Вы въ Москвѣ? Какъ были, все такіе?

ЧАЦКІЙ.

На что мѣняться мнѣ?

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Вернулись холостые?

ЧАЦКІЙ.

На комъ жениться мнѣ?

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Въ чужихъ краяхъ на комъ?
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

ЧАЦКІЙ.

Несчастные! Должны упреки несть
От подражательницъ модисткамъ,
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и множество гостей. Между прочимъ ЗАГОРѢЦКІЙ [1]). Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. СОФЬЯ выходитъ изъ своей комнаты. Всѣ къ ней на встрѣчу.

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Eh, bon soir! vous voilà! jamais trop diligente!
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente!

ЗАГОРѢЦКІЙ—*Софьѣ.*

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

СОФЬЯ.

Нѣтъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Позвольте вамъ вручить. Напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услужить; за то

[1]) Для опредѣленія оригинала Загорѣцкаго существуетъ болѣе разнообразныхъ предположеній, чѣмъ относительно другихъ дѣйствующихъ. Явный признакъ, что современное общество изобиловало темными личностями въ этомъ родѣ. Съ наибольшимъ правдоподобіемъ до сихъ поръ указывали на Арс. Барт—ва.

Куда я не кидался?
Въ контору — все взято;
Къ директору — онъ мнѣ пріятель —
Съ зарей, въ шестомъ часу, — и кстати-ль?
Ужъ съ вечера никто достать не могъ!
Къ тому, къ сему, — всѣхъ сбилъ я съ ногъ.
И этотъ, наконецъ, похитилъ уже силой
У одного... старикъ онъ хилый,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ:
Пусть дома посидитъ въ покоѣ!

СОФЬЯ.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье — вдвое.

Являются еще кое-какіе; между тѣмъ Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Платонъ Михайлычъ!...

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Прочь!
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь.
Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи.—*Чацкому.*
Вотъ, братъ, рекомендую:
Какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ,
Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ,
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.

На дняхъ онъ банкъ по-шулерски сорвалъ,
Смигнулся съ шулеромъ такимъ-же записнымъ,
И обыгралъ меня. Богъ съ нимъ!
Вчера укралъ билетъ, а слышалъ, какъ соврaлъ?
При немъ остерегись: переносить гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы.

ЧАЦКІЙ.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы.
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Охъ, нѣтъ, братецъ! У насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ. *Загорѣцкій мышается въ толпу.*

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и ХЛЕСТОВА [1]).

ХЛЕСТОВА—*Софьѣ.*

Легко-ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница!... Мученье!

[1]) Большею частью въ Хлёстовой угадываютъ извѣстную законодательницу большого свѣта, Офросимову, которая была выведена уже въ одной изъ комедій гр. Растопчина, а въ наши дни въ «Войнѣ и Мирѣ», гр. Л. Толстого. По другимъ свѣдѣніямъ, Хлёстова—это портретъ тетки Грибоѣдова, дочь которой будто-бы изображена въ лицѣ Натальи Дмитріевны.

Часъ битый ѣхала съ Покровки — силы нѣтъ!
Ночь — свѣта преставленіе!
Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку, да собачку.
Велѣ ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сонли подачку.
Княгиня, здравствуйте. *Садится.*
Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арапка для услугъ!
Курчавая! Горбомъ лопатки!
Сердитая! Всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна! Да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя,
Чортъ сущій! Въ дѣвичьей она...
Позвать ли?

СОФЬЯ.

Нѣтъ-съ, въ другое время.

ХЛЕСТОВА.

Представь, ихъ какъ звѣрей выводятъ на показъ.
Я слышала... тамъ... городъ есть турецкій...
А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій. *Онъ выставляется впередъ*
Лгунишка онъ, картёжникъ, воръ. *Загорѣцкій исчезаетъ.*
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;

Купилъ, онъ, говоритъ, — чай въ карты сплутовалъ;
А мнѣ подарочекъ: дай Богъ ему здоровье!

ЧАЦКІЙ—*съ хохотомъ Платону Михайловичу.*

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ, пропалъ.

ХЛЕСТОВА.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

СОФЬЯ.

Вотъ этотъ? Чацкій.

ХЛЕСТОВА.

Ну, а что нашелъ смѣшного?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ.
Я помню, ты дитёй съ нимъ часто танцовала,
Я за уши его дирала, — только мало!

Указывая на Платона Михайловича, сидящаго къ ней спиной.

А это что́ за чучело? Скажи, кто онъ [1])?

---

[1]) Этотъ и слѣдующіе 45 стиховъ впервые появились въ печати лишь въ изданіи г. Гарусова; ни въ одной рукописи до сихъ поръ ихъ не находили. Они рисуютъ съ большей подробностью сварливость, злословіе и пересуды Хлёстовой, но и сильно замедляютъ дѣйствіе безъ всякой пользы для его развитія, а потому вѣроятно и были устранены самимъ авторомъ.

СОФЬЯ.

Натальи Дмитріевны мужъ, Платонъ Михайлычъ.

Платонъ Михайловичъ оборачивается и кланяется.

ХЛЕСТОВА.

А! Знаю.—Здравствуйте! Супруга
Ужъ вѣрно здѣсь: вы неразлучные два друга.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА—*подходя.*

Я кланялась, вы не всмотрѣлись. *Цѣлуются.*

ХЛЕСТОВА.

Не мудрено, глаза подъ старость приглядѣлись.

Наталья Дмитріевна отходитъ.

Ну, вотъ такъ парочка! По чести заглядѣнье!

Увидя двухъ княженъ проходящихъ.

Ахъ! Боже мой! Племянница, гляди,
Какъ у второй княжны измято назади...
Какъ выемка низка!—Ну, право, омерзѣнье!
Ахъ, какъ растрепана она,
Какъ будто дома и одна. *Мимо проходятъ другія двѣ княжны.*
У всѣхъ запачканы, измяты шемизетки. *Увидя княгиню, ей громко.*

Княгиня! Какъ прекрасны ваши дѣтки!
Невѣсты, милы всѣ, хоть разомъ подъ вѣнецъ.

КНЯГИНЯ—*въ сторону, съ досадою.*

Стара, вѣкъ зла! *Вслухъ.*

Растутъ.—О, мой Творецъ!
Давно ли я сама...

ХЛЕСТОВА—*перебивая.*

Мы вмѣстѣ съ вами
Къ вѣнцу шли...

КНЯГИНЯ—*прерывая ее.*

Полноте! Ребенкомъ я была.

ХЛЕСТОВА—*Софьѣ.*

Примѣтно молодится. *Княгинѣ.*
Можетъ, съ нами
Вы завтра? Насъ Татьяна Юрьевна звала?

КНЯГИНЯ.

И насъ звала; мы вмѣстѣ будемъ.
Князь, князь! Отмѣть!—Мы, правда, не забудемъ.
Отходитъ къ гостямъ.

ХЛЕСТОВА—*указывая Софьѣ на Скалозуба.*

А это кто стоитъ тамъ у колонны? *Софья, не дослышавъ, отходитъ къ гостямъ.*

Какія нынѣче стали моды,
Конецъ вѣкамъ! — Какія таліи! — Уроды!
Ну, что за галстуки! Какъ—словно хомуты.
Увидя графиню-бабушку.
Ну, вотъ какой чепецъ напялила огромный,
Смотри-ка, Сонюшка... Племянница! Гдѣ ты?
Софья подходитъ.

Взгляни, какъ стянута, въ чемъ держится душа!
Глуха, беззубая, ряба, не хороша...
Давно бы ей пора въ могилу...
А балъ, такъ вѣрно въ первыхъ здѣсь.
Увидавъ графиню-внучку.
А внучка... Что за срамъ! Тьфу!.. Вся въ прорѣзь!
Чуть-чуть не голая... Глядѣть-то не подъ силу.
Обѣ графини подходятъ и кланяются.
Графиня милая, мой другъ! Давненько съ вами
Въ пикетъ, въ имперіалъ мы не играли. Съ нами...
Ахъ! кажется, за мной есть маленькій должокъ?
Такъ съ княземъ въ-полъ вы, какъ придется,
А послѣ какъ-нибудь сочтется. *Цѣлуетъ*
графиню-внучку.
Садись, мой миленькій дружокъ!
Какъ ты мила!
Какъ расцвѣла! *Графинѣ-бабушкѣ.*
Графиня, другъ мой! Какъ я рада,
Что вижу васъ, божусь... не вспомнюсь... безъ души...
Живу въ такой глуши,
Друзей увидѣть — вся отрада.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и ФАМУСОВЪ.

ФАМУСОВЪ — *громогласно.*

Ждемъ князь-Петра мы Ильича,
А князь ужъ здѣсь!—а я забился тамъ въ портретной.

Гдѣ Скалозубъ Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ? Кажется, что нѣтъ!—Онъ человѣкъ замѣтный—
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ!

ХЛЕСТОВА.

Творецъ мой! оглушилъ: звончѣе всякихъ трубъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и СКАЛОЗУБЪ, потомъ МОЛЧАЛИНЪ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали. *Подводитъ его къ Хлёстовой.*
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

ХЛЕСТОВА—*сидя.*

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... гренадерскомъ?

СКАЛОЗУБЪ—*басомъ.*

Въ Его Величества, хотите вы сказать,
Новоземлянскомъ мушкатерскомъ?

ХЛЕСТОВА.

Не мастерица я полки-то различать.

СКАЛОЗУБЪ.

А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

ФАМУСОВЪ—*Скалозубу.*

Пойдемъ-те, батюшка, тамъ васъ я насмѣшу:
Курьёзный вистъ у насъ. За нами, князь! прошу!

Его и князя уводитъ съ собою.

ХЛЕСТОВА—*Софьѣ.*

Ухъ! Я точнехонько избавилась отъ петли.
Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ саженъ удалецъ,
Знакомитъ, не спросясь, пріятно-ли намъ, нѣтъ-ли!

МОЛЧАЛИНЪ—*подаетъ ей карту.*

Я вашу партію составилъ: мосьё Кокъ,
Ѳома Ѳомичъ и я.

ХЛЕСТОВА—*встаетъ.*

Спасибо, мой дружокъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Вашъ шпицъ—прелестный шпицъ! Не болѣе наперстка!
Я гладилъ все его: какъ шелковая — шерстка!

ХЛЕСТОВА.

Спасибо, мой родной! *Уходитъ; за ней Молчалинъ и многіе другіе.*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЧАЦКІЙ, СОФЬЯ и нѣсколько посторонннхъ лицъ, которыя въ продолженіе сцены расходятся.

ЧАЦКІЙ.

Ну, тучу разогналъ...

СОФЬЯ.

Нельзя-ль не продолжать?

ЧАЦКІЙ.

Чѣмъ васъ я напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.

СОФЬЯ.

А кончилъ бы злостью!

ЧАЦКІЙ.

Сказать вамъ, что́ я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый.
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ.
Молчалинъ!—Кто другой все мирно такъ уладитъ?
Тамъ моську во время погладитъ,
Тутъ въ-пору карточку вотретъ.
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давеча его мнѣ исчислялп свойства,
Но многія забыли—да [1])! *Уходитъ.*

---

[1]) За этимъ стихомъ первоначально стояло:

Чего не ожидать при этомъ правѣ кроткомъ,
При свойствѣ угождать племянницамъ и теткамъ!

Чацкій прибавлялъ затѣмъ Софьѣ на ухо:

О, давшнее вамъ такъ даромъ не пройдетъ!

Поэтому, въ 4-мъ актѣ (по первоначальной редакціи), Софья объясняла себѣ внезапное появленіе Чацкаго въ швейцарской именно исполненіемъ этой угрозы. Оба мѣста, придававшія особый оттѣнокъ

ЯВЛЕНІЕ XIV.

СОФЬЯ, потомъ ГОСПОДИНЪ N.

СОФЬЯ—*про себя.*

Ахъ! этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть,—завистливъ, гордъ и золъ!

ГОСПОДИНЪ N. — *подходитъ.*

Вы въ размышленьи?

СОФЬЯ.

Объ Чацкомъ.

ГОСПОДИНЪ N.

Какъ его напли по возвращеньи?

СОФЬЯ.

Онъ не въ своемъ умѣ.

ГОСПОДИНЪ N.

Ужель съ ума сошелъ?

СОФЬЯ—*помолчавши.*

Не то, чтобы совсѣмъ...

ГОСПОДИНЪ N.

Однако есть примѣты?

СОФЬЯ—*смотритъ на него пристально.*

Мнѣ кажется...

настроенію Чацкаго въ послѣднихъ двухъ актахъ, были уничтожены, какъ дѣйствительно не согласныя съ основными чертами характера героя пьесы.

ГОСПОДИНЪ N.

Какъ можно, въ эти лѣта!

СОФЬЯ.

Какъ быть!—*Въ сторону.*

Готовъ опъ вѣрить!

А, Чацкій!.. любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Вы никого не любите щадить,
Такъ не угодно ль на себѣ примѣрить. *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ XV.

ГОСПОДИНЪ N., потомъ ГОСПОДИНЪ D.

ГОСПОДИНЪ N.

Съ ума сошелъ!... Ей кажется? Вотъ—на!
Не даромъ, стало быть... съ чего бъ взяла она!
Ты слышалъ?

ГОСПОДИНЪ D.

Что?

ГОСПОДИНЪ N.

Объ Чацкомъ?

ГОСПОДИНЪ D.

Что такое?

ГОСПОДИНЪ N.

Съ ума сошелъ!

ГОСПОДИНЪ D.

Пустое!

ГОСПОДИНЪ N.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

ГОСПОДИНЪ D.

А ты разславить это радъ?

ГОСПОДИНЪ N.

Пойду, освѣдомлюсь: чай, кто-нибудь да знаетъ. *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ГОСПОДИНЪ D., потомъ ЗАГОРѢЦКІЙ.

ГОСПОДИНЪ D.

Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Ну?

ГОСПОДИНЪ D.

Съ ума сошелъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А, знаю, помню, слышалъ.
Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ,
Его въ безумные упряталъ дядя-плутъ...
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

ГОСПОДИНЪ D.

Помилуй! Онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили.

ГОСПОДИНЪ Р.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ!
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу. Однако, чуръ, секретъ! *Отходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ЗАГОРѢЦКІЙ, потомъ ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Который Чацкій тутъ? Извѣстная фамилья:
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Объ комъ?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Объ Чацкомъ; онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Знаю.
Я говорила съ нимъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій.

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Что?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Да, онъ сошелъ съ ума!

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Представьте! Я замѣтила сама!
И хоть пари держать,—со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Ахъ, grand'maman! Вотъ чудеса! Вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! Вотъ прелести, вотъ мило!

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Мой другъ, мнѣ уши заложило [1]).
Скажи погромче.

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Время нѣтъ. *Указываетъ на Загорѣцкаго.*

Il vous dira toute l'histoire.
Пойду, спрошу. *Уходитъ.*

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ и рукописяхъ повсюду въ рѣчахъ графини-бабушки отмѣченъ ея старческій выговоръ, искажаемый шамканьемъ, напр.: «мой тругъ, мнѣ ушн салошило» и т. п.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ЗАГОРѢЦКІЙ и ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Что? Что? Ужъ нѣтъ-ли здѣсь пожара?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Нѣтъ! Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны.

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Что? къ фармазонамъ въ клобъ?
Пошелъ онъ въ басурманы?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Ее не вразумишь! *Уходитъ.*

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Антонъ Антонычъ! Ахъ!
И онъ бѣжитъ! Всѣ въ страхѣ, въ-попыхахъ...

ЯВЛЕНІЕ XX.

ГРАФИНЯ-БАБУШКА и КНЯЗЬ ТУГОУХОВСКІЙ.

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Князь! князь! Охъ, этотъ князь!—по баламъ, самъ чуть дышетъ.
Князь! слышали?

КНЯЗЬ.

А? хмъ?

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Онъ ничего не слышитъ!
Хоть, можетъ, видѣлъ: здѣсь полицмейстеръ былъ?

КНЯЗЬ.

Э? хмъ?

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?

КНЯЗЬ.

И? хмъ?

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Тесакъ ему, да ранецъ!
Въ солдаты!—шутка ли? Перемѣнилъ законъ!

КНЯЗЬ.

У? хмъ!

ГРАФИНЯ-БАБУШКА.

Да! въ басурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный волтерьянецъ!

Что? а? Глухъ, мой отецъ! Достаньте свой рожокъ.
Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ же и ХЛЕСТОВА, СОФЬЯ, МОЛЧАЛИНЪ, ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ, НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА, ГРАФИНЯ-ВНУЧКА, КНЯГИНЯ съ дочерьми, ЗАГОРѢЦКІЙ, СКАЛОЗУБЪ, потомъ ФАМУСОВЪ и многіе другіе.

ХЛЕСТОВА.

Съ ума сошелъ? Прошу покорно!
Да невзначай! Да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Кто первый разгласилъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Ахъ, другъ мой, всѣ.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.

ФАМУСОВЪ—*входитъ*.

О комъ? О Чацкомъ, что ли?
Чего сомнительно? я первый, я открылъ.
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ!
Попробуй о властяхъ—и не́-вѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,

Хоть предъ монаршімъ лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!..

ХЛЕСТОВА.

Туда же изъ смѣшливыхъ:
Сказала что-то я,—онъ началъ хохотать.

МОЛЧАЛИНЪ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Меня модисткою изволилъ величать!

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Безумный по всему!

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Я видѣла изъ глазъ.

ФАМУСОВЪ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

ХЛЕСТОВА.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?

КНЯГИНЯ.

О, вѣрно!..

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Безъ сомнѣнья!

ХЛЕСТОВА.

Шампанское стаканами тянулъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Бутылками-съ, и пребольшими.

ЗАГОРѢЦКІЙ—*съ жаромъ.*

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!

ФАМУСОВЪ.

Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье—вотъ чума; ученость—вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній.

ХЛЕСТОВА.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ?
Да... отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій [1]).

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-гическій—такъ, кажется, зовутъ?
Тамъ упражняются въ расколахъ и въ безвѣрьи [2])

[1]) Ланкастерскимъ школамъ взаимнаго обученія, вначалѣ покровительствуемымъ властями, приписывали послѣ главную вину даже въ бунтѣ Семеновскаго полка.

[2]) Отголоски только-что минувшей исторіи профессоровъ Арсеньева, Раупаха, Германа и Галича, которыхъ реакціонная партія преслѣдовала тогда за мнимый атеизмъ и вольнодумство.

Профессора́! У нихъ учился нашъ родня,
И вышелъ,—хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи!
Отъ женщинъ бѣгаетъ, и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ —
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ [1]).

СКАЛОЗУБЪ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два—
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.
Пусть ихъ лежатъ себѣ въ пыли!
Отъ нихъ лишь злу намъ можно научиться.
Пускай въ нихъ тотъ и копошится,
Ни денегъ у кого нѣтъ, ни земли.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ, ужъ коли зло пресѣчь,—
Забрать всѣ книги бы, да сжечь.

ЗАГОРЬЦКІЙ—*съ кротостью.*

Нѣтъ-съ, книги книгамъ розь!
Романы?.. Что за вредъ!
А вотъ гдѣ зло, причина бѣдъ:
Ученые... вотъ ихъ-то брось!..
Какую-то ученую мораль
Вчера читалъ, потѣлъ, понять трудился,
А что́ мололъ ученый враль?

---

[1]) По свидѣтельству г-жи Пассекъ («Русск. Старина» 1872, XII, 625), здѣсь изображенъ молодой Яковлевъ.

Никакъ я не добился.
А еслибъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я, —
На басни бы налёгъ. Охъ! басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что́ ни говори,
Хоть и животныя, а все-таки цари.

ХЛЕСТОВА.

Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья-ль,
А Чацкаго мнѣ, право, жаль!
По христіански—такъ онъ жалости достоинъ;
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

ФАМУСОВЪ.

Четыре.

ХЛЕСТОВА.

Три, сударь!

ФАМУСОВЪ.

Четыреста!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ, триста!

ФАМУСОВЪ.

Въ моемъ календарѣ...

ХЛЕСТОВА.

Всѣ врутъ календари!

ФАМУСОВЪ.

Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ, триста! Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

ФАМУСОВЪ.

Четыреста, прошу понять.

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ! Триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же и ЧАЦКІЙ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Вотъ онъ!

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Стъ!

ВСѢ.

Стъ!

Пятятся отъ него въ противную сторону.

ХЛЕСТОВА.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!

ФАМУСОВЪ.

О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!—*Опасливо.*
Любезнѣйшій! ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ — ты нездоровъ.

ЧАЦКІЙ.

Да, мочи нѣтъ!!. милльонъ терзаній!—
Груди отъ дружескихъ тисковъ,

Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!

Подходитъ къ Софьѣ.

Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ! не доволенъ я Москвой!

ХЛЕСТОВА.

Москва, вишь, виновата!

ФАМУСОВЪ.

Подальше отъ него!—*Дѣлаетъ знакъ Софьѣ.*
Гмъ! Софья! Не глядитъ!

СОФЬЯ—*Чацкому.*

Скажите, что́ васъ такъ гнѣвитъ?

ЧАЦКІЙ. [1]).

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,

---

[1]) Приводимъ первоначальную редакцію этого монолога, появляющуюся въ печати впервые *вполнѣ*:

Въ той комнатѣ простѣйшій случай:
Французикъ изъ Бордо былъ окруженъ зѣвакъ
И слушательницъ кучей.
Къ своимъ приравнивалъ онъ насъ, что точно такъ
На все готовы мы: нѣтъ дѣла до послѣдствій,
Все только бы шутя, рѣзвясь.
Отъ нашихъ гладенькихъ опъ фразъ,
Отъ нашихъ кругленькихъ привѣтствій
Воображаетъ быть въ отечествѣ своемъ,
И прочее... Утихъ, и тутъ по немъ

Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца:
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,—
Своя провинція! Посмотришь—вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ!

Объ южной Франціи, о берегахъ Гаронны
Заохали,—урокъ съ-издѣтства натверженъ!
Особенно двѣ-три княжны пускали стоны...
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я къ небу возсылалъ смиренныя желанья,
Однако вслухъ,
Чтобъ удалилъ Господь нечистый этотъ духъ
Слѣпого, жалкаго, пустого подражанья,
Чтобъ воздержалъ насъ крѣпкою возжей
Отъ слезъ и тошноты по сторонѣ чужой.
Неужли у себя для нашихъ нѣтъ желаній
Семейныхъ прелестей, родныхъ воспоминаній?
И чѣмъ нашъ сѣверъ лучше сталъ,
Что все завѣтное наслѣдье промѣнялъ,
И правы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Короткополые, наперекоръ стихіямъ,
Разсудку смѣхъ и не краса лицу!
Какъ платья—и умы коротки...
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Ахъ, если рождены мы все перенимать,

Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды.
Онъ радъ, но мы не рады!
Умолкъ.—И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стопъ:
«Ахъ, Франція! нѣтъ въ мірѣ лучше края!»
Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.

Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Ихъ отверженья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ!
«Помилуйте! Какъ ставить въ параллель
Національное съ французскимъ? Вотъ охота!
Ну, какъ перевести: *мадамъ*, иль *мадмуазель?*
Ужель, *сударыня?*»—забормоталъ мнѣ кто-то.
Представьте, тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! Прекрасно!
Сударыня! Ха! ха! ха! ха! Ужасно!»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною—онъ не новый:
Москва—столичное въ Россіи мѣсто,—то,
Гдѣ человѣкъ изъ города Бордо
Лишь ротъ раскрылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ этой же Москвѣ,
Когда воспитанъ кто въ отечественныхъ нравахъ,
Въ чьей головѣ, и т. д.

Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,—
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, робкаго, слѣпого подражанья [1]);
Чтобъ искру заронилъ опъ въ комъ-нибудь съ душой.
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня объявятъ старовѣромъ...—
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ,—
И нравы, и языкъ, и старину святую
И величавую одежду—на другую,

[1]) Обыкновенно стараются на основаніи этого монолога доказывать очевидность славянофильскихъ симпатій Грибоѣдова, называя ихъ даже модными и напускными. Но это было не археологическое увлеченье и не желанье повернуть жизнь вспять, а идеалистическое желанье пробудить соотечественниковъ, становившихся снова индифферентными послѣ патріотическаго взрыва въ пору наполеоновскихъ войнъ, усилить въ нихъ самосознаніе, напомнить, что у нихъ есть прошедшее, налагающее на нихъ важныя обязанности. Во всей комедіи сказывается постоянно искреннее сочувствіе ко всему, что идетъ живого и освѣжающаго съ запада; авторъ ополчается противъ духа подражательности только потому, что подражаніе это—не обдуманное и сознательное, а «слѣпое и рабское».

[2]) Этотъ стихъ въ первоначальной редакціи не находится, какъ будто подъ вліяніемъ опасенія, что за эту выходку причтутъ автора къ числу крайнихъ поклонниковъ старины. Грибоѣдовъ со всегдашней своей откровенностью идетъ на встрѣчу подобному обвиненію и прибавляетъ потомъ этотъ стихъ.

По шутовскому образцу [1]):
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны, и не краса лицу.
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ!
«Ка́къ европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ—странно что-то!
Ну, ка́къ перевести: мадамъ иль мадмуазель? —
Ужель: сударыня?»—забормоталъ мнѣ кто-то.
Вообразите,—тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! Прекрасно!
«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! Ужасно!»
Я, разсердясь и жизнь кляня,

---

[1]) Выходка Чацкаго противъ общеевропейскаго костюма можетъ быть сочтена извинительнымъ преувеличеніемъ противъ преувеличеній. Впрочемъ, въ то время нерѣдко приходилось слышать подобные толки; такъ, даже извѣстный Штейнъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоря о прошедшемъ и настоящемъ Россіи, выражалъ сожалѣніе о томъ, что старая русская одежда оставлена для новой, не соотвѣтствующей климату.

Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною,—онъ не новый:
Москва и Петербургъ во всей Россіи — то,
Что человѣкъ изъ города Бордо
Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ,
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять,—
Вездѣ его бѣгутъ, вездѣ его страшатся:
Въ привычку всѣмъ вошло умомъ его чуждаться.
Начнетъ онъ разсуждать —
Напрасный трудъ! А глядь...

Оглядывается. Всѣ кружатся въ вальсѣ съ величайшимъ усердіемъ. Гремитъ музыка. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

У Фамусова въ домѣ—парадныя сѣни; большая лѣстница изъ второго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей. Внизу, справа, выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва на томъ же планѣ комната Молчалина.

Ночь. Слабое освѣщеніе. Лакеи—иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГРАФИНИ ХРЮМИНЫ: БАБУШКА и ВНУЧКА; впереди ихъ ЛАКЕЙ.

ЛАКЕЙ.

Графини Хрюминой карета!

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА—*пока ее укутываютъ.*

Ну, балъ! Ну, Фамусовъ! Умѣлъ гостей назвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта!
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать.

Обѣ уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ГОРИЧЕВЫ; одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъѣзда кричитъ:

Карета Горича!

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Мой ангелъ, жизнь моя,
Безцѣнный, душенька! Что смотришь такъ уныло?
Цѣлуетъ мужа въ лобъ.
Признайся, весело у Фамусовыхъ было?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Наташа, матушка! Дремлю на бáлахъ я!
До нихъ смертельный неохотникъ,
А не противлюсь: твой работникъ;
Дежурю за-полночь; подъ часъ
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Ты притворяешься, и очень не искусно;
Охота смертная прослыть за старика! *Уходитъ съ лакеемъ.*

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ—*хладнокровно.*

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька!
И кто жениться насъ неволитъ?
Вѣдь сказано-жъ иному на роду...

ЛАКЕЙ—*съ крыльца.*

Въ каретѣ барыня-съ—и гнѣваться изволитъ.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ— *со вздохомъ.*

Иду, иду! *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ III.

ЧАЦКІЙ и впереди его лакей.

ЧАЦКІЙ.

Кричи, чтобы скорѣе подавали! *Лакей уходитъ.*
Ну, вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли.
Чего я ждалъ? Что́ думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? Участье въ комъ живое?
Крикъ, радость, обнялись!.. Пустое!..
Въ поѣздкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди:
Свѣтло, синё, разнообразно...
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво́
Домчались къ отдыху. Ночлегъ. Куда ни взглянешь.
Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...
Досадно, мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь!
Лакей возвращается.

Готово?

ЛАКЕЙ.

Кучера-съ нигдѣ, вишь, не найдутъ.

ЧАЦКІЙ.

Пошелъ, ищи,—не ночевать же тутъ.. *Лакей уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЧАЦКІЙ и РЕПЕТИЛОВЪ [1].

РЕПЕТИЛОВЪ — *вбѣжитъ съ крыльца, при самомъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и постыдно оправляется.*

Тьфу! Оплошалъ.—Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза... Откудова, пріятель?
Сердечный другъ, любезный другъ, mon cher!

---

[1]) По разсказамъ Бѣгичева и Смирнова, оригиналомъ для Репетилова послужилъ Шатиловъ, старинный знакомецъ Грибоѣдова, съ которымъ онъ былъ на службѣ, при генералѣ Кологривовѣ,—«пустой малый», одержимый несчастной страстью безпрестанно острить и говорить каламбуры. Онъ такъ надоѣлъ этимъ Грибоѣдову, что тотъ купилъ альманахъ анекдотовъ Біевра, и при первомъ каламбурѣ Шатилова спрашивалъ: «на какой страницѣ?»—въ отвѣтъ на что Шатиловъ разсыпался въ увѣреніяхъ, что у него это все свое. Грибоѣдовъ по окончаніи комедіи прочелъ ему роль Репетилова; тотъ хохоталъ отъ души, спѣша увѣрить, что онъ понялъ, на кого именно мѣтилъ авторъ,—на Чаадаева! Страсть повторять чужое была вообще отличительной чертой Шатилова, почему друзья автора находили передѣлку фамиліи остряка очень удачною.

Вотъ, фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты.
Сей часъ... растолковать прошу, —
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу...
Хвать! объ порогъ задѣлъ ногою,
И растянулся во весь ростъ...
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть.
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго —ей-ей!
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...

ЧАЦКІЙ.

Да полно вздоръ молоть!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не любишь ты меня! Естественное дѣло!
Съ другими я и такъ, и сякъ;
Съ тобою—говорю несмѣло;
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!

ЧАЦКІЙ.

Вотъ странное упичиженье!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Брани меня: я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ...
Скажи, который часъ?

ЧАЦКІЙ.

Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты... есть книга...

ЧАЦКІЙ.

А ты читалъ?—Задача для меня.
Ты Репетиловъ ли?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Зови меня вандаломъ, —
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ;
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ!
Объ дѣтяхъ забывалъ! Обманывалъ жену!
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ!
Танцовщицу держалъ, и не одну —
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! Не спалъ ночей по девяти!
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру!

ЧАЦКІЙ.

Послушай!—ври, да знай же мѣру.
Есть отчего въ отчаянье придти!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу на пролетъ...

ЧАЦКІЙ.

Вотъ нынче, напримѣръ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что, ночь одна — не въ счетъ
За то спроси: гдѣ былъ?

ЧАЦКІЙ.

И самъ я догадаюсь:
Чай, въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Въ англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать.
Изъ шумнаго я засѣданья.
Пожалуйста, молчи—я слово далъ молчать...
У насъ есть общество и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ!

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, братецъ, я боюсь.
Какъ? Въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Именно!

ЧАЦКІЙ.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и ваши тайны!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ, никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ... ну, о матерьяхъ важныхъ,—
Частенько слушаю, не разжимая губъ.
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ.
Ахъ, Alexandre! У насъ тебя недоставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ,—мы, благо, на ходу.
Съ какими я тебя сведу
Людьми! Ужъ на меня нисколько не похожи!
Что за люди, mon cher! Сокъ умной молодежи.

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь?—Домой!—я спать хочу.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Э, брось! Кто нынче спитъ! Ну, полно, безъ прелюдій!
Рѣшись, а мы... У насъ рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ:
Кричимъ—подумаешь, что сотня голосовъ.

ЧАЦКІЙ.

Да изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько?
Ужъ вѣрно изъ какихъ-нибудь да пустяковъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

ЧАЦКІЙ.

Шумите вы—и только?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
Но государственное дѣло:
Оно, вотъ видишь, не созрѣло,—
Нельзя же вдругъ...
Что за люди, mon cher! Безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій [1]) —
Чудакъ единственный! Насъ со смѣху моритъ.
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка:
И такъ же онъ сквозь зубы говоритъ,
И такъ же коротко остриженъ для порядка.
Ты незнакомъ? О, познакомься съ нимъ!
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый! Особливо
Есть у него любимое одно:
«А нонъ лашьяръ ми, но-но-по» [2])!

---

[1]) Оригинала для князя Григорія обыкновенно ищутъ между различными аристократами того времени, указывая то на князя Оболенскаго, то на Завадовскаго, въ обоихъ случаяхъ безъ убѣдительныхъ основаній.

[2]) Полагаютъ, эта итальянская фраза будто-бы служила лозунгомъ одного изъ тайныхъ обществъ, по которому члены узнавали другъ друга. Одинъ долженъ былъ сказать первую часть фразы, другой отвѣчалъ ему троекратнымъ «но».

Еще у насъ два брата,
Леонъ и Боринька — чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь, что сказать.
Но если генія прикажете назвать, —
Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ [1])!
Ты сочиненія его
Читалъ-ли что-нибудь? Хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: «Взглядъ и нѣчто».
Объ чемъ, бишь, нѣчто? Обо всемъ.
Ахъ, это нѣчто!... милый другъ,
Какія мысли, смѣлость, духъ...
Все знаетъ! Мы его на черный день насёмъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту...
Не надо называть, — узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,

[1]) Въ немъ думаютъ видѣть Якубовича, извѣстнаго впослѣдствіи декабриста, личнаго врага Грибоѣдова, дравшагося съ нимъ на дуэли. Но ни одной схожей черты съ фанфаропомъ, бреттеромъ и сорвиголовой, какимъ въ дѣйствительности былъ Якубовичъ, здѣсь рѣшительно нѣтъ.— Одно время въ Удушьевѣ хотѣли видѣть кн. П. А. Вяземскаго, который въ то время выступилъ уже на поприще журнальной критики, но и это едвали основательно.

Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ [1]),
И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!...
Когда жъ объ честности высокой говоритъ —
Какимъ-то демономъ внушаемъ—
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди! Есть-ли имъ подобные? Наврядъ!
Ну, между ними я, конечно, заурядъ,—
Немножко поотсталъ, лѣнивъ,—подумать ужасъ!
Однакожъ я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду—часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу́;
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся, а что любо—любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ;
Далъ сердце доброе,—вотъ чѣмъ я людямъ милъ.
Совру—простятъ...

ЛАКЕЙ—*у подъѣзда.*

Карета Скалозуба!

---

1) Портретъ, живьемъ срисованный съ эксцентрической личности гр. Толстаго, носившаго прозвище «американца» и прославившагося какъ своими фантастическими похожденіями на крайнемъ востокѣ, такъ и буйными выходками, которыми по возвращеніи онъ изумлялъ Москву.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Чья?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и СКАЛОЗУБЪ, спускается съ лѣстницы.

РЕПЕТИЛОВЪ.

А! Скалозубъ, душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу!
Душитъ его въ объятіяхъ.

ЧАЦКІЙ.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?
Входитъ въ швейцарскую.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Слухъ о тебѣ давно затихъ:
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.
Знакомы вы?... *Ищетъ глазами Чацкаго.*
Упрямецъ, ускакалъ!
Нѣтъ нужды!—Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка со мной, безъ отговорокъ!
У князь-Григорія теперь народу тьма:
Увидишь человѣкъ насъ сорокъ.
Фу! Сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ:
Во-первыхъ—напоятъ шампанскимъ на убой;
А во-вторыхъ—такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

СКАЛОЗУБЪ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь [1]);
Скликай другихъ. А если хочешь,
Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикните—такъ мигомъ успокоитъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Тебѣ все служба на умѣ [2])!
Повѣрь, любезный, мнѣ,
Что вашей братіи у насъ есть не одинъ
Полковникъ,—всѣ съ имѣніемъ, служаки,
Грудь въ орденахъ, съ умомъ, рубаки.
Умомъ однимъ лишь красенъ чинъ!
Mon cher, гляди сюда:

---

1) Въ первоначальной редакціи отвѣтъ Скалозуба нѣсколько добродушнѣе, и высказываетъ только личныя убѣжденія его, не грозя приструнить противниковъ:

Избавь! Съ ученостью вы много взяли всѣ-то?
Богъ вамъ премудрость ниспошли!
Даютъ ли ордена за это?
Давай ученье намъ, чтобъ люди въ ногу шли.
Я школы Фридриха: въ командѣ—гренадеры,
Фельдфебеля—мои Вольтеры.

2) Существуетъ преданіе, что исключить слѣдующіе пять стиховъ, не попавшіе потому въ печать, Грибоѣдову посовѣтовалъ его другъ, кн. А. Одоевскій, увидѣвшій тутъ намекъ на нѣкоторыхъ своихъ друзей-декабристовъ.

И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ, можетъ быть, никто и никогда!
По статской я служилъ. Тогда
Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья
Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы.
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси [1]);
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ,—я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный. Сколько стоилъ!
Женился, наконецъ, на дочери его:
Приданаго взялъ—шишъ, по службѣ—ничего.
Тесть нѣмецъ, а что́ проку?
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ.
Боялся, прахъ его возьми! да легче-ль мнѣ?
Секретари его—все хамы, всѣ продажны
Людишки, пишущая тварь [2]),
Всѣ выпли въ знать, всѣ нынче важны:
Гляди-ка въ «Адресъ-календарь»...

---

[1]) Реверси (франц. *reversi* или *reversis*)—извѣстная тогда карточная игра.

[2]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ, вмѣсто: *пишущая, — пьющая все тварь.*

Тьфу! служба и чины, кресты—душѣ мытарства [1]).
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лекарства:
Желудокъ больше не варитъ.
Повѣрь, мой другъ, что скоро
Пойдетъ и наше дѣло споро.
Куда ни поглядимъ... *Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покудова уѣхалъ.*
Пустое всѣ чины!.. Найдемъ, чего хотимъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

РЕПЕТИЛОВЪ и ЗАГОРѢЦКІЙ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Извольте продолжать. Вамъ искренно признаюсь:
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ.
Я неудачи самъ встрѣчалъ,
И оттого, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ.

РЕПЕТИЛОВЪ—*съ досадой.*

Всѣ врознь, не говоря ни слова!

---

[1]) Первоначально слѣдующіе четыре стиха выражены были такъ:

Тьфу! служба и чины, кресты—душѣ надсада!
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что за правительство путемъ бы взяться надо:
Желудокъ больше не варитъ!

Чуть изъ виду одинъ,—гляди, ужъ нѣтъ другого!
Былъ Чацкій—вдругъ исчезъ; потомъ и Скалозубъ...

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Какъ думаете вы о Чацкомъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякія турусы
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да, водевиль есть вещь, а прочее все—гиль [1])!
Мы съ нимъ... у насъ—одни и тѣ же вкусы.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьёзно поврежденъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Какая чепуха!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Вранье!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Спросите всѣхъ!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Химеры!

---

[1]) Этотъ стихъ приписываютъ современнику Грибоѣдова, водевилисту А. Писареву.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А, кстати, вотъ князь-Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Дичь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

РЕПЕТИЛОВЪ, ЗАГОРѢЦКІЙ, КНЯЗЬ и КНЯГИНЯ ТУГОУХОВСКІЕ съ шестью дочерьми; немного погодя ХЛЕСТОВА спускается съ парадной лѣстницы; МОЛЧАЛИНЪ ведетъ ее подъ руку. Лакеи въ суетахъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье:
Безумный Чацкій, или нѣтъ?

1-Я КНЯЖНА.

Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2-Я КНЯЖНА.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ!

3-Я КНЯЖНА.

Дрянскіе, Хворовы, Ворленскіе, Скачковы...

4-Я КНЯЖНА.

Ахъ, вѣсти старыя! Кому жъ онѣ новы?

5-Я КНЯЖНА.

Кто сомнѣвается?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Да вотъ не вѣритъ!

6-Я КНЯЖНА.

Вы?

ВСѢ—*вмѣстѣ.*

Мсьё Репетиловъ! Вы? Мсьё Репетиловъ! Что́ вы!
Да какъ вы?—Можно-ль противъ всѣхъ?
Да почему вы? Стыдъ и смѣхъ!

РЕПЕТИЛОВЪ—*затыкая уши.*

Простите, я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

КНЯГИНЯ.

Еще не гласно бы! Съ нимъ говорить опасно!
Давно бы запереть пора:
Послушать,—такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь-Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ—
Вашъ Чацкій!.. Ѣдемте! Князь, ты везти бы могъ
Катишь или Зизи: мы сядемъ въ шестимѣстной.

ХЛЕСТОВА—*съ лѣстницы.*

Княгиня! карточный должокъ?

КНЯГИНЯ.

За мною, матушка.

ВСѢ—*другъ другу.*

Прощайте. *Княжеское семейство уѣзжаетъ; Загорѣцкій тоже.*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

РЕПЕТИЛОВЪ, ХЛЕСТОВА и МОЛЧАЛИНЪ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Царь небесный!
Анфиса Ниловна [1])! Ахъ, Чацкій бѣдный!.. Вотъ!
Что́ нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?

ХЛЕСТОВА.

Такъ Богъ ему судилъ; а впрочемъ,
Полечатъ, вылечатъ авось,
А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось!
Изволилъ во́-время явиться!—
Ночные шатуны, вишь, говорятъ, женаты [2])!..
Зачѣмъ пожаловалъ? Чтобъ посмотрѣть, небось,
Красивъ ли Фамусовъ въ халатѣ?
Всѣ, всѣ разъѣхались.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Браните, бейте! Ахъ!
Анфиса Ниловна! Я самъ себя гнушаюсь:
Пустой я человѣкъ, шалунъ и вертопрахъ,

---

[1]) Первоначально—Анфиса Карповна.

[2]) Слѣдующіе пятнадцать стиховъ, не уступающіе по бойкости штриха прочимъ подробностямъ сатирическаго портрета Репетилова, находились только въ первоначальной редакціи и по непонятной причинѣ выпущены были авторомъ.

Чистосердечно, слезно каюсь!
Несчастье Чацкаго — разительный урокъ,
Что не въ большомъ умѣ намъ прокъ.
Дѣтьми займусь и дѣло будетъ глаже.
Вселю въ пихъ божій страхъ, и съ завтрашняго дня же
Остепенюсь,—моя жена
Ужъ болѣе не ляжетъ спать одна.

ХЛЕСТОВА.

Такъ видно никогда бѣдняжкѣ не ложиться!
Молчалинъ! Вонъ чуланчикъ твой;
Не нужны проводы. Поди, Господь съ тобой.

Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату.

Прощайте, батюшка! Пора перебѣситься. *Уѣзжаетъ.*

ЯВЛЕНІЕ IX.

РЕПЕТИЛОВЪ со своимъ ЛАКЕЕМЪ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не удалось—къ несчастью, опоздалъ.
Вотъ эта намъ была-бъ подъ масть:
Заговоритъ, не дастъ пропасть.
Ужъ язычекъ! Ужъ бабушка-нахалъ!..
Ахъ, бѣдный Чацкій, что́ съ тобою?
Неужли правду говорятъ?..
Какъ жаль!.. Съ такою головою
Для нашего собранья—кладъ.
А Загорѣцкій? Сомнѣваюсь;

Едвали бы онъ нашимъ сталъ...
Вотъ какъ бы Скалозубъ! А дай-ка попытаюсь...
Ума въ немъ нѣтъ, да золотой каналъ. *Подумавъ.*
Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.—
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда-нибудь! *Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснетъ.*

ЯВЛЕНІЕ X.

ЧАЦКІЙ выходитъ изъ швейцарской.

ЧАЦКІЙ.

Что̀ это?.. слышалъ я моими ли ушами?..
Не смѣхъ, а явно злость. Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ какъ словно торжество,
Другіе будто сострадаютъ...
О, праздный, жалкій, мелкій свѣтъ [1])!

---

[1]) Мы включили въ текстъ этотъ стихъ и нижеслѣдующіе 13, впервые напечатанные въ прошломъ году въ «Русск. Архивѣ» по первоначальной редакціи, такъ какъ имѣемъ свидѣтельство г. Гарусова, что онъ нашелъ ихъ также и въ принадлежащей ему рукописи, снятой съ оригинала 1824 г., иными словами, съ окончательной Грибоѣдовской редакціи. Въ печатныхъ изданіяхъ они замѣняются слѣдующими немногими и безцвѣтными стихами, остающимися далеко позади неподдѣльнаго, бьющаго черезъ край, одушевленія, которымъ проникнута была первоначальная редакція стиховъ. Вотъ печатный варіантъ:

Не надо пищи,—сказку, бредъ
Имъ лжецъ отпуститъ въ угожденье,
Глупецъ повѣритъ, передастъ;
Старухи, кто во что горазд,
Тревогу бьютъ... И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ Москва!.. Я былъ въ краяхъ,
Гдѣ съ горъ верховъ комъ снѣга вѣтеръ скатитъ,
Вдругъ—глыба, этотъ снѣгъ, въ паденьи все охватитъ,
Съ собой влечетъ, дробитъ, стираетъ камни въ прахъ;
Гулъ, грохотъ, громъ, вся въ ужасѣ окрестность...
Но что это въ сравненьи съ быстротой,
Съ которой, чуть возникъ, ужъ пріобрѣлъ извѣстность
Московской фабрики слухъ вредный и пустой!
И вотъ та родина!.. Нѣтъ, въ нынѣшній пріѣздъ
Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ!
А Софья знаетъ ли?—Конечно, разсказали.

Что это? Слышалъ я моими лишь ушами?
Не смѣхъ, а явно злость! Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ—какъ словно торжество,
Другіе—будто сострадаютъ!
О, если-бъ кто въ людей проникъ!
Что̀ хуже въ нихъ: душа или языкъ?..
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ;
Старухи въ мигъ тревогу бьютъ,—
И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ та родина! и т. д.

Она, не то чтобы мнѣ именно во вредъ,
Потѣшилась, и правда или нѣтъ—
Ей все равно,—другой ли, я ли:
Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожитъ.
Но этотъ обморокъ, безпамятство откуда?
Нервъ избалованность, причуда?
Возбудитъ малость ихъ и малость утишитъ...
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей... Ни крошки!
Она, конечно бы, лишилась такъ же силъ,
Когда бы кто-нибудь ступилъ
На хвостъ собачки или кошки.

СОФЬЯ—*надъ лѣстницей во второмъ этажѣ, со свѣчей.*

Молчалинъ, вы? *Увидя Чацкаго, поспѣшно запираетъ дверь.*

ЧАЦКІЙ.

Она! Она сама!
Ахъ, голова горитъ, вся кровь моя въ волненьи!
Явилась! нѣтъ ея! неужели въ видѣньи?
Не впрямь ли я сошелъ съ ума?
Къ необычайности я точно приготовленъ,
Но не видѣнье тутъ—свиданья часъ условленъ.
Къ чему обманывать себя мнѣ самого?
Звала Молчалина—вотъ комната его.

ЛАКЕЙ—*съ крыльца.*

Каре...

ЧАЦКІЙ—*выталкивая его.*

Тсъ!.. Буду здѣсь, и не смыкая глазу,
Хоть до утра. Ужъ коли горе пить,
Такъ лучше сразу,
Чѣмъ медлить;—а бѣды медленьемъ не избыть!
Дверь отворяется...—*Прячется за колонну.*

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЧАЦКІЙ, спрятанъ; ЛИЗА, со свѣчою.

ЛИЗА.

Охъ, мочи нѣтъ, робѣю!
Въ пустыя сѣни, въ ночь!.. Боишься домовыхъ,
Боишься и людей живыхъ.
Мучительница, барышня, Богъ съ нею!
Ей Чацкій какъ бѣльмо въ глазу.
Вишь, показался ей онъ гдѣ-то здѣсь внизу.
Осматривается.
Да, какъ же! По сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ, чай, давно ужъ за ворота,
Любовь на завтра поберегъ,
Домой—и спать залегъ.
Однако велѣно къ сердечному толкнуться.
Стучится къ Молчалину.
Послушайте-съ! Извольте-ка проснуться:
Васъ кличетъ барышня! Васъ барышня зоветъ!
Да поскорѣй, чтобъ не застали...

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЧАЦКІЙ, за колонной; ЛИЗА, МОЛЧАЛИНЪ, потягивается и зѣваетъ; СОФЬЯ, крадется съ верху.

ЛИЗА.

Вы, сударь, камень!—сударь, ледъ [1])!

МОЛЧАЛИНЪ.

Ахъ, Лизанька! Ты отъ себя ли?

ЛИЗА.

Отъ барышни-съ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Кто-бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щёчкахъ, въ этихъ жилкахъ

---

[1]) Изъ письма Грибоѣдова къ Бѣгичеву видно, что недостававшая вовсе въ первоначальномъ планѣ пьесы вся эта сцена была задумана авторомъ въ почтовой каретѣ, на дорогѣ въ Петербургъ; написанная въ самый день пріѣзда, она точно разомъ вылилась изъ-подъ его пера. Имѣя основною цѣлью передать въ рельефныхъ чертахъ безстыдную profession de foi Молчалина, эта сцена художественно дорисовываетъ его характеръ.—Первоначально, когда Лиза вызвала Молчалина, Софья едва успѣваетъ сказать ему:

Какъ я перепугалась,
Мой другъ! Шла давича съ свѣчой сюда въ рукахъ,
И что-то двигалось... Мнѣ показалось,
Что Чацкій здѣсь...

Въ эту минуту Чацкій бросается между ними и восклицаетъ:

Я здѣсь, притворщица! Да!...

Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ!

ЛИЗА.

А вамъ, искателямъ невѣстъ,
Не нѣжиться и не зѣвать бы:
Пригожъ и милъ — кто не доѣстъ
И не доспитъ до свадьбы.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

ЛИЗА.

А съ барышней?

МОЛЧАЛИНЪ.

Поди!

Надежды много впереди,—
Безъ свадьбы время проволочимъ.

ЛИЗА.

Что вы, судàрь! Да мы кого-жъ
Себѣ въ мужья другого прочимъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Не знаю. А меня такъ разбираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Аѳанасьичъ, разъ
Когда-нибудь, поймаетъ насъ,
Разгопитъ, прокляпетъ!.. Да что?.. открыть ли душу?
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго... Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато!

Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбитъ, какъ его.
Мой ангельчикъ! желалъ бы вполовину
Къ ней то же чувствовать, что́ чувствую къ тебѣ;
Да нѣтъ: какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь—и простыну!

СОФЬЯ—*въ сторону.*

Какія низости!

ЧАЦКІЙ—*за колонной.*

Подлецъ!

ЛИЗА.

И вамъ не совѣстно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья;
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику—для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника—чтобъ ласкова была!....

ЛИЗА.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

МОЛЧАЛИНЪ.

И вотъ любовника я принимаю видъ
Въ угодность дочери такого человѣка...

ЛИЗА.

Который кормитъ и поитъ,

А иногда и чиномъ наградитъ?...
Пойдемте же, довольно толковали.

МОЛЧАЛИНЪ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали!
Дай, обниму тебя отъ сердца полноты!

Хочетъ ее обнять; Лиза не дается

Зачѣмъ она не ты?—*Хочетъ идти; Софья его не пускаетъ.*

СОФЬЯ—*почти шопотомъ. Вся сцена вполголоса.*

Нейдите далѣе... Наслушалась я много!
Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнъ стыжусь.

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ!.. Софья Павловна!

СОФЬЯ.

Ни слова, ради Бога!
Молчите! я на все рѣшусь!

МОЛЧАЛИНЪ—*бросается на колѣни; Софья его отталкиваетъ.*

Ахъ, вспомните!... не гнѣвайтесь!... взгляните!
Сердиться перестаньте!

СОФЬЯ.

Не помню ничего! не докучайте мнѣ!
Воспоминанія! какъ острый ножъ онѣ!..

МОЛЧАЛИНЪ — *ползаетъ у нея въ ногахъ.*

Помилуйте!

СОФЬЯ.

Не подличайте, встаньте!
Отвѣта не хочу,—я знаю вашъ отвѣтъ:
Солжете...

МОЛЧАЛИНЪ.

Сдѣлайте мнѣ милость!

СОФЬЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Шутилъ, и не сказалъ я ничего, окромѣ...

СОФЬЯ.

Да встаньте-жъ, говорю!.. Сейчасъ
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ,
И погублю себя и васъ! *Молчалинъ встаетъ.*
Я съ этихъ поръ васъ будто не знавала...
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать: не стóите вы ихъ!
Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала!..

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ вы прикажете.

СОФЬЯ.

Иначе—разскажу

Всю правду батюшкѣ съ досады...
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите! — Стойте!.. Будьте рады,
Что при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши
Держались болѣе вы робости во правѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въ явѣ.
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души.
Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала:
Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,
Какъ давича, когда я въ обморокъ упала,—
Здѣсь Чацкій былъ...

ЧАЦКІЙ—*бросается между ними.*
Онъ здѣсь, притворщица!

ЛИЗА И СОФЬЯ.

Ахъ! Ахъ!

Лиза роняетъ свѣчу съ испуга. Молчалинъ скрывается къ себѣ въ комнату.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, кромѣ МОЛЧАЛИНА.

ЧАЦКІЙ.

Скорѣе въ обморокъ! Теперь оно въ порядкѣ [1])!
Важнѣе давишней причина есть къ тому.

---

[1]) Послѣ внезапнаго появленія Чацкаго взволнованный разговоръ между нимъ и Софьей по первоначальной редакціи расположенъ совершенно иначе. Не Чацкому, а Софьѣ принадлежитъ большая часть упре-

Вотъ, наконецъ, рѣшеніе загадкѣ:
Вотъ я пожертвованъ кому!
Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ!...
Глядѣлъ, и видѣлъ, и не вѣрилъ!
А милый, для кого забытъ
И прежній другъ, и женскій страхъ, и стыдъ,
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ!
Ахъ, какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой—гонительница, бичъ!
Молчалины — блаженствуютъ на свѣтѣ!

ковъ,—и это объясняется указанной выше вставкой угрозы Чацкаго отмстить, угрозы, которая, по мнѣнію Софьи, теперь имъ исполняется. Когда онъ говоритъ ей:

И зналъ ужъ разъ, а вѣрить усумнился!
Сходнѣе-бъ кажется, сквозь землю провалился!

Софья, внѣ себя отъ досады и принимая на себя открыто отвѣтственность за свой поступокъ, отвѣчала:

Какая низость! Подстеречь,
Подкрасться—и потомъ, конечно, обезславить!
Что? Этимъ думали къ себѣ меня привлечь,
И страхомъ, ужасомъ любить себя заставить?
Отчетомъ я себѣ обязана самой.
Однако, вамъ поступокъ мой
Чѣмъ кажется такъ золъ и такъ коваренъ?
Не лицемѣрила и права я кругомъ...
Ахъ, Боже мой! Стукъ, шумъ! Сюда бѣжитъ весь домъ!
Вотъ батюшка...

ЛИЗА.

Самъ баринъ!

СОФЬЯ — *вся въ слезахъ.*

Не продолжайте, я вину себя кругомъ [1])!
Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коваренъ!

ЛИЗА.

Стукъ, шумъ! Ахъ, Боже мой! Сюда бѣжитъ весь домъ!
Вашъ батюшка... вотъ будетъ благодаренъ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, ФАМУСОВЪ и толпа слугъ со свѣчами.

ФАМУСОВЪ.

Сюда за мной! Скорѣй! Скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? — Ба! Знакомыя все лица!
Дочь! Софья Павловна! — Срамница!
Безстыдница! Гдѣ! Съ кѣмъ! Ни дать, ни взять, она
Какъ мать ея, покойница жена!
Бывало, я съ дражайшей половиной
Чуть врознь—ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной.
Побойся Бога! — какъ? чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла...

---

1) Указанное въ предыдущемъ примѣчаніи коренное измѣненіе характера этого діалога нигдѣ такъ не замѣтно, какъ именно въ этихъ двухъ стихахъ. Не съ отчаянной отвагой отвѣчаетъ Софья,—что было-бы гораздо послѣдовательнѣе, если вспомнить вызывающій, полу-презрительный тонъ ея послѣднихъ разговоровъ съ Чацкимъ на балу,—а напротивъ, принимаетъ всю вину на себя и взываетъ къ его состраданію.

Нѣтъ, глупость на меня и слѣпота напала!
Все это заговоръ, — и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ и гости всѣ! За что́ я такъ наказанъ?

ЧАЦКІЙ—*Софьѣ.*

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

ФАМУСОВЪ.

Братъ, не финти! Не дамся я въ обманъ,
Хоть подеритесь, не повѣрю.
Ты, Филька, ты прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю!
Не знаетъ ни про что́, не чуетъ ничего!...
Гдѣ былъ? Куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ? И какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ, на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы!
Ты, быстроглазая! Все отъ твоихъ проказъ!
Вотъ онъ, Кузнецкій-Мостъ, наряды, да обновы!
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить?
Постой-же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу; маршъ, за птицами ходить!
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю...
Еще дня два терпѣнія возьми:
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми!
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,

За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать!
А, васъ, сударь, прошу я толкомъ
Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ.
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!
Я постараюся, въ набатъ я пріударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ,
И оглашу на весь народъ,
Въ сенатъ подамъ, министрамъ, государю!

ЧАЦКІЙ — *послѣ нѣкотораго молчанія.*

Не образумлюсь... Виноватъ [1])!
И слушаю—не понимаю!

---

[1]) Существуетъ нѣсколько варіантовъ заключительной рѣчи Чацкаго (одинъ напечатанъ въ изданіи «Горя отъ ума» Тиблена; другой, разнящійся отъ предшествующаго лишь двумя или тремя словами — въ «Русск. Вѣстникѣ» 1873, сентябрь, и т. д.). Мы приводимъ здѣсь первоначальную редакцію начала рѣчи, до словъ: „слѣпецъ, въ комъ я искалъ“... и т. д. Эта редакція еще не была нигдѣ напечатана:

Я передъ вами виноватъ.
Не знаю, почему васъ съ тѣми ставилъ въ рядъ,
Которымъ, впрочемъ, здѣсь найдутся сотни равныхъ,
Искательницъ фортунъ и женіховъ чиновныхъ,
Которымъ красотой едва дано расцвѣсть,
Ужъ глубоко натверженo искусство:
Не сердцемъ поискать, а взвѣсить и разсчесть,
И продавать себя въ замужство.
Вы выше этого. По васъ такой, чтобъ былъ
Немножко простъ и очень милъ,

Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ...
Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю... *Съ жаромъ.*
Слѣпецъ!—Я въ комъ искалъ награды всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, .летѣлъ, дрожалъ... Вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давича такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель пѣжныхъ словъ?
А вы,—о, Боже мой!—Кого себѣ избрали?
Когда подумаю: кого вы предпочли!

Чтобъ вы могли его и въ возрастѣ бы зрѣломъ
Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ.
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ женпиыхъ пажей,—
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.
Но, Боже мой, кого себѣ избрали?
Когда размыслю я, кого вы поискали!
За что меня вы завлекли,
Повергли въ бездну золъ, мученій и печали...

Въ названныхъ выше варіантахъ наиболѣе разногласія съ приведенною сейчасъ редакціею замѣчается въ начальныхъ стихахъ:

Не образумлюсь! Виноватъ!
Не знаю, какъ я невпопадъ
Представилъ васъ себѣ одной изъ хладнокровныхъ
Искательницъ фортунъ и женихонъ чиновныхъ,
Которой красотѣ едва дано расцвѣсть,
Ужъ глубоко натверженo искусство:
Не сердцемъ поискать, а взвѣсить и расчесть
И торговать собой въ замужство.

Вообще нельзя не замѣтить, что послѣдняя рѣчь Чацкаго предпочтительно передъ всѣми другими частностями комедіи подверглась особенно заботливой отдѣлкѣ.

Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ!
Дышалъ я ими, жилъ, былъ занятъ безпрерывно,
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки,—все противно:
Я съ вами бы тотчасъ сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ-бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ.
Вы съ нимъ помиритесь по размышленьи зрѣломъ:
Себя крушить—и для чего?
Подумайте: всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ.
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ женипыхъ пажей. —
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!
Довольно!... Съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ.
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ:
Другой найдется, благонравный
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный...

Такъ! Отрезвился я сполна:
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!
Теперь не худо было-бъ сряду
На дочь и на отца,
И на любовника-глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду!
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба!
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ! Мучителей толпа,
Въ любви предателей; въ враждѣ неутомимыхъ,
Разскащиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!...
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ, —
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть съумѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ.
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ!
Бѣгу, не оглянусь,—пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ:
Карету мнѣ! Карету!

Быстро уходитъ. Фамусовъ долгое время стоитъ въ остолбенѣніи.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, кромѣ ЧАЦКАГО.

ФАМУСОВЪ.

Ну что? Не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ?
Скажи серьёзно!
Безумный! Что онъ тутъ за чепуху мололъ!
«Низкопоклонникъ!.. тесть»... И про Москву такъ грозно...
А ты меня рѣшилась уморить!...
Моя судьба еще-ли не плачевна?
Ахъ, Боже мой! что́ станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ

ПИСЬМО КЪ КАТЕНИНУ

ВЪ ЗАЩИТУ „ГОРЯ ОТЪ УМА“ [1].

Умнѣйшій, любезнѣйшій Павелъ Александровичъ! Вчера я получилъ твое письмо, и знаешь-ли, какое оно дѣйствіе произвело на меня? Я заперся на цѣлый день, и у огонька моей печки полсутки пожилъ съ тобою, почтенный другъ. Прежніе года съ такою полнотою оживились въ моей памяти! Давно я не проводилъ времени такъ уединенно, и между тѣмъ такъ пріятно... Критика твоя, хотя и жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей; не уважая искренности ихъ, негодую на ихъ притворство: чортъ ли

---

1) Это письмо, въ защиту «Горя отъ ума», имѣетъ большое значеніе, представляя съ рѣдкой обстоятельностью какъ поэтическую теорію, которой держался, или, лучше сказать, которую самъ себѣ создалъ Грибоѣдовъ, такъ и взглядъ его на свою комедію, на ея планъ, построеніе и главные характеры. Выраженія, напечатанныя курсивомъ, принадлежатъ Катенину, который, какъ ревностный защитникъ ложноклассической теоріи, находилъ много погрѣшностей въ комедіи своего друга.

мнѣ въ ихъ мнѣніи! Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ. Мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію: дѣвушка, сама неглупая, предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому, чтобы умъ у насъ, грѣшныхъ, былъ обыкновененъ,—нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глупцовъ на одного здравомыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ, разумѣется, въ противорѣчіи съ обществомъ, его окружающимъ, его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ, зачѣмъ онъ немножко повыше прочихъ; сначала онъ веселъ, — и это порокъ: «шутить, и вѣкъ шутить, какъ васъ на это станетъ!» Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ: что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей, замѣтной черты? Его насмѣшки не язвительны, покуда его не взбѣсятъ,—но все-таки: «не человѣкъ! змѣя»! А послѣ, когда вмѣшивается личность, нашихъ затронули,—предается анаѳемѣ: «унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ»! Не терпитъ подлости: «Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій»! Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій, никто не повѣрилъ, и всѣ повторяютъ голосъ общаго недоброхотства, и до него доходитъ; притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется; онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза, и былъ таковъ. Ферзь [1]) тоже разочарована насчетъ своего сахара-медовича [2]). Что же можетъ быть полнѣе этого?

[1]) Подъ этимъ шахматнымъ терминомъ Грибоѣдовъ разумѣетъ Софью.

[2]) Т.-е. Молчалина.

Сцены связаны произвольно. Такъ же, какъ и въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ; чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ: а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую, раззѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра. *Характеры портретны.* Да, я коли не имѣю таланта Мольера, то, по крайней мѣрѣ, чистосердечнѣе его; портреты, и только портреты входятъ въ составъ комедій и трагедій; въ нихъ есть однако черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому—на столько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій; каррикатуръ ненавижу, въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика; ты воленъ просвѣтить меня, и коли что́ выдумаешь, я позаймусь отъ тебя съ благодарностью. Вообще я ни передъ кѣмъ не таился и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ, etc. etc.), что тебѣ обязанъ зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью моего дарованія, если оно есть во мнѣ. Одно прибавлю о характерахъ Мольера: «Мѣщанинъ во дворянствѣ», «Мнимый Больной»—портреты, и превосходные; «Скупецъ»—антропосъ [1]) собственной фабрики, и несносенъ.

Дарованія болье, нежели искусства. Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю, стою ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобы

1) Человѣкъ.

поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытверженнаго, пріобрѣтеннаго по́томъ и содѣйствіемъ искусства угождать теоретикамъ, т.-е. дѣлать глупости,—въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы,—тотъ, если художникъ, разбей свою палитру, и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко. Знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? Nugae difficiles! Я какъ живу, такъ и пишу свободно.

ПИСЬМА КЪ БѢГИЧЕВУ.

1824 года [1]).

Душа, другъ и братъ!—слава Богу, нашелъ случай мимо почты писать къ тебѣ. Чебышевъ взялся доставить. Онъ подговаривалъ меня вмѣстѣ прокатиться въ Москву, и признаюсь, соблазнительно очень, да сборы его слишкомъ скоры, я не поспѣлъ, или, лучше сказать, не могу въ эту минуту оторваться отъ побрякушекъ авторскаго самолюбія. Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ . . ., сер-

---

1) Настоящее письмо живо изображаетъ первый пріемъ, сдѣланный современниками «Горю отъ ума». Оно написано вскорѣ по пріѣздѣ Грибоѣдова въ Петербургъ, куда его влекла несбыточная надежда видѣть свое произведеніе на сценѣ. Отсюда тѣ урѣзки и измѣненія въ комедіи, о которыхъ онъ говоритъ въ началѣ письма (пропуски въ письмѣ сдѣланы прежней цензурой). Изъ сообщаемыхъ свѣдѣній важенъ разсказъ о времени сочиненія сцены Молчалина съ Лизой въ 4-мъ актѣ и о тѣхъ импровизаціяхъ, которыя позволялъ себѣ авторъ во время чтенія и которыя, вѣроятно, и перешли потомъ въ иные списки комедіи, чѣмъ иногда и можно объяснить нѣкоторыя разнорѣчія въ нихъ.

жусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ;... будетъ же, добьюсь до чего-нибудь; терпѣніе есть азбука всѣхъ прочихъ наукъ; посмотримъ, что́ Богъ дастъ. Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься: онъ такъ несовершененъ, такъ нечистъ; представь себѣ, что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или, лучше сказать, рифмъ перемѣнилъ; теперь гладко, какъ стекло. Кромѣ того, на дорогѣ пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между сценой Чацкаго, когда онъ увидѣлъ свою негодяйку, со свѣчою надъ лѣстницею, и передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи; искрами посыпались, въ самый день моего пріѣзда, и въ этомъ видѣ читалъ я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гр. и Булг., Колосовой, Каратыгину, дай счесть — *8 чтеній*, нѣтъ, обчелся,—двѣнадцать; третьяго дня обѣдъ былъ у Столыпина, и опять чтеніе, и еще слово далъ на три въ разныхъ закоулкахъ. Грому, шуму, восхищенію, любопытству, конца нѣтъ. Шаховской рѣшительно признаетъ себя побѣжденнымъ (на этотъ разъ). Замѣчаніемъ Вѣльгорскаго я тоже воспользовался. Но наконецъ мнѣ такъ надоѣло все одно и тоже, что во многихъ мѣстахъ импровизирую,—да, это нѣсколько разъ случилось,—потомъ я самъ себя ловилъ, но другіе недомекались. Voilà ce qui s'appelle sacrifier à l'interêt du moment. Ты, безцѣнный другъ мой, насквозь знаешь своего Александра; подпись гвоздю, который онъ вбилъ

себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе не сообразной съ ненасытностью души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ перемѣнѣ мѣстъ и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему-нибудь высшему? Какъ притомъ, съ какой стати, сказать людямъ, что грошевыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить? Ахъ! приличпа ли спѣсь тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ рукоплесканій? Перебью себя: это выходка не въ пору; будетъ въ пору, когда отсюда вырвусь.

Ѳеодосія, 12-го сентября 1825 г.

Третьяго дня я вырвался наконецъ изъ дряннаго городишка, гдѣ однако всякое со мною случалось, и веселое и грустное. А Брестъ!! Литовскій! вѣроятно пѣтъ хуже мѣстечка на взглядъ, но и тамъ пожилось. Въ нѣсколько часовъ я прокатился по солнышку до Карасубазара, и еще станцію далѣе; справа черпѣлись верхи Айлы и Чатырдага, потомъ передовые холмы ихъ заслонили въ виду продолговатый Агермышъ. Мы спустились въ какую-то безплодную ложбину, и долго тутъ ѣхали; наконецъ, повернули круто отъ селенія Эльбузы въ горныя дикія мѣста, гдѣ дорога просѣчена разными изви-

вами. Густые лѣса, кручи, скалы, хаосъ ужасный, все смѣшано въ этомъ искривленномъ направленіи. (Наконецъ) спустились подъ вечеръ въ роскошную Судацкую долину. Я не видалъ подобной, и она считается первою въ полуостровѣ по избытку виноградниковъ,—сады отъ Таракташа до моря на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, веселые домики помѣщиковъ, странные верхи утесовъ, и къ западу уединенныя развалины Генуэзскаго замка. Я ночевалъ у барона Боде (публициста изъ «Духа Журналовъ» etc. etc.).

На другой день (вчера) рано побрелъ къ мысу, на которомъ разметаны Сольдайскія руины. Я былъ одинъ. Александра [1]) отправилъ по колясочной дорогѣ въ Кафу. Кто хочетъ посѣщать прахъ и камни славныхъ усопшихъ, не долженъ брать живыхъ съ собою. Это мною нѣсколько разъ испытано. Поспѣшная и громкая походка, равнодушныя лица, и пуще всего глупые, ежедневные толки спутниковъ часто не давали мнѣ забыться, и сближеніе моей жизни, послѣдняго пришельца, съ судьбою давно отшедшихъ для меня было потеряно. Не такъ въ Сольдаѣ. Мирно и почтительно взошелъ я на пустырь, обнесенный стѣнами и обломками башень, цѣплялся по утесу, нависшему круто въ море, и бережно взобрался до самой вершины, и тамъ башня и сводъ уцѣлѣли. Съ Чатырдага видъ пространнѣе, но нѣтъ признака, чтобы тамъ люди живали, усѣлъ городъ, чтобы стекались въ

[1]) Александръ Грибовъ, молочный братъ Грибоѣдова, неразлучный съ нимъ во всѣхъ странствіяхъ.

него кущцы и странники изо всѣхъ частей свѣта, чтобы наконецъ онъ взятъ былъ на щитъ разсвирѣпѣвшимъ непріятелемъ, и груды камней одни бы свидѣтельствовали о прежней величавой его жизни. Здѣсь это все есть. И не приморскими видами я любовался; перебиралъ мысленно многое, что́ слыхалъ и видѣлъ, потомъ вообразилъ себя на одной изъ ростральныхъ колоннъ Петербургской биржи. Оттуда я наканунѣ моего отъѣзда любовался разноцвѣтностію кровель, позолотою главъ церковныхъ, красотою Невы, множествомъ кораблей и мачтъ ихъ. И туда взойдетъ нѣкогда странникъ (когда одинъ столбъ можетъ быть переживетъ разрушеніе дворцовъ и соборовъ) и посѣтуетъ о прежнемъ блескѣ нашей сѣверной столицы (нашихъ купцовъ, нашихъ царей и ихъ прислужниковъ).—Когда я сошелъ сверху къ берегу, лошади были приведены съ почты, и я поскакалъ. Скучныя мѣста, безъ зелени, безъ населенія, солонецъ, исчрескапный палящимъ солнцемъ, мѣстами полынь растетъ, такимъ образомъ до Козской долины, гдѣ природа щедрѣе и разнообразнѣе. То глубокіе спуски въ лѣсную чащу, дубы (осокори), дикія груши, дикій виноградъ, потомъ крутые подъемы, и съ высоты видиѣется море, котораго спиняя влага въ ведреную пору всегда для глазъ пріятна; мѣстами торчали обрушенныя, ветхія стѣны итальянцевъ, грековъ или готѳовъ, смотря по тому, кто какія книги читаетъ и которымъ вѣритъ. Самая миловидная полоса этой части Крыма по мнѣ *Оттузы*.—Сюда я прискакалъ поздно ночью, при лунномъ сіяніи.

Нынче обѣгалъ весь городъ. Чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Кафы и нашихъ однодневныхъ мазанокъ! Отчего однако воскресло имя Ѳеодосіи, едва извѣстное изъ описаній древнихъ географовъ, и поглотило наименованіе Кафы, которая громка во столькихъ лѣтописяхъ европейскихъ и восточныхъ? На этомъ полуостровѣ господствовали нѣкогда готическіе нравы генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи мунгаловъ съ примѣсью турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами—духъ разрушенія; ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города не взрытаго, неперекопаннаго. Что-жъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ русское племя, какъ имъ поступать съ бренными остатками нашего бытія.

А мнѣ между тѣмъ такъ скучно! такъ грустно! Думалъ помочь себѣ, взялся за перо, но пишется нехотя; вотъ и кончилъ, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду: я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности.—Пора умереть! Не знаю отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! Воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ; пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ еще никогда не бывало. Одоевскому я не пишу объ этомъ: онъ меня страстно любитъ, и пуще моего будетъ

несчастливъ, коли узнаетъ. Ты, мой безцѣнный Степанъ, любишь меня тоже, какъ только братъ можетъ любить брата, но ты меня старѣе, опытнѣе и умнѣе; сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди.

9-го декабря 1826 г.

Милый другъ мой! Плохое мое житье здѣсь.—На войну не попалъ, потому что и А. П. [1]) туда не попалъ. А теперь другого рода война. Два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ. Съ А. П. у меня родъ прохлажденія прежней дружбы. Денисъ Васильевичъ [2]) этого не знаетъ; я не намѣренъ вообще давать это замѣчать, и ты держи про себя. Но старикъ нашъ—человѣкъ прошедшаго вѣка. Не смотря на все превосходство, данное ему отъ природы, подверженъ страстямъ. Соперникъ ему глаза колетъ, а отдѣлаться отъ него онъ не можетъ и не умѣетъ. Упустилъ случай выставить себя съ выгодной стороны въ глазахъ соотечественниковъ, слишкомъ уважалъ непріятеля, который этого не стоилъ. Вообще война съ персіянами

1) Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.
2) Давыдовъ, извѣстный партизанъ.

самая несчастная, медленная и безвыходная. Погодимъ и посмотримъ.

Я на досугѣ кое что пишу. Жаль, что не въ силахъ распространиться тебѣ о себѣ и о моихъ созданіяхъ.—Сейчасъ изъ обѣда, а завтра Давыдовъ возвращается.—Я принялъ твой совѣтъ: пересталъ умничать;.... со всѣми видаюсь, слушаю всякій вздоръ, и нахожу, что это очень хорошо. Какъ-нибудь дотяну до смерти, а тамъ увидимъ, больше ли толку, Тифлисскаго или Петербургскаго. Тебя не браню за упорное молчаніе, угадываю причины; однако, коли въ Москвѣ будешь, схвати удобный случай, и напиши. Мазаровичева получила нѣжныя представленія отъ своей сестры Зыбиной или Зубковой въ пользу Дурнова, и намѣрена передать ихъ моимъ. Что объ этомъ знаешь? Кончено или вновь завязалось?

Буду ли я когда-нибудь независнымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и можетъ статься на перекоръ судьбы. Поэзія!! Люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконецъ, что́ слава? По словамъ Пушкина—

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно-вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣпится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ?

Все-таки Шереметевъ у насъ затмилъ бы Омира . . . . Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ; но всѣхъ равнодушнѣе наши сардары [1]); я думаю даже, что они ихъ ненавидятъ. Voyons ce qui en sera. Если ты будешь имѣть случай достать что-нибудь новое, пришли мнѣ въ рукописи. Не знаешь ли что-нибудь о судьбѣ Андромахи? напиши мнѣ. Я въ ней такъ же ошибся. Когда-нибудь, и можетъ быть, скоро, свидимся. . . . Ты удивишься, когда узнаешь, какъ мелки люди. Вспомни нашъ разговоръ въ Екатеринпнскомъ.—Теперь выкинь себѣ это все изъ головы. Читай Плутарха, и будь доволенъ тѣмъ, что было въ древности. Нынѣ эти характеры болѣе не повторятся.

1) Высшіе сановники въ Персіи.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ПИСАТЕЛЬ И ПУБЛИКА [1]).

[Черновой набросокъ не для печати, по поводу «Горя отъ ума».]

.... Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены. Расинъ и Шекспиръ подвергались той же участи,—такъ мнѣ-ли роптать?—Въ превосходномъ стихо-

---

1) Настоящій набросокъ, которому мы рѣшились придать такое заглавіе, нигдѣ еще не былъ напечатанъ вполнѣ (вступленіе приведено было въ статьѣ: «Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ ума», «Русск Арх.», 1874). Онъ любопытенъ, какъ свидѣтельство о томъ, что авторъ первоначально хотѣлъ облечь свой замыселъ въ совершенно иную форму,—вѣроятно, въ форму поэмы или же комедіи для чтенія; кромѣ того, здѣсь, хотя въ отрывочныхъ, но мѣткихъ фразахъ проведенъ взглядъ на жалкую зависимость драматическаго искателя отъ капризной и равнодушной публики. Страстная любовь къ театру, всегда отличавшая Грибоѣдова, превозмогла всѣ эти соображенія.

твореніи многое должно угадывать; не вполнѣ выраженныя мысли или чувства тѣмъ болѣе дѣйствуютъ на душу читателя, что въ ней, въ сокровенной глубинѣ ея, скрываются тѣ струны, которыхъ авторъ едва коснулся, нерѣдко однимъ намекомъ,—но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно. Для того съ обѣихъ сторонъ требуется: съ одной—даръ, искусство; съ другой—воспріимчивость, вниманіе. Но какъ же требовать его отъ толпы народа, болѣе занятаго собственною личностью, нежели авторомъ и его произведеніемъ? Притомъ, сколько привычекъ и условій, нимало не связанныхъ съ эстетическою частью творенія,—однако надобно съ ними сообразоваться. Сустное желаніе рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка послѣ каждыхъ трехъ-четырехъ сотъ стиховъ; необходимость побѣгать по коррндорамъ, душу отвести въ поучительныхъ разговорахъ о дождѣ и снѣгѣ,—и всѣ движутся, входятъ и выходятъ, и встаютъ и садятся. Всѣ таковы, и я самъ таковъ, и вотъ что называется публикой! Есть родъ познанія (которымъ многіе кичатся)—искусство угождать ей, т.-е. дѣлать глупости...

ОТРЫВКИ ИЗЪ ГРУЗИНСКОЙ НОЧИ [1]).

I.

Кормилица, какъ надо судить, уже успѣла объявить князю свою просьбу о возвращеніи сына и свою печаль; князь отвѣчаетъ.

К.

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали...

---

[1]) Содержаніе этой трагедіи, которую долго считали утраченною, пока приводимые нами отрывки не были найдены г. Смирновымъ въ черновыхъ тетрадяхъ автора и напечатаны въ «Русск. Словѣ» 1859 г., слѣдующимъ образомъ передается Булгаринымъ, знакомымъ со всѣмъ произведеніемъ: «Одинъ грузинскій князь, за выкупъ любимаго коня, отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, а потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ службу свою и требуетъ или возврата сына, или позволенія быть рабою одного съ нимъ господина, и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ

Т.

Ругаться старостью—то въ лютыхъ вашихъ нравахъ.
Стара я, да,—но не отъ лѣтъ однихъ!
Состарѣлась не въ играхъ, не въ забавахъ,
Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.
Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живого отъ могилы,
Моимъ же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда-жъ былъ многія годины въ заточеньи,
Безславью преданный въ отеческомъ краю,
И вѣтеръ здѣсь свисталъ въ хоромахъ опустѣлыхъ,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Такъ знай же повѣсть ты волосъ сихъ посѣдѣлыхъ,

обѣщаетъ выкупить сына кормилицы, и наконецъ, по княжескому обычаю, забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея отторжено отъ сердца дѣтище, и, какъ азіатка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Али, злыхъ духовъ Грузіи (Али собственно гномы, самое имя которыхъ значитъ *пламень*), и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Али вселить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера, но Али несутъ пулю въ сердце его дочери. Еще не свершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружья, чтобъ поразить князя, и убиваетъ своего сына. Князь и кормилица гибнутъ въ отчаяніи».—Буква *К.*, по объясненію нашедшаго рукопись, должна обозначать слово *князь* *Т.*—неизвѣстное имя кормилицы.

Колѣнъ моихъ согбенныхъ и морщинъ,
Которыя въ щекахъ моихъ изрыты
Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.
Вотъ въ подвигахъ какихъ младые дни убиты.
А ты? Ты, совѣсти и Богу вопреки,
Полсердца вырвалъ изъ утробы!
Что мнѣ твой гнѣвъ? Гроза твоей руки?
Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы...
И кочетъ, если взять его птенца,
Кричитъ, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца,
Онъ похитителя зоветъ на бой неравный;
И мнѣ передъ тобой не можно умолчать, —
О сынѣ я скорблю: я человѣкъ, я мать...
Гдѣ громъ твой, власть твоя, о Боже Вседержавный!

К.

Творецъ, пошли мнѣ вновь изгнанье, нищету,
И на главу мою всѣ ужасы природы:
Скорѣе въ томъ ущельи пропаду,
Гдѣ бурный Ксань крутитъ сѣдыя воды,
Терпѣть разбойникомъ гоненья, голодъ, страхъ,
Отъ стужи, непогодъ не бывъ укрытымъ,
Чѣмъ этой фуріи присутствіе сносить
И злость души, и ядъ ея упрековъ.

Т.

Ничѣмъ тебя не можно умилить:
Ни памятью добра, ни силой слезныхъ токовъ!
Подумай, — самъ отецъ, и сына ты лишенъ.

Когда, застрѣленный, къ тебѣ онъ былъ внесенъ,
И ты въ послѣдній разъ прощался съ трупомъ милымъ,
Безъ памяти приникъ къ очамъ застылымъ
И оживить хотѣлъ потухшій взоръ,
Весь воздухъ потрясалъ дѣтей и женъ вой дикій,
И вторили раскаты этихъ горъ
Съ утра до вечера пронзительные крики, —
Ты самъ хотѣлъ зарыться въ землю съ нимъ.
Но, взятый смертію, во вѣкъ невозвратимъ!
Когда-же бъ искупить ты могъ его изъ плѣна,
Какой тогда казны бы пожалѣлъ?
На чей бы гнѣвъ суровый не посмѣлъ?
Ты чьи тогда не обнялъ бы колѣна?

К.

И нѣтъ еще къ тебѣ вражды!..
Я помню о людяхъ, о Богѣ,
И сына твоего не далъ бы безъ нужды,
Но честь моя была въ залогѣ.
Его цѣной я выкупилъ коня,
Который подо мной въ бояхъ меня прославилъ,
Изъ жаркихъ битвъ онъ выносилъ меня...
Тотъ подлъ, кто бы его въ чужихъ рукахъ оставилъ.

Т.

Ни конь твой босвой всей крѣпостію жилъ,
Никто изъ слугъ твоихъ любимыхъ
Такъ вѣрой-правдою тебѣ не послужилъ,
Какъ я въ трудахъ неисчислимыхъ.

Мой отрокъ, если-бъ возмужалъ,
За славу твоего онъ княжескаго дома
Сто разъ-бы притупилъ и саблю и кинжалъ,
Не убоялся-бы онъ язвъ и пушекъ грома.
Какъ матерью его ты былъ не разъ спасенъ,
Такъ на плечахъ своихъ тебя бы вынесъ онъ.

К.

Прочь отъ меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнѣвъ,
И не терзай мнѣ жалобами слуха, —
Безвременемъ кому твой вопль, и стонъ, и ревъ.
Ужъ сынъ твой рабъ другого господина,
И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ,
Онъ проданъ мной, и я былъ воленъ въ томъ, —
Онъ былъ мой крѣпостной...

Т. — *падаетъ на колѣни.*

Онъ сынъ мой! Дай мнѣ сына!
И я твоя раба, — зачѣмъ-же мать
Отъ дѣтища ты разлучилъ родного?
Дай разъ еще къ груди его прижать!...
Ахъ, ради Бога имени святого,
Чтобъ не видать кровавыхъ слезъ моихъ,
Соедини ты снова насъ двоихъ.

К.

Не повторяй мнѣ горькіе упреки!
Въ поля и въ горы — вотъ пути широки.

Тамъ мчится шумная рѣка,
Садись надъ пропастью, бесѣдуй свысока
О сынѣ съ мраками ночными
И степь буди степаньями своими,
Но въ домъ не возвращайся мой...
Уймись, или исчезни съ глазъ долой.

Т.

Достойное заслугамъ воздаянье!
Такъ будь же проклятъ ты и весь твой родъ,
И дочь твоя, и все твое стяжанье!
Какъ ловчіе, — ни быстриною водъ,
Ни крутизною скалъ не удержимы,
Но скачутъ, по вѣтрамъ носимы,
Покуда звѣрь отъ ихъ ударовъ не падетъ,
Истекшій кровію и пѣной, —
Пускай истерзана такъ будетъ жизнь твоя,
Пускай преслѣдуютъ тебя ножемъ, измѣной,
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности въ награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Какъ продалъ сына моего.
Отступникъ, самъ себя карая,
Въ безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днемъ дрожи,
На церковь божію взирая.
Твой прахъ землѣ не предадутъ,

Лишь путники произнесутъ
Ругательства надъ трупомъ хладнымъ,
И будь добычею чекаламъ плотояднымъ...
А тамъ,—передъ судомъ Всевышняго Творца,
Ты обреченъ уже на муки безъ конца!

II.

Кормилица призываетъ, въ помощь своей мести, Али,— злыхъ духовъ Грузіи.

О, люди! Кто назвалъ людьми исчадій зла,
Которыхъ отъ кровей утробныхъ
Судьба на то произвела,
Чтобъ были гибелью, бичемъ себѣ подобныхъ!
Но силы свыше есть! Прочь совѣсть и боязнь!..
Ночныя чуда! Али! Али!
Явите мнѣ свою пріязнь,
Какъ вы всегда являли
Предавшимъ вѣру и законъ,
Душой преступнымъ и безсильнымъ.
Свѣтите мнѣ огнемъ могильнымъ,
Несите вѣтеръ, свистъ и стонъ,
Дружины Али! Знакъ условный—
Вотъ пять волосъ
Отъ васъ унесъ
Вашъ хитрый, смѣлый врагъ, мой братъ единокровный,
Когда въ. . . . [1]) онъ блуждалъ,
На мшистыхъ высотахъ уединенныхъ скалъ.

[1]) Слово неразобранное.

Я крестнымъ знаменьемъ отъ васъ оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А нынѣ кинутой быть горько спротой [1])!
Равны страданія въ сей жизни или въ той?..
Слетайтеся, слетайтесь,
Отколѣ въ темну ночь исходятъ привидѣнья,
Изъ снѣжныхъ горъ,
Изъ дикихъ норъ,
Изъ груды тли и разрушенья,
Изъ сонныхъ тинистыхъ зыбей,
Изъ тѣхъ пустыней многогробныхъ,
Гдѣ служатъ пиршествомъ червей
Останки праведныхъ и злобныхъ.
Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ [2])!

---

[1]) Варіантъ:

Такъ отъ людей надежды болѣ нѣтъ,
И Вседержителемъ отвергнуто моленье!
Услышьте вы, отчаянья привѣтъ
И мрака порожденье!

Затѣмъ написано нѣсколько стиховъ, видимо сюда относящихся:

Я крестнымъ знаменьемъ отъ васъ оборонялась,
Тогда была добра, имѣла сына я...—*Одна Али появляется въ уединенномъ мѣстѣ:*

Кого клянешь?
На чью главу
Бѣду зовешь?

[2]) Въ черновой два варіанта слѣдующихъ четырехъ стиховъ:

Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!..
Лишь тучи длинными грядами

На мой призывъ не отзовутся!
Лишь тучи на небѣ несутся
И воетъ вѣтръ... Ахъ, вотъ онѣ!

Прислоняется къ утесу и не глядитъ на нихъ.

Али—*плаваютъ въ туманѣ у подошвы горъ.*

Въ парахъ вечернихъ, передъ всходомъ
Печальной, дѣвственной луны,
Мы выступаемъ хороводомъ
Изъ недозримой глубины.

Т.

Робѣетъ духъ, языкъ прикованъ мой!
Земля, не разступайся подо мной...

Али.

Таятся въ мрачной глубинѣ
Непримиримыхъ оскорбленья,
И созрѣваютъ въ тишинѣ,
До дня рѣшительнаго мщенья;
Но тотъ, чей замыселъ не скрытъ,

Перебѣгаютъ надъ холмами
И все крутятся... Ахъ, опѣ!

Другой варіантъ:

Но нѣтъ ихъ! Нѣтъ! И что мнѣ въ чудесахъ
И въ заклинаніяхъ напрасныхъ!
Нѣтъ друга на землѣ и въ небесахъ,
Ни въ Богѣ помощи, ни въ адѣ для несчастныхъ.

Какъ темпая гробовъ обитель,
Вражды вовѣкъ не утолитъ
Нетерпѣливый мститель.

Р.

. . . . . [1])

Настанетъ день и часъ пробьетъ.

Али.

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обрѣтетъ
И ближній ближняго лишится.—*Молчаніе.*
Куда мы, Али? Въ эту ночь
Бѣжитъ отъ глазъ успокоенье.

ОДНА ИЗЪ НИХЪ.

Спѣшу родильницѣ помочь,
Чтобъ задушить грѣха рожденье.

ДРУГІЯ.

А мы въ за-горскіе края,
Гдѣ пиръ пируютъ кровопійцы.

ПОСЛѢДНЯЯ.

Тамъ замокъ есть... Тамъ сяду я
На смертный одръ отцеубійцы...

---

1) Пропускъ, сдѣланный самимъ Грибоѣдовымъ.

ОДОЕВСКОМУ [1]).

Я дружбу пѣлъ... Когда струнамъ касался,
Твой геній надъ главой моей парилъ;
Въ стихахъ моихъ, въ душѣ тебя любилъ,
И призывалъ, и о тебѣ терзался!...
О, мой Творецъ! Едва расцвѣтшій вѣкъ
Ужели ты безжалостно пресѣкъ!
Допустишь-ли, чтобы его могила
Живого отъ любви моей сокрыла!...

---

[1]) Стихотвореніе это сохранилось въ черновыхъ бумагахъ Грибоѣдова и надписано буквами А. О. Несчастія одного изъ лучшихъ друзей Грибоѣдова, Александра Одоевскаго, сосланнаго послѣ декабрьскаго возстанія въ Сибирь, особенно надрывали сердце Грибоѣдову. Онъ считалъ Одоевскаго своимъ ангеломъ-хранителемъ и благоговѣлъ передъ нимъ. Вѣроятно, какая-нибудь вѣсть объ опасности, угрожающей жизни друга, вызвала это стихотвореніе. Впослѣдствіи подобная же дружба связала Одоевскаго, уже на Кавказѣ, съ Лермонтовымъ.

ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ ПИСЕМЪ [1]).

Эчміадзинъ, 17-го сентября 1828 г.

Другъ мой, Варвара Семеновна! Жена моя, по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза, мѣшаетъ писать. Знаетъ, что пишу къ женщинѣ, и ревнуетъ. Не пеняйте же на долгое мое молчаніе, милый другъ; видите ли, въ какую необыкновенную для меня эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ, 110 лошадей и муловъ, почуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нинушка моя не жалуется, всѣмъ довольна, игрива, весела; для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется,

[1]) Эти два письма обращены къ г-жѣ В. С. Миклашевичъ, родственницѣ Жандра. Въ нихъ ясно изображается полное обновленіе жизни Грибоѣдова, произведенное его бракомъ; онъ снова счастливъ, и каждая строка дышетъ нѣжною любовью, на которую въ такой степени былъ способенъ поэтъ, имѣвшій обыкновенно репутацію ненавистника женщинъ. Предчувствіе бѣды, сказавшееся въ концѣ второго письма, не замедлило оправдаться: меньше, чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ этого письма произошла роковая рѣзня въ Тегеранѣ.

ныллтъ, смѣпнвается и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, куреніемъ etc.; и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое мое помышленіе объ васъ и объ Андреѣ. Помиритесь съ моей лѣнью.

«Какъ это все случилось? Гдѣ я, что̀ и съ кѣмъ! Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда . Слышите? Это жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему,—доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. *А независимость, которой я былъ такой страстный любитель*, исчезла, можетъ быть, навсегда, и какъ ни мило и утѣшительно дѣлить все съ милымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди какъ темно, неопредѣленно! Бросьте вашего Транёра и Кунерову Prairie,—мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ не похожъ на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ.

Тавризъ, 3-го декабря 1828 г.

Какъ я себя виню, что не послалъ вамъ написанныхъ этихъ строчекъ три мѣсяца назадъ. Вы бы не сердились на меня, а теперь, вѣрно, разлюбили. и правы. Не хочу оправдываться; Андрей, ты помоги мнѣ умилостивить нашего общаго друга.

Вѣрно, сами догадаетесь, неоцѣненная Варвара Семеновна. что я пишу къ вамъ не въ обыкновенномъ положеніи души. Слезы градомъ льются...

Неужели я для того рожденъ, чтобы заслуживать справедливые упреки за холодность, и мнимую притомъ, за невниманіе, эгоизмъ отъ тѣхъ, за которыхъ охотно бы жизнь отдалъ. Александръ нашъ (кн. Одоевскій) что́ долженъ обо мнѣ думать! И это кроткое, тихое созданіе, которое отдалось теперь на всю мою волю, безъ ропота раздѣляетъ мою ссылку и страдаетъ самою мучительною беременностію! Кто знаетъ: можетъ быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по такъ-называемымъ дѣламъ, на короткое время, по послѣ время продлится, обстоятельства завлекутъ, забудусь, не стану писать... Что́ проку, что чувства во мнѣ неизмѣнны, когда видимые поступки тому противорѣчатъ. Кто повѣритъ! Александръ мнѣ въ эту минуту душу раздираетъ. Сейчасъ пишу къ Паскевичу; коли онъ и теперь ему не поможетъ, провались всѣ его отличія, слава и громъ побѣдъ. все это не стоитъ избавленія отъ гибели

одного несчастнаго, и кого же! Боже мой! Пути твои неизслѣдимы!

Сказать ли вамъ теперь о моемъ бытѣ? Не занимательно ни для кого,—я только чрезвычайно занятъ. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки съ турками. Взимаю контрибуцію довольно успѣшно. Друзей не имѣю никого и не хочу: должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что́ велитъ Государь Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь и меня прозвали *сахтиръ*, coeur dur. Къ намъ перешло до 8,000 армянскихъ семействъ, и я теперь за оставшееся ихъ имущество не имѣю ни днемъ, ни ночью покоя, сохраняю ихъ достояніе и даже доходы; все кое-какъ дѣлается по моему слову. Наконецъ, послѣ тревожнаго дня, вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ; тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; разсказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить; вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится часто. Полюбите мою Нипочку. Хотите ее знать? Въ Malmaison, въ эрмитажѣ, тотчасъ при входѣ, направо, есть мадонна въ видѣ пастушки Murillo,—вотъ она. Прощайте, неоцѣненный другъ мой, Варвара Семеновна! Не сердитесь, не разлюбите вѣрнаго вамъ—*А. Г.*

3917

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

ПОРТРЕТЪ.

Стран.

Предисловіе. III

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.—Біографическій очеркъ. VII

Бѣлинскій и Пушкинъ о комедіи «Горе отъ ума». LXXII

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Планъ и Сцена изъ драмы 1812 года 3

Лубочный театръ. 9

Письма къ Бѣгичеву, 1816—1818 г. 13

Телешовой. 19

Душа 22

Хищники на Чегемѣ. 23

Прости отечество. 27

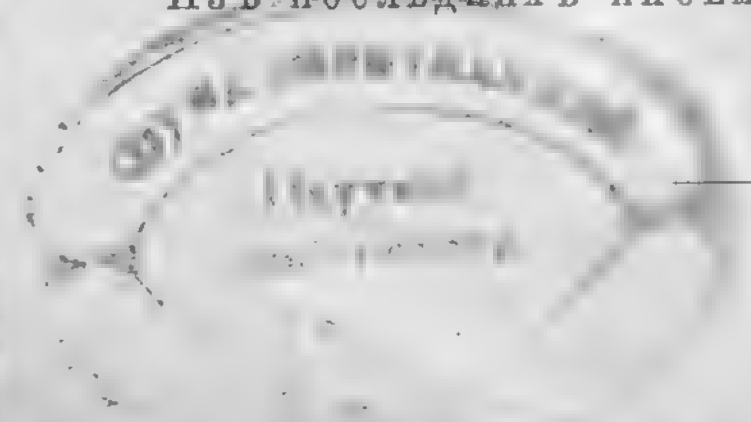
Своя семья, или Замужняя невѣста.—Отрывокъ изъ второго дѣйствія комедіи. 29
Письмо къ Издателю «Сына Отечества 45
Отрывокъ изъ Гёте 52

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Горе отъ ума. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ . . 61
Дѣйствіе первое 65
» второе 98
» третье 134
» четвертое 188

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Письмо къ Катенину, въ защиту «Горя отъ ума» . 229
Письма къ Бѣгичеву, 1824—1826 г. 233
Драматическій писатель и публика.— Черновой набросокъ не для печати, по поводу «Горя отъ ума». 242
Отрывки изъ Грузинской ночи 244
Одоевскому. 254
Изъ послѣднихъ писемъ, 1828 г. . . . 255—258



wp